
Дж. Р. Р.
ТОЛКИН
ХОББИТ
Иллюстрации АЛАНА ЛИ

Хоббит

Джон Роналд Руэл Толкин

Аннотация
Джон Толкин. Хоббит
Глава I. Нежданное угощение
Глава II. Жаркое из баранины
Глава III. Короткая передышка
Глава IV. Через горы и под горами
Глава V. Загадки во мраке
Глава VI. Из огня да в полымя
Глава VII. В гостях у Беорна
Глава VIII. Пауки и мухи
Глава IX. Верхом на бочонке
Глава X. Радушный прием
Глава XI. На пороге
Глава XII. Вести изнутри
Глава XIII. Кто дома, а кого и нет
Глава XIV. Вода и пламень
Глава XV. Гроза надвигается
Глава XVI. Дела ночные
Глава XVII. Гроза разразилась
Глава XVIII. Возвращение
Глава XIX. Последний шаг

Аннотация

Джон Рональд Руэл Толкин (3.01.1892 – 2.09.1973) – писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета, родоначальник современной фэнтези.

В 1937 году был написан «Хоббит», а в середине 1950-х годов увидели свет три книги «Властелина Колец», повествующие о Средиземье – мире, населенном представителями волшебных рас со сложной культурой, историей и мифологией.

В последующие годы эти романы были переведены на все мировые языки, адаптированы для кино, мультипликации, аудиопьес, театра, компьютерных игр, комиксов и породили массу подражаний и пародий.

Алан Ли (р. 20.08.1947) – художник-иллюстратор десятков книг в жанре фэнтези. Наибольшую известность приобрели его обложки и иллюстрации к произведениям Джона Р.Р. Толкина: «Хоббит», «Властелин Колец», «Дети Хурина». Также иллюстрировал трилогию «Горменгаст» Мервина Пика, цикл средневековых валлийских повестей

«Мабиногион» и многое другое.

Джон Толкин
Хоббит

© The J.R.R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997
© Illustrations. Alan Lee, 1997
© Перевод. К. Королев, 1999
© Перевод стихов. В. Тихомиров, наследники, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

На востоке Железное
Одинокая гора
Поторное
На севере Серые горы и Гнилая пустошь, откуда прилетали драконы
На западе где водя
Карта Трора

Взгорье, где правит Даин
В Доле правит Гирегон
Долгое озеро
Беглая река
Раздраконье
В Эсгароте на Долгом озере живут люди
Лесная река
Чертоги короля эльфов
Лихолесье, ...тся пауки

Серые горы
Пустошь
Лесная река
Пещеры эльфов
тропа
горы
Колдовская река
Мглистые горы
Бегорн
горы Лихолесья
Старая дорога
Лихолесье
река Андуин
(Великая река)
Дол-Гулдур

З.
В.
Ю.
Железное взгорье
Одинокая гора
Эребор
Долгое озеро
река Белуидэ
озеро Рун
Дорвинион
Глухоманье

Глава I
Нежданное угощение

* * *

В земле была нора, а в норе жил хоббит. Нора была вовсе не грязная и совсем не сырая; не копошились в ней черви, не лепились по стенам слизняки, нет — в норе было сухо и тепло, пахло приятно, имелось там на что присесть и что покушать, — словом, нора принадлежала хоббиту, а стало быть, само собой, была уютной во всех отношениях.

Входная дверь в нору, круглая, точно люк, со сверкающей медной ручкой посредине, была выкрашена в зеленый цвет. Открывалась она в просторный и длинный коридор, похожий на пещеру, но чистый и ничуть не задымленный; в нем стояли стулья, пол устилали ковры, стены, обшитые деревянными панелями, оснащены были великим множеством крючков для плащей и шляп — этот хоббит просто обожал принимать гостей. Коридор, изгибаясь, проходил в глубине холма — или Кручи, как называли холм на много миль окрест. По обеим сторонам коридора в два ряда тянулись маленькие круглые дверцы, за которыми скрывались самые разные помещения, так что лазать наверх или спускаться вниз хоббиту не приходилось: спальни, ванные, погреба и кладовые (их было не перечесть), кухни, трапезные, гардеробные (в норе имелась особая комната, целиком отведенная под одежду) — все находилось рядом, в любую комнату можно было попасть из того же самого коридора. Лучшие покои располагались по левую руку, если стоять спиной ко входу, и только в них были окна, глубоко посаженные круглые оконца, выходившие в сад, за которым полого скатывались к реке луга.

Этот хоббит был весьма зажиточным, а фа-

милия его была Торбинс. Торбинсы обитали на Круче невесть с каких пор, и все их очень даже уважали — не только потому, что они славились своим богатством, но и потому, что в роду у них не было сумасбродов и ни с кем из Торбинсов никогда ничего не приключалось. И всякий мог заранее догадаться, что ответит какой-нибудь Торбинс на тот или иной вопрос. Однако наша история — о том, как один из Торбинсов засумасбродил и, сам не зная почему, начал говорить и делать вещи поистине невероятные. Пожалуй, после этого он потерял уважение соседей, зато приобрел… — впрочем, вы скоро узнаете, приобрел ли он хоть что-нибудь.

Матушкой нашего хоббита… Да, кстати, а кто такие хоббиты? Ведь сегодня хоббиты встречаются весьма редко и старательно избегают Громадин (такое прозвище они дали людям), поэтому не мешает, наверно, их описать, хотя бы в общих чертах. Это маленькие существа, ростом взрослому человеку по пояс. Но они — не гномы: хоббиты будут пониже, да и бород отродясь не имели. Волшебством они не занимаются, зато умеют в мгновение ока скрыться, если поблизости появятся Громадины, топочущие будто слоны. Хоббиты предрасположены к полноте, носят одежду яр-

ких цветов, предпочитая в основном желтый и зеленый; ходят они босиком — башмаки им не нужны, ибо кожа у них на ступнях крепче сапожной подошвы, а стопы сверху покрыты густой рыжеватой шерсткой, согревающей в холода; пальцы у хоббитов длинные и чуткие, лица добродушные, и смеются они от души (в особенности поевши, а едят они часто и помногу). Ну вот, теперь вы знаете о хоббитах достаточно, и я могу продолжить.

Как я уже сказал, матушкой нашего хоббита, Бильбо Торбинса, была знаменитая Белладонна Тук, одна из трех дочерей хоббитана Тука, жившего в Приречье, за маленькой речушкой, что течет у подножия Кручи. Соседи поговаривали, что давным-давно один из предков Старого Тука женился на эльфийке. Это, конечно, полная нелепица, но все же в Туках имелось что-то такое, совсем не хоббитовское, и время от времени родичи Туков, а то и они сами, находили приключения на свою голову. Иногда кое-кто из них исчезал неизвестно куда, а оставшиеся, когда их принимались расспрашивать, упорно отмалчивались, притворяясь, будто они ни о чем таком — ни сном ни духом… В общем, Туков, хоть они и были богаче, в Хоббитании уважали меньше, чем Торбинсов.

По счастью, Белладонна Тук вовремя вышла замуж за господина Банго Торбинса, и приключения обошли ее стороной. Банго, отец Бильбо, отрыл для жены (частью на деньги из ее приданого) такую роскошную нору, с которой не шли ни в какое сравнение все прочие, будь то на Круче, в Истербинке или в Приречье. В этой норе они жили до конца дней своих. Может быть, Бильбо Торбинс, единственный отпрыск досточтимой Белладонны, на вид — точная копия своего добродушного и покладистого отца, унаследовал от матери эту самую туковскую особенность, которая ждала лишь подходящего времени, чтобы проявиться во всей красе. Однако… Бильбо благополучно вырос, стал уважаемым хоббитом в расцвете сил (ему было уже под пятьдесят), а подходящее время все не наступало. И лишь когда стало казаться, что господин Торбинс так и просидит в своей норе до скончания дней, произошло знаменательное событие.

По некой случайности, как-то тихим утром — в те времена шума было меньше, зелени больше, а хоббиты множились и процветали, — Бильбо Торбинс, плотно подзакусив, стоял у двери своего обиталища, покуривая длиннющую деревянную трубку, почти упиравшуюся чубуком в его стопы,

шерстка на которых была аккуратно расчесана. И тут он увидел Гэндальфа. О, этот Гэндальф! Когда бы вам довелось услышать о нем хотя бы четверть того, что слыхал я (а я слышал лишь малую толику из того, что можно было услыхать), вы бы сразу поняли — вас ждет поистине замечательная история. Повсюду, где ни побывал Гэндальф, повсюду о нем рассказывали самые невероятные небылицы. В Хоббитании же он не показывался с тех пор, как умер его друг Старый Тук, и нынешнее поколение хоббитов почти забыло, каков он из себя. Ведь Гэндальф покинул Кручу и удалился в неведомые края, за Приречье, еще в ту пору, когда они были сущими несмышленышами.

Ни о чем худом не помышлявший Бильбо добродушно наблюдал за странно одетым стариком. На Гэндальфе был длинный серый плащ с серебристым шарфом и высокая, остроконечная, слегка потрепанная голубая шляпа. Дополняли наряд огромные черные башмаки. В руке старик сжимал посох.

— Доброе утро, — поздоровался Бильбо. Ведь утро и вправду было добрее некуда — сияло солнце, на дворе зеленела травка.

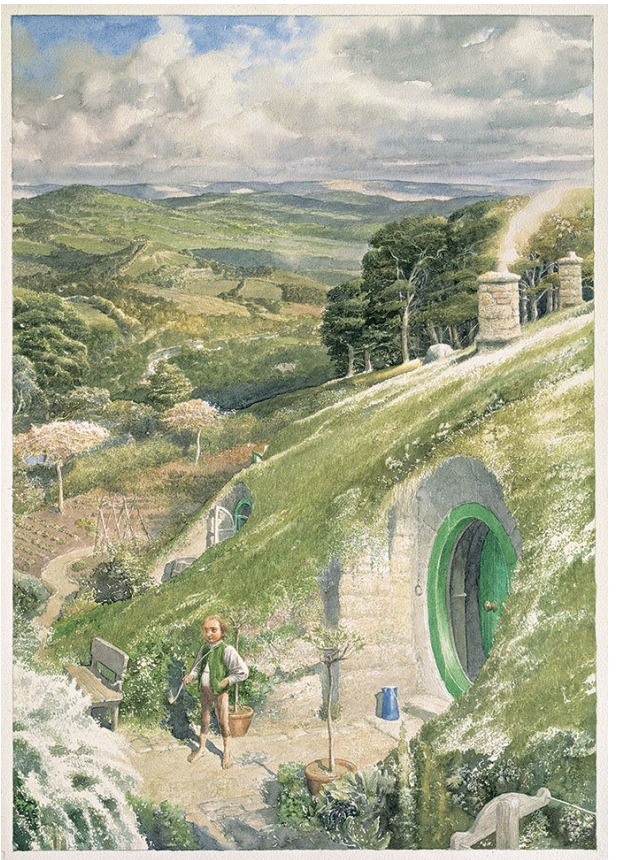
Гэндальф пристально поглядел на хоббита, по-

гладил свою длинную и пушистую седую бороду и сдвинул кустистые брови, выдававшиеся из-под широких полей шляпы.

— И что же это означает? — осведомился он. — Желаешь ли ты доброго утра мне или хочешь сказать, что оно было добрым до моего появления? Или намекаешь, что у тебя все в порядке и ты не прочь поболтать?

— И то, и другое, и третье, — отозвался Бильбо. — Присаживайтесь, господин хороший. В такое утро просто грех не выкурить трубочку на свежем воздухе. У меня отличный табачок. Угощайтесь. Спешить некуда, целый день впереди. — Бильбо уселся на лавочку, скрестил ноги и выпустил замечательное кольцо дыма. Ветерок подхватил его и повлек в сторону Приречья.

— Спасибо за приглашение, — сказал Гэндальф. — Но мне некогда заниматься пустяками. Я должен найти того, кто согласится отправиться со мной навстречу приключениям. К сожалению, пока никто не соглашается.



— Нашли где искать, в наших-то краях! Тут народ тихий, мирный… Лично мне приключения совсем ни к чему, есть в них что-то такое тревожное, неудобное… Жаль, что вы опоздали к завтраку. Знал бы я, что вы придете, я бы вас попотчевал на славу.

Бильбо выпустил кольцо дыма больше предыдущего, засунул палец за подтяжки и принялся просматривать утреннюю почту, притворяясь, будто незнакомец его вовсе не интересует. Этот старик настораживал; господину Торбинсу больше всего хотелось, чтобы незваный гость поскорее убрался восвояси. Но тот стоял себе, опершись на посох, и молча глядел на хоббита. Бильбо начал сердиться.

— Доброе утро! — сказал он. — Нам приключения ни к чему. Прогуляйтесь в Приречье, может, там кто согласится.

Уж, кажется, яснее некуда, — разговор окончен. Но упрямый старик никак не желал уходить.

— Что за прелесть твое «доброе утро», — промолвил он. — Теперь оно означает, что ты жаждешь от меня избавиться, и покуда этого не случится, утро не станет по-настоящему добрым.

— Вовсе нет, господин хороший, вовсе нет! Простите, я не уверен, что знаю ваше имя…

— Да неужели, господин хороший? А вот я твое имя знаю прекрасно, Бильбо Торбинс, да и мое тебе известно, хотя ты и не помнишь, что оно мое. Я — Гэндальф, а Гэндальф — это я! Подумать только, до чего я дожил — доброутренничаю у дверей с сынком Белладонны Тук! Ни дать ни взять бродячий торговец!

— Гэндальф? Погодите, погодите… Это не тот ли чародей Гэндальф, подаривший Старому Туку изумрудные запонки? Да не простые, а волшебные: застегнул — так все, уже не расцепишь, как ни бейся, пока нужного слова не молвишь. Тот самый Гэндальф, мастер устраивать огненные потехи? Как же, как же, я это помню! — Старый Тук обыкновенно зазывал Гэндальфа в Хоббитанию ближе к солнцевороту. И Гэндальф всякий раз откликался на его просьбу и тешил хоббитов фейерверками, от которых ночью становилось светло как днем. Это было замечательно! Шутихи в сумерках взлетали в небо и распускались там желтыми лилиями, рдяными маками, белоснежными цветками ракитника… — Вот чудеса! Вы — тот самый Гэндальф, из-за которого столько хоббитов бросило дом и отправилось невесть куда! Говорят, вы их зазвали в гости к эльфам — по деревьям полазать, на лодках поплавать… Знат-

но вы тогда всех перебаламутили небылицами своими складными. Драконы там да гоблины[1], принцессы спасенные, воины бесстрашные… Покорно благодарим, нам такого не надо. Прошу, конечно, прощения, но я и не думал, что вы еще живы.

— А что мне сделается? — усмехнулся маг. — Я рад, что ты вспомнил меня. Во всяком случае, мои фейерверки. Все лучше, чем ничего. Уважая память твоего деда Старого Тука и твоей матушки Белладонны, я дарую тебе то, о чем ты просил.

— Так ведь я, уж простите великодушно, ничего не просил.

— Разве? Ты уже дважды просил у меня прощения. Так вот, я тебе его и дарую. Скажу откровенно, я забрел в этакую даль только ради тебя. Пойдем со мной. Это приключение обещает быть занятным для меня и полезным для тебя — и весьма выгодным. Соглашайся, мой милый.

— Извините! Не надо мне никаких приключений, благодарствую! Только не сегодня! Доброе утро! Пожалуйста, приходите к чаю… Милости просим! Завтра. Да, приходите завтра. Всего хорошего. — С этими словами хоббит поспешно

[1] Сноски: 1

Гоблины — в английском фольклоре — существа, похожие на людей, но безобразные, злобные, живут в пещерах.

юркнул за круглую зеленую дверь. Правда, он тут же пожалел о своей поспешности. Невежливо все-таки. А с чародеями, сами понимаете, лучше пообходительнее: не ровен час, разгневаются.

— И зачем я пригласил его к чаю? — сокрушенно спросил сам себя господин Торбинс, направляясь в кладовку. Он позавтракал совсем недавно, однако чувствовал, что ему необходимо перекусить — так сказать, зажевать испуг.

А Гэндальф, отсмеявшись, подошел к двери и концом посоха начертал на ней странный знак. После чего повернулся и зашагал прочь. Между тем Бильбо, доедая второй пирог, мало-помалу успокаивался и уже мысленно поздравлял себя с тем, как ловко избавился от страшного приключения.

К следующему утру хоббит — такой уж он был легкомысленный — почти позабыл о Гэндальфе. Обыкновенно все важные дела, которые нужно было сделать, он записывал на особую дощечку. Если бы накануне его не перепугали до полусмерти, он, должно быть, записал бы что-нибудь вроде: «Гэндальф, чай, среда». А так — Бильбо настолько разволновался, что начисто забыл о своей полезной привычке.

Наступило время пить чай. Тут дверной ко-

локольчик яростно затрезвонил, и Бильбо вспомнил! Он поставил котелок на огонь, достал вторую чашку с блюдцем, выложил на тарелку еще два пирога и побежал к двери.

«Прощу прощения, что заставил ждать», — вот что он собирался сказать Гэндальфу.

Но оказалось, что пришел вовсе не Гэндальф. С порога на Бильбо пристально глядел гном! В темно-зеленом плаще с капюшоном, с седой бородой, заправленной под золотой пояс. Едва дверь отворилась, гном ринулся вовнутрь, будто за ним гнались.

Кинув плащ на ближайший крючок, он низко поклонился и произнес:

— Двалин, к вашим услугам. — Глаза у него были необыкновенно ясные.

— Бильбо Торбинс, к вашим, — ответствовал хоббит, слишком изумленный, чтобы задавать какие-либо вопросы. Установилось молчание. Когда молчать дольше стало неудобно, Бильбо сказал: — Я как раз собирался пить чай. Пожалуйста, присоединяйтесь. — Пусть чай уже успел остыть, но радушие, как известно, прежде всего. И то сказать: как поступили бы вы, явись к вам в гости незваный гном и повесь он, ничего не объясняя, свой плащ в вашей прихожей?

За столом они просидели недолго. Оба только-только принялись за третий пирог, когда колокольчик зазвонил громче прежнего.

— Прощу прощения, — извинился хоббит и поспешил к двери.

«Наконец-то вы пришли», — собирался сказать он Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. На пороге стоял умудренный годами почтенный гном с белой бородой и в алом плаще. Подобно первому, он без спроса ввалился в прихожую, едва дверь распахнулась.

— Вижу, потихоньку подтягиваются, — произнес он, заметив темно-зеленый плащ Двалина. Повесив на крючок свой, гном приложил руку к груди и представился: — Балин, к вашим услугам.

— Очень рад, — ответил Бильбо со вздохом. Разумеется, вздыхать было не очень-то вежливо, но его поразили слова Балина: «потихоньку подтягиваются». Хоббит любил гостей, но предпочитал приглашать к себе в дом добрых знакомых, а вовсе не подозрительных личностей с улицы. Внезапно хоббиту в голову пришла ужасная мысль: сейчас гномы съедят все пироги, и ему ничегошеньки не останется. Увы, никуда не денешься — хозяин должен потчевать гостей так,

чтобы они ушли довольными… — Проходите, — выдавил он. — Выпейте с нами чаю.

— Если вас не затруднит моя просьба, сударь, — откликнулся Балин, — мне бы лучше пива. Впрочем, против пирогов я ничего не имею. Особенно если они с тмином.

— Сколько угодно. — Бильбо сам изумился своему ответу. Он направился в погреб и до краев наполнил пивом пинтовую[2] кружку, потом заглянул в кладовку и прихватил два чудесных пирога с тмином, которые собственноручно испек себе на вечер.

Балин и Двалин, сидя в зале, болтали как закадычные друзья (по правде сказать, они были братьями). Бильбо поставил на стол пиво и тарелку с пирогами, и тут колокольчик прозвонил дважды подряд.

«Теперь-то уж наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, подбегая к двери. Однако он вновь обманулся в своих ожиданиях. Едва дверь отворилась, в прихожую впрыгнули два гнома — оба в голубых плащах, подпоясанных серебряными кушаками. Бороды у них были цвета соломы, в руках они держали мешки с инструментами и

---

[2] Сноски: 2

Пинта — английская мера емкости, равна 0,57 литра.

лопаты. Бильбо решил ничему не удивляться.

— Чем могу быть полезен, добрые господа? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам, — сказал один гном.

— И Фили, — прибавил второй. Оба сняли плащи и поклонились.

— Очень приятно. Бильбо Торбинс. — Хоббит наконец-то вспомнил о хороших манерах.

— Я вижу, Балин и Двалин уже здесь, — проговорил Кили. — Компания собирается.

«Компания? — мысленно повторил господин Торбинс. — Ох, что-то мне это совсем не нравится. Пожалуй, стоит посидеть в уголке, чего-нибудь выпить и поразмыслить».

Едва он приложился к кружке — четверо гномов тем временем, рассевшись вокруг стола, говорили о рудниках и о золоте, о схватках с гоблинами и о драконах, и о чем-то еще, совершенно непонятном простому хоббиту, о чем-то явно приключенистом, — колокольчик залился снова, да так звонко, будто его пытался оторвать какой-нибудь негодный хоббитенок.

— Похоже, сразу четверо, — заметил Фили. — Ну да, мы же видели их по дороге.

Бедный хоббит выбежал в прихожую и сел прямо на пол, обхватив голову руками. Да что же

это такое? Неужели они все останутся на обед? Колокольчик затрезвонил снова, еще громче, и Бильбо пошел открывать. Гостей оказалось не четверо, а пятеро. Стоило лишь приоткрыть дверь, как все очутились внутри. Друг за другом они кланялись и произносили: «К вашим услугам». Новоприбывших гномов звали Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Вскоре два малиновых плаща, серый, коричневый и белый уже висели на крючках, а хозяева плащей направились в залу. И в самом деле компания. Кто заказал эль, кто — портер, кто — кофе, и все в один голос потребовали пирогов. Некоторое время хоббит был очень занят.

К очагу поставили большой кувшин с кофе; пироги с тмином кончились, и гномы принялись за лепешки с маслом. И тут раздался громкий стук. Кто-то грубо колотил палкой — бум-бум-бум! — по чудесной зеленой двери.

Бильбо разозлился и вместе с тем окончательно запутался — такого бестолкового дня у него еще не бывало. Он побежал открывать. Когда дверь распахнулась, в прихожую, устроив кучу малу, ввалились четверо гномов. А на пороге, опираясь на свой неизменный посох, стоял довольный Гэндальф. На двери красовалась глубокая вмяти-

на, однако знак, начертанный магом накануне, чудесным образом исчез.

— Осторожнее, господин Торбинс, — сказал чародей. — Да полно, ты ли это, Бильбо? Сперва держишь друзей на пороге, а потом без предупреждения отпираешь… Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и, конечно, Торина.

— К вашим услугам, — хором произнесли Бифур, Бофур и Бомбур, став рядком.

Гномы повесили на свободные крючки два желтых плаща, светло-зеленый и небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Последний плащ принадлежал Торину, очень важному гному, который был не кем иным, как великим Торином Дубовым Щитом собственной персоной. Торин явно гневался — должно быть, из-за того, что вошел в дом столь неподобающим образом, да еще оказался в самом низу, под Бифуром, Бофуром и толстяком Бомбуром. Поначалу он хранил мрачное молчание, но когда господин Торбинс в сотый раз извинился, Торин сменил гнев на милость, пробормотал: «Забудем об этом» — и перестал хмуриться.

— Все в сборе, — сказал Гэндальф, бросив взгляд на плащи на крючках. — Веселая подобралась компания! Надеюсь, опоздавшие голодными не

останутся? Что там у нас есть? Чай? Нет, благодарю. Мне, пожалуй, немного красного вина.

— И мне тоже, — поддержал Торин.

— А мне малиновый джем и яблочный пирог, — прибавил Бифур.

— А мне сладкий пирог с сыром, — заказал Бофур.

— А мне пирог со свининой и салат, — заявил Бомбур.

— А нам еще пирогов, эля и кофе! — закричали остальные гномы.

Бильбо поплелся в кладовку.

— Будь добр, прихвати еще пару яиц! — крикнул ему вслед Гэндальф. — И не забудь холодного цыпленка и солений всяких!

«Похоже, он знает содержимое моих кладовых не хуже меня самого!» — подумал окончательно сбитый с толку господин Торбинс. Неужели это и есть то приключение, о котором говорил чародей? Собирая и ставя на подносы бутыли и блюда, стаканы и тарелки, столовые приборы и еду, хоббит запарился, его лицо побагровело от беготни. Наконец он рассердился.

— Что за противный народ эти гномы! — громко сказал он. — Нет чтобы помочь!

И тут дверь в кладовку распахнулась. На пороге

появились Балин с Двалином, Фили и Кили. Не успел хоббит ахнуть, как они вырвали у него из рук подносы и помчались обратно в залу, прихватив по дороге два маленьких столика из прихожей — так, на всякий случай.

Гэндальф уселся во главе стола в окружении тринадцати гномов, а Бильбо примостился на табуретке у очага. Он грыз печенье (как ни странно, весь его аппетит куда-то исчез) и притворялся, довольно безуспешно, что происходящее ему не в диковинку, что он давно к такому привык. Гномы ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отвалились от стола. Бильбо встал, чтобы собрать тарелки.

— Полагаю, вы отужинаете со мной? — осведомился он самым вежливым тоном, на какой только был способен.

— Конечно, — отозвался Торин. — О деле можно потолковать и вечером, а сейчас неплохо бы музыку послушать… Ну-ка, раз-два!

Сам он остался сидеть за столом и продолжал о чем-то беседовать с Гэндальфом, а остальные гномы дружно вскочили. Соорудив из грязной посуды высокие колонны, каждая из которых была увенчана бутылкой, они устремились с ними на кухню, а бедный хоббит бегал вокруг, испуганно попискивая: «Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, я сам!» Потешаясь над ним, гномы запели:

Бей посуду! Бей стекло!
Бей тарелки и бутылки!
Бильбо Торбинсу назло
Гни ножи, уродуй вилки!

Мы весь дом – кверху дном,
Стол, скамейки, табуретки!
А потом каждый гном
Швырь ему в постель объедки!

По горшку да кочергой!
Где моя большая палка?
Палки нет – лупи ногой,

Ведь не наше, нам не жалко!

Бильбо Торбинсу назло...

Эй, полегче – тут стекло![3]

Конечно, ничего столь ужасного они не учинили; пока несчастный хоббит вертелся, как угорь, посреди кухни, пытаясь разглядеть, что же, собственно, происходит, вся посуда была вымыта и расставлена по полкам в целости и сохранности, и все это было сделано в мгновение ока. Потом все вернулись в залу и увидели, что Торин, положив ноги на каминную решетку, сидит с трубкой во рту. Он выпускал толстые кольца дыма, которые разбегались по комнате, какое куда — по желанию Торина: ползли вверх по камину, забирались за часы на полке, прятались под стол или просто кружили под потолком; но передвигались они слишком медленно, чтобы ускользнуть от Гэндальфа. Пых! — чародей пыхнул своей коротенькой глиняной трубочкой, выпустил колечко дыма, и оно прошмыгнуло сквозь всеТориновы кольца. Затем позеленело, вернулось к магу и затрепетало над его головой. А так как он был уже весь в кольцах дыма, то вид имел

---

[3] Сноски: 3
Стихи даны в переводе В. Г. Тихомирова.

какой-то нездешний, даже колдовской. Бильбо стоял и смотрел как зачарованный — ему тоже нравилось пускать кольца; и вдруг он покраснел, вспомнив, что еще вчера гордился своими жалкими колечками.

— Теперь музыка, — заявил Торин. — Несите инструменты.

Гномы побежали в прихожую. Кили и Фили порылись в своих мешках и достали маленькие скрипки; Дори, Нори и Ори извлекли из-под плащей флейты; Бомбур прикатил барабан; Бифур и Бофур вернулись с кларнетами, которые, видимо, оставили там же, в прихожей, вместе с дорожными посохами. Двалин и Балин произнесли хором: «Извините, я мигом». А Торин, повернувшись к ним, попросил: «Тогда принесите и мне». Они принесли две виолы, каждая размерами с гнома, и Торинову арфу, завернутую в зеленую ткань. Это была чудесная золотая арфа; едва Торин тронул ее струны, зазвучала музыка, неожиданно столь прекрасная, что Бильбо забыл обо всем на свете и будто очутился в диковинных землях под неведомым светилом, далеко-далеко от Приречья и от своей драгоценной Торбы-на-Круче.

Снаружи уже наступили сумерки, а гномы все играли и играли, и на стене в такт музыке раска-

чивалась бородатая тень Гэндальфа.

Стало совсем темно, огонь в очаге погас, а гномы продолжали играть. И вдруг запели — один начал, вскоре к нему присоединились и остальные; так пели их предки в своих пещерах. Вот что пели гномы (если, конечно, стихи без музыки можно назвать песней):

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад –
Сокровища лежат горой!

И деды наши, и отцы
Там колдовали, кузнецы,
И той порой под той Горой
Будто звенели бубенцы.

Каменья в рукоять меча
Вправляли, свет в них заключа, –
Эльфийский князь глядел, дивясь,
На меч, горящий, как свеча.

Годился звездный – для колец,
Огонь драконий – на венец,
А лунный свет – в любой предмет,

И в сети свет ловил мудрец.

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад –
Сокровища лежат горой!

Там, в глубине, вдали от всех,
Звучали арфы, песни, смех –
Ни человек, ни эльф вовек
Не ведали о песнях тех…

Взгудели сосны на ветру,
Взгудели ветры на юру,
Огонь был ал, и бор пылал,
Подобно жаркому костру.

Гудит над городом набат,
И горожане вверх глядят:
Летит дракон, порушит он
Дома и башни – все подряд.

Гора дымится, каждый гном
Шаги услышал, будто гром:
Пришел дракон – погубит он
Весь род и наш захватит дом!

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад –
Сокровища лежат горой!

Пока гномы пели, хоббиту чудилось, будто в него исподволь вливается любовь к прекрасным вещам, рукотворным или сотворенным чародейством, яростная и ревнивая любовь, вечная мука гномьих сердец. И внезапно в нем пробудилась унаследованная от Туков тяга к странствиям, и он возжелал отправиться в путь вместе с гномами, захотел увидеть воочию Великие Горы, услышать шелест сосен и грохот водопадов, спускаться в пещеры, носить вместо дубинки меч… Бильбо посмотрел в окно. Над темным лесом сверкали звезды, напомнившие хоббиту самоцветные каменья гномов. Вдруг в лесу взметнулось пламя — наверно, кто-то разжег костер, — и Бильбо подумалось, что это дракон, который летит сюда, чтобы спалить Кручу. Он вздрогнул и вновь стал самим собой — прежним господином Торбинсом из Торбы-на-Круче. (Должно быть, вы уже догадались, что Бильбо только притворялся обыкновенным хоббитом — и перед другими, и перед собой: на самом-то деле всякие небылицы,

вроде тех, что приносил в Хоббитанию Гэндальф, были ему куда милее житейских забот да повседневных хлопот.)

Он поднялся. Вообще-то радушному хозяину следовало принести лампу — а внутренний голос упорно советовал уйти из комнаты, якобы за лампой, и больше не возвращаться, пока гномы не уберутся восвояси. В конце концов, можно спрятаться в погребе за пивными бочонками… Неожиданно Бильбо осознал, что музыка стихла и что все гномы внимательно глядят на него, а их глаза светятся во мраке.

— Куда вы собрались? — спросил Торин таким тоном, словно разгадал намерения хоббита.

— Как насчет света? — просительно промолвил Бильбо.

— Нам нравится темнота! — загалдели гномы. — Темные дела надо делать в темноте. Самое время, пока не рассвело.

— Как скажете. — Бильбо торопливо сел. Но поскольку садился он наугад, то промахнулся и вместо стула уселся на каминную решетку. Раздался грохот, на пол упали кочерга и совок.

— Тсс! — прошипел Гэндальф. — Пусть говорит Торин.

И Торин начал:

— Гэндальф, гномы и господин Торбинс! Мы собрались в доме нашего хорошего друга и соратника, весьма выдающегося во всех отношениях и неустрашимого хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его стопах! Да славятся его вино и эль! — Он перевел дух, видимо, ожидая от Бильбо слов благодарности, но эти сомнительные любезности совершенно лишили хоббита дара речи. Тщетно прождав некоторое время, Торин продолжил: — Мы встретились, дабы обсудить наши намерения и решить, каковы будут наши дальнейшие действия. Уже скоро, еще до наступления дня, нам предстоит отправиться в долгий путь. Весьма вероятно, из этого путешествия некоторые из нас могут вовсе не вернуться; некоторые — или даже все мы, кроме, разумеется, нашего старинного друга и советчика, искусного чародея Гэндальфа. Цель наша, полагаю, хорошо всем известна. Но для досточтимого господина Торбинса и для молодых гномов — скажем, для Фили и Кили, думаю, они на меня не обидятся — нужно, пожалуй, кое-что пояснить, хотя бы вкратце…

В этих словах был весь Торин. Если его не прерывали, он мог продолжать в том же духе до тех пор, пока хватало дыхания, умудряясь не сказать

ровным счетом ничего нового. Но сейчас Торина грубо перебили. Бедняга Бильбо не выдержал. Фраза «можем не вернуться» доконала хоббита. Внутри его зародился вопль, который очень скоро вырвался наружу — как вырывается гудок из трубы паровоза. Гномы дружно вскочили и забарабанили кулаками по столу. Гэндальф поднял посох, на конце которого вспыхнул голубой огонек, и все увидели, что хоббит стоит на коленях на коврике перед очагом и дрожит с головы до ног. Едва узрев огонек на конце посоха, Бильбо повалился навзничь с криком: «Молния! Молния!» Попытки привести хоббита в чувство оказались безуспешными. Тогда гномы отнесли господина Торбинса в гостиную, положили на диван и поставили рядом стакан с водой, а сами вернулись к своим темным делам.

— Разволновался, бедолага, — проговорил Гэндальф, когда все снова расселись за столом. — С ним такое случается, но он и вправду один из лучших. Свиреп, как разъяренный дракон.

Если вы когда-нибудь видели разъяренного дракона, то уже догадались, что маг слегка преувеличил. Если говорить прямо, такого сравнения не заслуживал и прапрадед Старого Тука, Быкобор, который отличался столь высоким для

хоббита ростом, что мог без посторонней помощи взобраться даже на лошадь. В битве на Зеленых полях Быкобор в одиночку пробился сквозь ряды гоблинов с горы Грэм и снес дубинкой голову их предводителю Голфимбулу. Пролетев сотню ярдов по воздуху, голова Голфимбула упала наземь и закатилась в кроличью нору. Так была одержана победа и — изобретена игра в гольф.

Между тем пугливый потомок Быкобора понемногу оправился, попил водички и осторожно подобрался к двери в залу. Там говорили о нем.

— Ха! — произнес Глоин (тон гнома выражал крайнее презрение). — Ты думаешь, он справится? Вольно Гэндальфу рассуждать о его свирепости, но одного такого вопля будет достаточно, чтобы разбудить дракона и погубить всех нас. По-моему, вопил он от испуга, а вовсе не от радости. Когда бы не твоя метка на двери, Гэндальф, я бы решил, что мы ошиблись домом. Едва я увидел этого толстого чудилу, меня начали одолевать сомнения. Он больше похож на бакалейщика, чем на добытчика.

Тут господин Торбинс приоткрыл дверь и проскользнул в залу. Тяга к странствиям, унаследованная от Туков, взяла верх. Он понял вдруг, что прекрасно обойдется без мягкой постели и

второго завтрака, если только его и впрямь будут считать свирепым, как дракон. А на «толстого чудилу» он обиделся и рассердился.

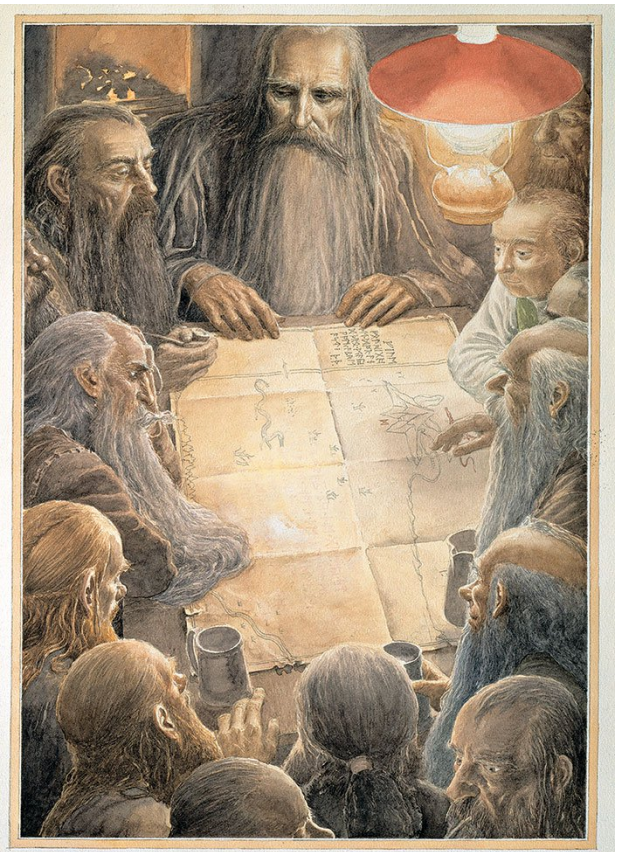
Потом Бильбо не раз жалел о своем решении и твердил себе: «Какой же ты глупец, мой милый! Ну зачем ты туда полез?» Но это было потом.

— Прошу прощения, — с достоинством сказал он. — Я нечаянно подслушал вашу беседу… Честно говоря, не понимаю, о чем вы толкуете, о каких таких добытчиках, но со мной у вас и вправду вышла промашка. Я вам докажу. Свою дверь я всего неделю как покрасил, нету на ней никаких меток, и вы явно попали не туда. Едва завидев ваши нездешние физиономии, я засомневался… Ну да ладно. Расскажите, что от меня требуется, и я попробую это сделать, пусть даже мне придется дойти до восточных пределов и сразиться с дикими червооборотнями в Крайней Пустыне. Мой прапрапрапрадед Быкобор…

— Давай оставим его в покое, — перебил Глоин. — Что толку ворошить минувшее? Я говорил про тебя. Что же до метки на двери, она была, смею тебя уверить. И знаешь, какая? Она означала: «Опытный добытчик ищет хорошую работу, с разумной степенью риска и солидным вознаграждением». Если тебя смущает словечко

«добытчик», можно выразиться иначе — скажем, «охотник за сокровищами», что одно и то же. И вообще, мы пришли сюда по совету Гэндальфа, это он нам рассказал о тебе: мол, в среду некий добытчик устраивает чаепитие и готов потолковать насчет работы.

— Разумеется, метка была, — вмешался маг. — Я сам ее оставил, по одной простой причине. Вы просили подобрать четырнадцатого участника вашего похода, и я выбрал господина Торбинса. Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что я выбрал не того! Тогда вас останется тринадцать и никакой помощи от меня вы больше не дождетесь. Уж лучше сразу возвращайтесь в свои пещеры!



Он так сурово поглядел на Глоина, что тот вжался в стул, а когда Бильбо открыл было рот, маг повернулся к нему и грозно нахмурил брови. Хоббит столь поспешно захлопнул рот, что у него клацнули зубы.

— Вот и хорошо. Хватит споров. Господина Торбинса выбрал я, и вам придется этим удовлетвориться. Если я говорю, что он — добытчик, значит, так и есть, или будет, в скором времени. В господине Торбинсе скрыто гораздо больше, чем кажется, больше, чем догадывается он сам. Вполне возможно, вы доживете до того дня, когда станете благодарить меня. А теперь… Бильбо, малыш, принеси лампу. Нам понадобится свет.

Когда хоббит принес лампу с красным абажуром, маг расстелил на столе пергамент.

— Торин, эту карту рисовал твой дед Трор. Это план Горы.

— Какой нам от нее прок? — разочарованно пробурчал Торин. — Я и без того превосходно помню Гору и ее окрестности. И прекрасно знаю, где находится Лихолесье и где лежит Гиблая Пустошь, на которой рождаются драконы.

— Если мы доберемся до Горы, — прибавил Балин, — дракон найдется сам собой, безо всякой карты.

— Вы кое-что пропустили, — сказал Гэндальф. — В подземелье под Горой ведет тайный ход. Видите эту руну[4], с западной стороны? На нее еще указывает вытянутый палец. Так вот, она обозначает тайный ход, ведущий в Нижние Палаты.

— Может, когда-то он и был тайным, — возразил Торин, — но проклятый Смог наверняка давным-давно разыскал его. Ведь он живет под Горой много лет.

— Может, и так, но этот проход не для него.

— Почему?

— Да потому, что дракон слишком велик! Руны гласят: «Дверь пяти футов высотой, и трое в ряд могут пройти в нее». Смог не сумел бы проникнуть в такую лазейку, даже когда был моложе, а ведь за последнее время он изрядно растолстел — в пище-то у него недостатка не было: подгорные гномы, люди из Дола…

— А по-моему, нора просто громадная, — пискнул Бильбо, бывавший только в хоббитовых норах. Ему стало настолько любопытно, что он совсем забыл о своем намерении держать рот на замке. Но простим его; в конце концов, он был

---

[4] Сноски: 4

Руны — древние письмена скандинавов, сохранившиеся в надписях на камнях и других предметах.

всего лишь маленьким хоббитом, обожавшим всякие карты — в гостиной у него, к примеру, висела карта окрестностей Кручи, на которой красным цветом были обозначены излюбленные тропинки для прогулок. — Правда, я не понял, почему проход — тайный? Дверь на то и дверь, чтобы ее замечали издалека.

— Двери бывают разные, — отозвался Гэндальф. — Чтобы найти эту, нам придется потрудиться. Судя по карте, она в глаза вовсе не бросается и отыскать ее сможет лишь тот, кто знает, что она там есть. Насколько мне известно, у гномов принято таким вот образом прятать от посторонних глаз тайные двери. Я прав, Торин?

— Безусловно, — ответил тот.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть о ключе, который прилагается к карте. Такой маленький, но весьма любопытный ключик. Вот он. — Маг протянул Торину серебряный ключ с причудливой бородкой. — Храни его как зеницу ока.

— Разумеется. — Торин повесил ключ на цепочку и спрятал под куртку. — Пожалуй, у нас появилась надежда. Ты принес хорошие вести, чародей. Так далеко мы и не задумывали. Думали крадучись пробираться на восток до самого

Долгого озера. А там — как повезет. Опасности подстерегают на каждом шагу…

— Можешь поверить, они начнутся за порогом этого дома, — вставил Гэндальф.

— Оттуда можно отправиться вверх по течению Бегущей, — Торин пропустил мимо ушей слова мага, — до развалин Дола, так назывался город, стоявший в древние времена в тени Горы. Но идти прямиком через Парадные Врата было бы сущим безумием. Из них, минуя громадный утес с южного склона Горы, вытекает река, и оттуда же теперь выбирается дракон. Если Смог не изменил своим привычкам — а с какой стати ему их менять? — то вылезает он из пещеры слишком уж, по-моему, часто.

— Соваться в Парадные Врата и вправду безумие, — поддержал Торина Гэндальф. — Тут не обойтись без отважного воина или даже без героя. Я пытался разыскать хотя бы одного, но воины заняты междоусобными распрями в дальних краях, а герои в окрестностях Хоббитании — птицы редкие. Острых клинков в здешних краях днем с огнем не сыщешь, топорами тут только деревья рубят, а на щитах детишек качают — или котлы ими накрывают. Драконы же здесь отродясь не водились, для хоббитов они — страшная сказка,

невидаль да небыль. Словом, по всему выходило, что брать придется не удалью, а сметкой да хитростью. И тут мне очень кстати вспомнилась потайная дверь, и я догадался — нужен нам пролаза, да такой, чтоб в любую щель протиснулся! И вот вам господин Бильбо Торбинс, замечательный лазейник и добытчик по призванию. Так что довольно пустых разговоров, займемся лучше делом.

— Быть может, послушаем добытчика по призванию? — Торин отвесил Бильбо церемонный и одновременно издевательский поклон.

— Я сперва хотел бы узнать побольше, — пробормотал тот. Мысли его путались, однако жажда странствий по-прежнему звала в путь. — Ну, насчет дракона и насчет всего остального — как он там оказался, о каком кладе речь, и вообще…

— Что «вообще»? — передразнил Торин. — Карта перед вами, смотрите, господин добытчик. Разве вы не слышали наших песен? Разве мы не толкуем обо всем этом уже битый час?

— Все равно, мне хотелось бы знать побольше. — Бильбо напустил на себя деловой вид (какой обычно приберегал для тех соседей, которые пытались занять у него денег), прилагая все усилия, чтобы произвести впечатление

умудренного житейским опытом знатока своего дела, в полном соответствии с похвалами Гэндальфа. — А еще я хотел бы уточнить, велик ли риск, сколько нам потребуется времени и денег и каким будет мое вознаграждение. — «Иными словами, — прибавил он мысленно, — какой мне от всего этого будет прок и вернусь ли я домой живым?»

— Извольте, — буркнул Торин. — Давным-давно, при моем деде Троре, гномов изгнали с дальнего севера, и они со всем своим скарбом перебрались под эту самую Гору, нарисованную на карте. Точнее сказать, вернулись домой — ведь гномы обитали под Горой с незапамятных времен, еще при Траине Старом, моем далеком предке. Они принялись копать и строить, расширили прежние пещеры, прорубили под Горой новые ходы — и наткнулись, должно быть, на золотые жилы и россыпи самоцветов. Во всяком случае, они быстро разбогатели и день ото дня становились все богаче, и так возродилось Подгорное королевство. Моего деда, Горного короля, чтили не только гномы, но и люди, пришедшие с юга и осевшие на берегах Бегущей. Это они возвели в тени Горы веселый город Дол, и жилища их подступали к самой Горе. Правители

Дола охотно посылали за нашими кузнецами и щедро вознаграждали даже тех, кто был не слишком искусен в кузнечном ремесле. Отцы отдавали нам в ученики своих сыновей и тоже не скупились на дары; а расплачивались они обыкновенно разной снедью, которую мы благодарно принимали — нам-то недосуг было хлеб растить да на охоту ходить. Мы трудились не покладая рук, ковали доспехи, оправляли самоцветы, песни наши были веселы и работа спорилась. Какие чудеса мы ковали, куда до них нынешним поделкам! Золотые были деньки! Деньжата не переводились, съестного вдоволь, знай себе стучи по наковальне. В подземных чертогах моего деда копились клинки и щиты, кубки и сверкающие каменья, а на Дольское Торжище народ стекался отовсюду — кто поглазеть, а кто и купить кольчужку или ожерелье.

Сомнений нет, дракона привлекла молва о наших богатствах. Ведь драконы — большие охотники до чужих сокровищ, им бы каждый день кого-нибудь грабить: эльфов, людей, гномов — все одно. И ведь тащат без разбору, что под лапу подвернется, и доспех изукрашенный, и кувшины медные, лишь бы схватить. А сами ничего толком не умеют — даже прореху крохот-

ную в собственной чешуе залатать; правда, цену добыче ведают. Поживу они сгребают в кучу, залегают на ней и стерегут ее до конца своих дней. Век же драконий, знаете ли, еще как долог: коли дракона прежде не убьют, он всех переживет… Так вот, в те времена драконов на севере водилось в изобилии. Они нападали на гномов, несли смерть и запустение, и гномы, бросая нажитое, бежали на юг, а золотом и самоцветами завладевали драконы. Самого злобного среди них, самого коварного и жадного звали Смогом. В горестный для гномов день он поднялся в воздух и полетел на юг, к Одинокой Горе. Мы услыхали его издалека — грохот стоял такой, точно разбушевалась буря, а сосны на склонах Горы гнулись под ветром от драконьих крыльев. Те гномы, которым посчастливилось оказаться снаружи (среди них был и я, совсем тогда еще юный, любопытство погнало меня наверх, и оно же меня и спасло), видели, как дракон опустился на Гору и выдохнул пламя. Лес на склонах заполыхал. В Доле ударил набат, люди спешно вооружались. Гномы бросились наружу, но у ворот их поджидал дракон… Не уцелел никто. Вода в реке испарилась, на Дол пал туман, и дракон в тумане налетел на город и истребил почти всех его защитников. Обыч-

ная история, каких в те дни случалось немало… Потом он вернулся к Горе, заполз внутрь через Парадные Врата и обшарил все залы до единой, все пещеры, туннели, погреба и проходы. Когда же под Горой не осталось ни одного живого гнома, Смог присвоил себе все наши сокровища. Должно быть, как водится у драконов, он свалил поживу в самой дальней пещере в громадную кучу и улегся на ней, как на кровати. А после взял обыкновение по ночам летать в Дол и похищать людей, в особенности красивых девушек. В конце концов жители покинули город, и теперь Дол лежит в развалинах. С тех пор вряд ли кто осмелился поселиться в Раздраконье, между Горой и Долгим озером.

Мы, кучка уцелевших, плакали, не стыдясь слез, и проклинали Смога, как вдруг к нам вышли мои отец с дедом, оба с опаленными бородами. Суровые и подавленные, они хранили молчание. Когда я спросил, как им удалось спастись, мне велели придержать язык: мол, в свой срок все узнаешь. Мы двинулись прочь и долго бродили из края в край, перебиваясь с хлеба на воду. И деревенскими кузнецами мы были, и углежогами… Но ни на миг мы не забывали о наших сокровищах, оставшихся под Горой. И даже теперь, когда

у нас кое-что отложено про черный день, — Торин тронул золотую цепь у себя на шее, — мы по-прежнему мечтаем отомстить Смогу, если, конечно, сумеем.

Я часто гадал, как выбрались из подземелья мои отец и дед. Верно, они выскользнули через тот самый тайный ход, о котором, кроме них, никто не знал. Карту они нарисовали позже. К слову, хотел бы я знать, каким образом эта карта оказалась у Гэндальфа, а не у законного наследника Трора и Траина?

— Мне ее дали, — откликнулся маг. — Как ты помнишь, твой дед Трор пал в пещерах Мории от руки гоблина Азога…

— Да будет проклято его имя во веки веков! — воскликнул Торин.

— А твой отец Траин двадцать первого апреля, то есть на прошлой неделе, только сто лет назад, ушел из дома, и с тех пор ты его больше не видел…

— Да, — угрюмо подтвердил Торин.

— Так вот, не кто иной, как твой отец, отдал эту карту мне, наказав передать ее тебе. Если учесть, сколько я тебя разыскивал, меня вряд ли можно упрекнуть в том, что я не сразу выполнил его наказ. Когда я видел твоего отца в последний раз,

он не мог вспомнить ни собственного имени, ни тем паче имени сына. Между прочим, ты мог бы и спасибо сказать — за то, что я тебя все-таки нашел.

— Ничего не понимаю, — проговорил Торин. Бильбо тоже ничего не понимал. Объяснение Гэндальфа еще сильнее все запутало.

— Твой дед, — сурово произнес маг, — отдал карту своему сыну перед тем, как уйти в Морию. После смерти Трора твой отец тоже отправился пытать удачу. Он преодолел множество преград, но к Горе так и не приблизился. Я нашел его в узилище Некроманта.

Гномы вздрогнули.

— А ты-то как туда попал? — выдавил Торин.

— Не важно. У меня были свои дела. Омерзительное, доложу вам, местечко. Даже я, Гэндальф Серый, едва сумел ускользнуть. Я пытался спасти твоего отца, но у меня ничего не вышло. Он обезумел от страданий и пыток и забыл обо всем, кроме карты и ключа. Вот его последняя воля: он хотел, чтобы сын получил карту и воспользовался ключом.

— Мы давно посчитались с гоблинами Мории, — промолвил Торин. — Можно подумать и о Некроманте.

— Глупец! С ним не справиться всем на свете гномам, вместе взятым! С тебя вполне достаточно дракона.

— Слушайте, слушайте! — неожиданно для себя самого сказал Бильбо. Все повернулись к нему. Он смутился и пробормотал: — Ну, у меня мелькнула одна мысль…

— Какая?

— По-моему, вам не следует лезть напролом. Ведь драконы спят, как и все прочие, верно? Нужно просто посидеть на пороге, пораскинуть мозгами; рано или поздно, осмелюсь сказать, вы что-нибудь да придумаете. И еще… Мне кажется, хватит на сегодня разговоров, а? Не пора ли расходиться? Завтра рано вставать, и все такое… Обещаю накормить вас вкусным завтраком, прежде чем вы уйдете.

— Прежде чем мы уйдем, — поправил Торин. — Разве вы не идете с нами? Разве вы не добытчик? А насчет того, что поздно, и насчет завтрака — я согласен. Мне, пожалуйста, окорок с шестью запеченными в углях яйцами. И постарайтесь их не разбить.

Вслед за Торином и остальные гномы заказали себе на утро ничуть не менее сытное угощение, отчего Бильбо вновь приуныл. Потом ему

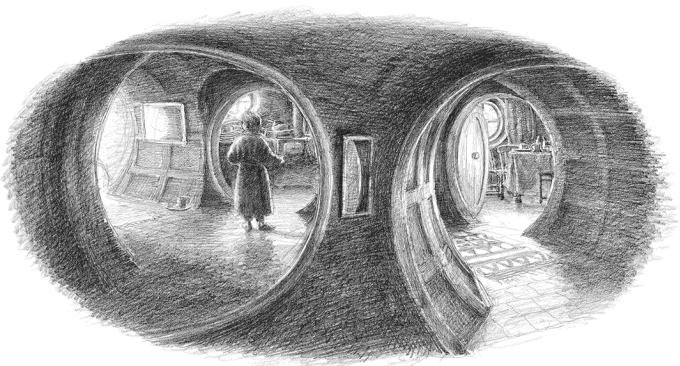
пришлось подыскивать каждому помещение и стелить постель. Наконец, усталый и обуреваемый мрачными мыслями, он забрался в свою кровать. «Нет, — подумалось ему, — не буду я вскакивать спозаранку. Пускай сами готовят себе завтрак». Жажда странствий улеглась, словно ее и не было, и желание повидать мир бесследно пропало.

Засыпая, Бильбо слышал через стенку, как Торин, которому отвели лучшую спальню, бормочет:

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад –
Сокровища лежат горой!

Под это бормотание хоббит и заснул, и снилось ему что-то совсем безрадостное. Пробудился он уже в разгар утра.

Глава II
Жаркое из баранины



* * *

Бильбо вскочил, торопливо оделся и со всех ног кинулся в залу. На столе громоздились остатки торопливого, но сытного завтрака, а гномов — ни следа, и спасибо даже не сказали (ну да ладно, зато ушли и будить не стали). В зале царил ужасающий беспорядок, на кухне возвышалась груда немытой посуды. Впечатление было такое, будто

гномы попользовались едва ли не всеми тарелками и котелками, какие имелись у хоббита. Немытая посуда окончательно уверила господина Торбинса в том, что вчерашнее — вовсе не страшный сон (а он все-таки надеялся, что вечеринка ему просто-напросто приснилась). Как ни странно, хоббиту стало грустно.

— Не дури, Бильбо Торбинс, — сказал он самому себе. — В твоем возрасте уже поздно мечтать о драконах и прочей нездешней нечисти. — Хоббит надел фартук, развел огонь, вскипятил воду и перемыл всю посуду, после чего слегка подкрепился.

В окна светило солнце, в распахнутую настежь парадную дверь задувал теплый весенний ветерок. Бильбо начал насвистывать, забывая потихоньку о неприятностях вчерашнего вечера. Но едва он успел присесть у окна, чтобы приступить ко второму завтраку, как появился Гэндальф.

— Мой милый! — воскликнул маг. — Ты все еще здесь? А кто собирался выйти спозаранок? Подумать только, завтракать в половине одиннадцатого! Конечно, гномам недосуг было столько ждать, и они ушли, а тебе оставили послание.

— Какое такое послание? — озадаченно спросил господин Торбинс.

— Ну и ну, — проговорил Гэндальф. — Да что с тобой сегодня? Даже пыль с каминной полки не вытер.

— Еще не хватало! Я и так все утро мыл посуду.

— А если бы ты стер с полки пыль, то нашел бы вот это. — Гэндальф вручил Бильбо листок бумаги — разумеется, бумага была из хоббитовых запасов.

Послание гласило:

«Торин и компания приветствуют Бильбо Добытчика! Мы искренне благодарим Вас за проявленное гостеприимство и с радостью принимаем Ваше предложение помочь нам в нашем трудном деле. Условия: Вам причитается одна четырнадцатая от общей добычи, буде таковая появится; дорожные расходы покрываются в любом случае; похороны за наш счет. Все остальное следует оговаривать отдельно.

Не желая прерывать Ваш отдых, мы отправляемся в путь с тем, чтобы произвести необходимые приготовления, и будем ожидать уважаемого господина Торбинса в приреченском трактире «Зе-

леный дракон» ровно в одиннадцать утра.
Рассчитываем на Вашу пунктуальность.
Засим остаемся
искренне Ваши

Торин и К°».

— У тебя осталось десять минут, — сказал Гэндальф. — Если бегом, то успеешь.

— Но… — заикнулся было хоббит.

— Некогда! — перебил маг.

— Но… — снова начал Бильбо.

— Тем более некогда! Пшел!

До конца своих дней Бильбо так и не понял, каким образом очутился на улице — без денег, без шляпы, без дорожного посоха и вообще без всего, что он обычно брал с собой в дорогу. Оставив на столе несъеденным второй завтрак и немытую посуду, он сунул Гэндальфу ключи и понесся вниз по склону со всей скоростью, на которую только были способны его мохнатые ноги. Проскочил мимо огромной мельницы, перебрался через реку и припустил по тракту.

В Приречье хоббит ворвался с первым ударом часов, которые начали отбивать одиннадцать. Бильбо совсем запыхался; вдобавок выяснилось, что он забыл дома носовой платок.

— Браво! — крикнул Балин, стоявший у двери трактира.

В этот миг из-за поворота показались остальные гномы. Они ехали на пони, у каждого к седлу были приторочены разнообразные вьюки и сумки. Самый маленький пони предназначался для Бильбо.

— По коням! — приказал Торин. — Пора трогаться.

— Прошу прощения, — проговорил Бильбо, — но я оставил дома шляпу и носовой платок, и денег тоже не взял. Ваша записка попалась мне на глаза, если быть точным, в десять сорок пять.

— Всегда быть точным утомительно, — утешил его Двалин. — Что касается носового платка, то, уверяю тебя, в скором времени ты научишься прекрасно обходиться без него. Между прочим, у меня найдется запасной плащ с капюшоном, так что насчет шляпы можешь не переживать.

Вот так все и началось, в одно великолепное утро, в самом конце апреля. Пони потрусили прочь от трактира. Бильбо вертелся в седле, привыкая к темно-зеленому плащу, одолженному Двалином. Побитый ветром и непогодой, плащ был ему немножко великоват, и хоббит в нем выглядел довольно нелепо. Даже представить

страшно, что подумал бы о своем сыне славный Банго Торбинс. Хоббита радовало лишь то, что его никак нельзя спутать с гномами — ведь у него нет бороды.

Вскоре появился Гэндальф, верхом на белой лошади. Он привез множество носовых платков, трубку Бильбо и табак. Компания весело поскакала вперед. Весь день напролет они рассказывали истории и распевали песни — прерываясь только для того, чтобы устроить привал и подзакусить. На взгляд Бильбо, останавливаться можно было бы и почаще, но все равно — мало-помалу ему стало казаться, что в приключениях есть своя прелесть.

Сперва миновали Хоббитанию — чудесный ухоженный край с широкими дорогами и придорожными трактирами; навстречу частенько попадались то гномы, то спешившие по своим делам почтенные хоббиты. Потом очутились в местах, где говорили на диковинном наречии и пели песни, которых Бильбо прежде не слыхал. Начались Пустынные края — ни тебе поселений, ни постоялых дворов, а дороги становятся все хуже и хуже. Вдалеке показались горы, страшные горы, вздымавшиеся до самого неба. На лесистых склонах виднелись древние крепости, такие мрачные, будто их возвели когда-то темные силы. Погода потихоньку стала портиться. Еще с утра вовсю светило весеннее солнышко, а к обеду стало холодно и промозгло. Привал делать не

стали — слишком уж было сыро.

— Кто сказал, что июнь на носу? — ворчал Бильбо себе под нос. Его пони ступал последним. Моросил надоедливый дождик, с капюшона капало на лицо, плащ промок; уставший пони то и дело спотыкался, и гномы были слишком сварливы, чтобы вести с ними беседу… Вдобавок подошло время полдника. «И куда меня понесло? — думал хоббит. — Сидел бы в тепле и уюте, попивал бы чаек. Так нет, на подвиги потянуло! Какие уж тут подвиги, когда кругом мокрота сплошная…» Не в последний раз он пожалел о собственной опрометчивости.

Гномы не оборачивались и вообще не обращали на Бильбо ни малейшего внимания. Солнце за тучами, должно быть, клонилось к закату, потому что стало смеркаться. Путники спустились в глубокую лощину, по дну которой бежал поток. Ивы по берегам шелестели листвой и гнулись под порывами ветра. К счастью, цел оказался древний каменный мост; вброд перейти вздувшуюся от дождей реку было бы невозможно.

Ближе к ночи ветер разогнал тучи, и на небе показалась луна. Торин дал знак остановиться, пробормотал что-то насчет ужина и прибавил:

— Где бы нам найти местечко посуше?

И вдруг все осознали, что Гэндальф исчез. Маг долго ехал с ними, много болтал и смеялся, много ел, и вот — нет его: то ли отправился куда-то по своим делам, то ли просто решил, что проводил компанию достаточно далеко.

— А чародей бы сейчас ох как пригодился! — хором воскликнули Дори и Нори (они вполне разделяли взгляды Бильбо на жизнь в тепле и уюте).

В конце концов лагерь разбили прямо в лощине, под деревьями — там было немного суше. С веток непрерывно капало, и это сильно раздражало. С костром пришлось повозиться. Как известно, гномы способны развести огонь везде и всюду, дует ветер или нет, но этой ночью у них ничего не выходило, как они ни старались, — даже у Оина с Глоином, которые имели особый, «зажигательный» талант.

Один из пони чего-то испугался и кинулся прочь. Прежде чем его успели поймать, он угодил в реку; вода тут же унесла всю поклажу, а Фили и Кили, вытаскивая бедное животное, чуть не утонули. К великому огорчению хоббита, река уволокла основной запас провизии, поэтому ужин был скудным, а завтрак казался несбыточной мечтой. Мокрые и угрюмые, они сидели и

ждали, пока Оин с Глоином разведут костер и перестанут ссориться. Бильбо потихоньку начал понимать, что приключение — это не прогулка на пони солнечным весенним деньком.

— Свет! — крикнул Балин, которого назначили дозорным. Он указал на лесистый холм. Там и вправду светился крохотный огонек — то ли костер, то ли факел.

Путники заспорили, стоит ли идти на свет. Одни говорили «да», другие — «нет». Кто утверждал, что нужно хотя бы пойти и взглянуть: мол, наверняка там найдется еда, и посушиться у костра тоже не помешало бы. Кто возражал: дескать, эти места не слишком хорошо известны, и до гор рукой подать. Старые карты не помогут, ведь все меняется, и меняется к худшему, и за дорогами уже не приглядывают, и вообще, случайная встреча в здешних краях вполне может обернуться неприятностями. Поэтому не суй нос куда попало — а то оторвут.

— Но ведь нас четырнадцать!

— И что с того? Без Гэндальфа мы немногого стоим.

— А куда делся Гэндальф?

Этот вопрос задавали наперебой. Между тем дождь припустил сильнее прежнего, а Оин с Гло-

ином начали тузить друг дружку.

И тут гномы вспомнили — ведь с ними идет лазейник и добытчик по призванию. Это все решило. Крадучись, они повели пони на свет. У подножия холма их встретил лес. Стали подниматься по склону, наугад, потому что тропы, которая могла бы вывести на вершину, нигде не было видно. Гномы спотыкались в темноте, ломали ветки, которые громко хрустели, и, конечно, ворчали и бранились.

Внезапно за деревьями вновь замерцало пламя.

— Теперь твоя очередь, — сказали гномы хором, все как один поворачиваясь к Бильбо.

— Разузнайте, что там такое, — велел Торин, — и возвращайтесь поскорее. Постарайтесь не угодить в ловушку. Если все же попадетесь, крикните два раза по-совиному, а один раз как филин, и мы поспешим на выручку.

Бильбо хотел объяснить, что не умеет кричать по-совиному, что с тем же успехом он мог бы попробовать взлететь, но — не успел: ему сурово приказали пошевеливаться.

По лесу хоббиты передвигаются тихо, почти неслышно. Они гордятся этим своим умением; вот почему Бильбо всю дорогу пофыркивал над

гномами, которые, на его взгляд, топотали, как Громадины. Впрочем, ни вы, ни я, скорее всего, ничего не услышали бы, даже если в нескольких ярдах от нас проскакала бы целая кавалькада гномов. А уж Бильбо, двинувшегося напрямик к красноватому огоньку за деревьями, не учуяла бы и ласка. Короче говоря, он без помех добрался до поляны, на которой горел костер, и вот что там увидел.

У огромного костерища сидели три огромных существа. Нанизав на длинные прутья баранину, они жарили ее, то и дело облизывая жирные пальцы. Пахло очень вкусно. Все трое постоянно прикладывались к кувшинам, которые они наполняли из стоявшего поодаль пузатого бочонка. Это были тролли, самые настоящие тролли; Бильбо узнал их сразу, хотя никогда раньше не видел, — по росту, по вывернутым ступням и тупым мордам. Изъяснялись тролли так, что их не пустили бы ни в один приличный дом.

— Разрази меня гром! Опять баранина! Третий день ее жрем, сколько можно?

— Да, давненько я не пробовал человечьего мясца! О чем только думал этот олух Уильям, когда тащил нас сюда? Чтоб мне пусто было! — а кувшин и так уже пуст… — Тролль подтолкнул

под локоть своего товарища, присосавшегося к своему кувшину.

Тот поперхнулся.

— Заткнись! — гаркнул он, откашлявшись. — Вы что, болваны, думали, стоит вам разинуть пасти, как местные сами в них полезут? Ты, Том, и так уже сожрал полторы деревни. Да и Берт тоже не промах. Чего вам еще надо? Поди прокорми вас, прорвы ненасытные! Нет чтобы спасибо сказать. — Уильям проглотил большой кусок мяса и вытер губы рукавом.

Боюсь, все тролли — даже те, у которых всего одна голова — ведут себя именно так. Послушав их разговор, Бильбо понял, что надо немедля что-то предпринимать. Но вот что? То ли потихоньку ускользнуть и предупредить товарищей, что у костра сидят три здоровенных и изрядно проголодавшихся тролля, готовых при случае слопать гнома и закусить пони; то ли попытаться что-нибудь стащить… Настоящий добытчик, разумеется, не сомневался бы ни мгновения: он обчистил бы карманы троллей (там всегда найдется, чем поживиться), баранину умыкнул бы, бочонок с пивом прихватил бы — и поминай как звали. Чтобы обезопасить себя, можно бы проткнуть всех троих кинжалом и дальше — гуляй

не хочу…

Но Бильбо не был настоящим добытчиком и ни разу до сих пор не встречал живого тролля — только читал о них в книжках. Ему было страшно; больше всего Бильбо хотелось очутиться за сотни миль отсюда, но не возвращаться же к Торину и компании с пустыми руками! Хоббит не понимал, откуда взялась эта мысль, однако она не отпускала его и вынуждала что-нибудь предпринять. В конце концов он решил, что самое простое — обшарить карманы троллей, осторожно подобрался поближе и спрятался за деревом прямо за спиной Уильяма.

Берт и Том встали и направились к бочонку. Уильям по-прежнему не отрывался от своего кувшина. Бильбо набрался храбрости и сунул свою крохотную ладошку в карман тролля. Там оказался кошель размерами с хоббитову сумку. «Хо! — с восторгом подумал Бильбо, вытаскивая кошель. — Вот так начало!»

Да… С кошельками троллей ухо нужно держать востро. Не успел хоббит вытащить кошелек, как тот вдруг завопил дурным голосом:

— Эй, ты кто?

Уильям обернулся и схватил замешкавшегося Бильбо.

— Чтоб мне провалиться! Берт, гляди, кого я поймал! — гаркнул тролль.

— Кто это?

— Да чтоб я лопнул, коли знаю. Ты кто, а?

— Бильбо Торбинс… До-ооб… хоббит, — выдавил бедный господин Торбинс, дрожа как осиновый лист. Интересно, подумалось ему вдруг, успеет ли он ухнуть по-совиному, прежде чем его задушат?

— Добхоббит? — озадаченно переспросил тролль. Надо сказать, что тролли туговато соображают и весьма подозрительно относятся ко всему новому. — А зачем ты полез в мой карман, добхоббит? — продолжал расспрашивать Уильям.

Двое других между тем с любопытством поглядывали на Бильбо.

— А жарить его можно? — справился Том.

— Попробуем, — отозвался Берт, подбирая с земли прут.

— Маловат больно, — благодушно заметил Уильям, успевший набить живот. — Шкуру содрать, кости выкинуть — и что останется?

— А может, он не один? Тогда бы пирог испекли, — сказал Берт. — Слушай, кролик недоделанный, в тутошних лесах есть еще пискли вроде тебя? — Он взял хоббита за ноги и потряс.

— Много, — ляпнул Бильбо, не подумав, но

тут же спохватился: — Нет, больше никого.

— Чего-чего? — Берт схватил хоббита за волосы и больно дернул.

— Что слышали, — пискляво огрызнулся Бильбо. — Пожалуйста, господа хорошие, не жарьте меня. Я вам пригожусь, я умею готовить. Если хотите, приготовлю вам такой завтрак, что вы пальчики оближете. Только не ужинайте мной!

— Бедняга, — проговорил Уильям, сытно рыгнув. — Напугали малыша. Отпусти его, Берт.

— И не подумаю! Пускай сначала растолкует,

как это — много и никого нет? Я не желаю, чтобы мне перерезали глотку во сне. Вот суну его пятками в огонь — живо заговорит.

— Я тебе суну! — возмутился Уильям. — Это мой добхоббит, я его поймал.

— Уильям, ты толстый старый дурак! — бросил Берт. — Я тебе это уже говорил и повторяю снова.

— А ты дубина!

— А вот этого, Билл Хиггинс, я тебе не спущу, — сказал Берт и ткнул кулаком Уильяму в глаз.

Началась восхитительная драка. Берт отшвырнул хоббита в сторону; у Бильбо хватило сообразительности отползти подальше от дерущихся. Тролли сцепились, как два бродячих пса, громко обзывая друг дружку самыми разными именами, которые, надо признать, весьма подходили к ним обоим. Вскоре они уже катались по земле, дубася один другого в опасной близости от костра, а Том колотил приятелей палкой, дабы привести их в чувство (они же от ударов, естественно, зверели пуще прежнего). Надо было уносить ноги. Но хоббит просто не мог подняться: Берт его чуть не задушил, голова шла кругом. Поэтому Бильбо всего-навсего отполз в темноту и свернулся калачиком на земле.

В самый разгар потасовки явился Балин. Гно-

мов насторожил шум; подождав некоторое время и убедившись, что Бильбо не возвращается и совиных криков не слышно, они решили идти за хоббитом. Углядев Балина, Том взвыл: тролли терпеть не могут живых гномов (зато жареных уплетают за обе щеки). Берт с Уильямом немедля кончили драться.

— Мешок, Том! Да шевелись ты! — завопили они.

Прежде чем Балин, высматривавший на поляне Бильбо, догадался, что, собственно, происходит, ему на голову накинули мешок и повалили наземь.

— Думаю, не последний, — пробурчал Том. — А то ишь! Добхоббит, говорит. Больше никого, говорит. Да никакие они не добхоббиты, а самые настоящие гномы.

— Ты прав, — согласился Берт. — Давайте-ка спрячемся.

Так они и сделали, прихватив с собой дюжину пустых мешков. Стоило появиться на поляне очередному гному, который застывал как вкопанный, в изумлении глядя на костер, кувшины с пивом и недоеденную баранью тушу, — стоило только ему появиться, как на голову опускался гадко пахнущий мешок, и гном падал. Вскоре у

костра в рядок лежали Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур, а Двалина, Кили и Фили пристроили рядом с Балином.

— Передохните малость, — посоветовал Том гномам. Бифур, Бофур и Бомбур доставили троллям много хлопот: сопротивлялись они отчаянно, как могут сопротивляться лишь гномы, которых застали врасплох.

Торин появился последним, но его провести не удалось. Он был настороже и сразу понял, что стряслась беда. Встав поодаль от костра, так, чтобы его не было видно, он воскликнул громовым голосом:

— Кто смеет обижать моих подданных?

— Это тролли, — пискнул Бильбо, о котором в суматохе совсем забыли. — Они прячутся за деревьями.

— Да ну? — Торин прыгнул к костру, выхватил из пламени огромный сук и ткнул им не успевшего отскочить Берта прямо в глаз. Берт взвыл и на какое-то время утратил способность сражаться. Бильбо решил помочь Торину и вцепился в лапу Тома, толстенную, как ствол дерева. Том дернул лапой, и хоббит отлетел в кусты, а тролль кинул в лицо Торину пригоршню углей.

За это он получил суком по зубам и лишился

одного клыка. Слышали бы вы, как он взвыл! Но тут со спины к Торину подкрался Уильям и набросил на гнома мешок. Битва завершилась. Три разгневанных тролля (двое — с обожженными шкурами) заспорили — поджарить ли добычу, сварить или просто расплющить в лепешку. А Бильбо, весь исцарапанный, лежал в кустах, не смея шевельнуться от страха.

Именно тогда возвратился Гэндальф. Его никто не заметил. Тролли между тем договорились подкоптить гномов, чтобы было чем позавтракать. Мысль эта вначале посетила Берта, и после долгих препирательств приятели с ним согласились.

— Чего их сейчас коптить, это ведь дело на всю ночь, — произнес Голос. Берт подумал, что говорит Уильям.

— Хватит, Билл, надоело. Сколько можно спорить?

— А кто спорит? — удивился Уильям.

— Ты, — заявил Берт.

— Врешь! — крикнул Уильям, и спор разгорелся заново. В конце концов решили изрубить гномов на мелкие кусочки и сварить. Достали большой котел, вынули ножи…

— Может, не будем? Воды у нас нет, до родника

далеко, и вообще... — произнес Голос. Берт с Уильямом свирепо поглядели на Тома.

— Заткнись! А то мы так не жрамши и останемся. Скажешь еще хоть слово, побежишь за водой.

— Сами вы заткнитесь! — огрызнулся Том. — А ты, Билл, придержи язык, тебе только бы посупротивничать.

— Помалкивай, пугало! — взъярился Уильям.

— Сам пугало! — не остался в долгу Том.

Словом, тролли, как говорится, перешли на личности. Наконец они поутихли и столковались: сядем, мол, по очереди на каждый мешок, расплющим гномов, а потом сварим.

— На кого первого сядем? — поинтересовался Голос.

— На последнего, — ответил Берт, разумея Торина, от которого пострадал его глаз. Он-то думал, что говорит с Томом.

— Совсем чокнулся, уже сам с собой болтает, — пробурчал Том. — Решил, так садись. А где он?

— Вон, — показал Берт, — в желтых носках.

— Ерунда! — возразил Голос, подражая Уильяму. — Не в желтых, а в серых.

— А я говорю, в желтых, — уперся Берт.

— Точно, — согласился Уильям, — в желтых.

— Чего же ты вопил, что в серых? — удивился

Берт.

— Я? Это не я, это Том.

— Еще чего! Это ты, Билл.

— Двое против одного, так что закрой пасть, — велел Берт.

— Это ты кому? — осведомился Уильям.

— Хватит! — гаркнули хором Берт и Том. — Время идет, вот-вот рассветет. Надо дело делать.

— Наступит рассвет и обратит вас в камни, — торжественно произнес Голос.

В этот миг небо над холмами порозовело, в ветвях деревьев защебетали птицы. Уильям застыл, пригнувшись к земле; Берт с Томом тоже замерли. Они стоят на полянке и по сей день — двое смотрят на третьего, — а птицы вьют у них на головах гнезда. Ведь вам наверняка известно, что троллям опасен солнечный свет, и потому до восхода солнца они должны спрятаться под землю, иначе навсегда превратятся в камень, из которого и сотворены. Это и случилось с Уильямом, Томом и Бертом.

— Так-то оно лучше, — проговорил Гэндальф. Он вышел из-за дерева и помог Бильбо выбраться из колючего куста. Только теперь хоббит догадался, что это маг заставлял троллей препираться между собой, искусно подражая их голосам. За

спором тролли и не заметили, как наступил рассвет.

Вдвоем с хоббитом Гэндальф развязал мешки и вызволил почти задохнувшихся гномов. Те были вне себя от ярости. Еще бы! Каково лежать в мешке и гадать, как тебя съедят — сырым, вареным или жареным. Бильбо рассказал, что с ним произошло, но гномы никак не могли успокоиться, и рассказ пришлось повторить — только тогда они немного утихомирились.

— Нашел время упражняться, — проворчал Бомбур. — Нет чтобы просто принести еды.

— «Просто» все равно не получилось бы, — возразил Гэндальф. — Но хватит об этом, дело прошлое. Поблизости должна быть пещера — ведь тролли где-то укрывались от солнца. Надо бы ее найти.

Вскоре они наткнулись на отпечатки трольих башмаков, уводившие вверх по склону. Следы привели к пещере, вход в которую преграждала каменная плита с замочной скважиной. Отодвинуть эту плиту они не смогли, даже когда навалились все вместе. Гэндальф принялся бормотать заклинания, но у него тоже ничего не вышло.

— По-моему, мы не то делаем, — сказал вдруг Бильбо, доставая из кармана огромный ключ (впрочем, для тролля это наверняка был не ключ, а ключик). — Я нашел его у костра. Наверно, выпал у кого-то из кармана.

— Что же ты молчал? — закричали все хором. Гэндальф схватил ключ и вставил в замочную скважину. Ключ повернулся, гномы вновь навалились на плиту, и та отошла в сторону. В пещере стояла омерзительная вонь. Пол устилали кости, всюду валялись награбленные троллями съест-

ные припасы и прочее добро, от медных пуговиц до горшков, набитых золотыми монетами. По стенам висели костюмы и платья, слишком уж маленькие для троллей — боюсь, то была одежда тех, кого они съели, — и несколько мечей, коротких и длинных. Путникам сразу бросились в глаза два клинка в чудесных ножнах: на рукоятях этих клинков искрились самоцветы.

Эти мечи взяли себе Гэндальф и Торин, а Бильбо выбрал нож в кожаном чехле. Для тролля это был, конечно, всего лишь перочинный ножик, а хоббиту клинок пришелся в самый раз.

— Неплохо, — проговорил маг, наполовину вытащив меч из ножен и внимательно его разглядывая. — Доброе оружие. Ковали его не тролли и не местные жители, и не в наши дни. Вот прочтем руны, тогда узнаем.

— Пойдемте отсюда, — сказал Фили. — Тут плохо пахнет.

Путники выволокли наружу несколько горшков с золотом, выкатили бочонок с пивом и прихватили все, что показалось им съедобным. Было время завтрака, и слишком уж они проголодались, чтобы воротить носы от троллевой снеди — какая-никакая, а все ж еда; к тому же собственных припасов у них осталось всего ниче-

го. А тут и сыр, и хлеб, и грудинка, и много-много пива…

После завтрака все улеглись — ведь ночь выдалась беспокойной — и проспали до полудня. Потом пригнали пони, отвезли горшки с золотом в потаенное место недалеко от тропы и спрятали, наложив на хранилище множество заклятий — чтобы никто не позаимствовал сокровища. Покончив с этим, двинулись по дороге на восток.

— Могу я спросить, где ты был? — осведомился Торин у ехавшего рядом Гэндальфа.

— Глядел, что впереди.

— А что привело тебя обратно, да еще так вовремя?

— Взгляд назад, — ответил маг.

— Понятно, — сказал Торин. — А поподробнее нельзя?

— Я разведывал дорогу. Нас ожидают великие трудности. Так вот, я ехал, обследовал окрестности, и вдруг мне навстречу попались двое моих старинных приятелей из Раздола.

— Это где? — спросил Бильбо.

— Не перебивай, — одернул хоббита Гэндальф. — Если нам повезет, мы доберемся туда через два-три дня. Как я уже сказал, мне встретились двое из эльфов Элронда. Они и предупредили

меня насчет троллей, которые спустились с гор и расположились в лесу близ дороги. Толком я ничего не выяснил, потому что эльфы очень торопились, но понял, что пора возвращаться. А когда повернул коня, увидел вдалеке огонек и поехал на него. Это если поподробнее. Впредь будьте, пожалуйста, осмотрительнее, иначе мы вообще никуда не доберемся.

— Благодарю тебя, чародей. — Торин важно поклонился.

Глава III
Короткая передышка

* * *

Песен уже не пели, историй не рассказывали: погода с каждым днем становилась все лучше, а настроение почему-то — все хуже. Тревога нарастала; казалось, опасность угрожает сразу со всех сторон. Ночевали под открытым небом, под звездами. У пони еды было вдоволь, ведь трава растет повсюду, а вот путники питались впроголодь — сумки почти опустели, даже провизия, взятая из логова троллей, почти кончилась. Как-то утром

по широкой мели перебрались через бурную речку, кое-как взобрались на крутой склон и увидели, что горы — вот они, рядом. Мнилось, что до ближайшей из них от силы день неторопливого пути. Бурые скалы, озаренные солнцем, внушали неясный трепет; за ними возносились к небу снежные пики.

— Это и есть Гора? — спросил Бильбо, глаза которого округлились от изумления. Он никогда прежде не видел ничего столь огромного.

— Вовсе нет, — ответил Балин. — Это всего лишь предгорье Мглистых гор, через которые нам, хочешь не хочешь, а надо перейти, чтобы попасть в Глухоманье. Оттуда мы двинемся к Одинокой Горе, где возлежит на наших сокровищах проклятый Смог.

— А, — протянул Бильбо. Вдруг он понял, что устал — сильнее, чем когда-либо до сих пор. Ему вспомнилось удобное кресло у камина в уютной гостиной, и он, не в последний раз, пожалел о том, что вообще согласился выйти из дома.

* * *

Теперь вожатаем шел Гэндальф.

— Если мы собьемся с дороги, то наверняка заблудимся, — сказал маг. — А ведь вам нужно

подкрепиться и отдохнуть, прежде чем вы двинетесь через Мглистые горы. Кроме того, тропу через горы лучше сначала отыскать по карте, иначе вы рискуете не просто заблудиться, но и вовсе сгинуть. Или вернуться и все начать сначала.

А на вопрос, где же он рассчитывает получить и еду, и отдых, и карту, Гэндальф ответил:

— В Раздоле. Это, как должно быть известно кое-кому из вас, чудесная долина у самой границы Глухоманья, и там, в Последней Приветной Обители, обитает Элронд. Я уже отправил весточку, и нас ждут.

Слова чародея обнадеживали, но не слишком, ведь до Последней Приветной Обители нужно было еще добраться. А впереди, сколько ни гляди, — ни деревьев, ни тенистых лощин, лишь бесконечный склон, полого уходящий все вверх и вверх, лишь вереск да камни, да зеленая трава и мох, под которым, наверное, прячутся родники.

Утро минуло, наступил полдень, а безрадостная картина ничуть не менялась. Путники тревожились все сильнее, их терзали сомнения — найдут ли они обитель Элронда? Перед ними порой разверзались глубокие ущелья с отвесными склонами; заглянув туда, они видели, что далеко внизу, извиваясь между чахлыми

деревцами, бегут ручьи. Попадались и расселины, разные — и широкие, и такие, через которые можно перепрыгнуть почти без разбега; в этих узких, но глубоких щелях шумели водопады. Иногда встречались ямы-ловушки: вроде лужайка как лужайка, зеленая травка, яркие цветы, но стоит на нее ступить — и поминай как звали, уже не выберешься.

Оказалось, что от реки до гор вовсе не близко. Бильбо поспешал за остальными, все время озираясь по сторонам. Тропа была отмечена белыми камнями, столь крохотными, что их было не различить; а камни побольше прятались среди вереска, поэтому даже Гэндальф, маг, сведущий во всем и знавший окрестности Раздола как свои пять пальцев, то и дело останавливался и раздумывал. Мало-помалу начало смеркаться; ощущение было такое, будто за этот день не продвинулись ни на шаг.

Время полдника давно миновало, но они не полдничали; с ужином, похоже, будет то же. Кругом вились мотыльки, сумерки становились все гуще, а луна вставать не торопилась. Пони спотыкались о камни. Неожиданно склон оборвался, и Гэндальф вместе с конем чуть было не ухнул с обрыва.

— Наконец-то! — воскликнул маг. Все посмотрели вниз, на раскинувшуюся перед ними долину. Слышно было, как журчит вода в каменистом русле реки. Ветерок доносил пряный аромат сосен, за рекой разливался свет.

Спускаясь в долину по извилистой тропке, то поскальзываясь, то едва ли не катясь кубарем, Бильбо решил, что не забудет этого спуска до конца своих дней. Впрочем, скоро обрывистый склон стал положе, сделалось теплее, чем наверху, смолистый запах сосен навевал дремоту, и хоббит незаметно для себя начал клевать носом. Путники спускались, а их настроение поднималось. Бор остался позади, из полумрака, теперь совсем не страшного, проступали стволы дубов и буков, а травы под ногами было уже не разглядеть.

Тропинка вывела на вершину невысокого холма прямо над рекой.

— Гм, — произнес Бильбо. — Пахнет эльфами.

Он поглядел на звезды, ярко сиявшие в небе. И тут среди деревьев рассыпался звонкий смех и зазвучала песня:

Ах, куда вы? Ах, что вы?
Ах, зачем вам идти?
Ах, у пони подковы

Истерлись в пути!
О! Тра-ли-ли-лину!
Спускайтесь в долину!

Ах, куда ж вы идете?
Ах, зачем вам туда?
А у нас вы найдете
Ночлег без труда.
О! Тра-ли-ли-лине! –
Ныне в долине.
Хо! Хо!

Ах, что вас торопит,
Как пташек – весна?
Ведь вам, сударь хоббит,
Ваша цель не ясна!
А гномам в долине
понравится ныне, в июне!
Хо! Хо!

Вы к нам, бедолаги,
Иль мимо и прочь?
Устали коняги,
И скоро уж ночь!

Кто прочь, тот – глупец!
А кто к нам – молодец:
Ему мы за это
будем петь до рассвета песни!
Хо! Хо!

Так смеялись и пели эльфы. Какая милая песенка ни о чем! — скажете вы. Эльфы ничуть не обиделись бы на эти слова, наоборот — рассмеялись бы звонче прежнего. Бильбо вскоре разглядел их в сгущающейся тьме. Ему нравились эльфы, все без исключения, хотя встречался он с ними редко; он любил их — и немного побаивался. А вот гномы с эльфами не ладили. Даже почтенные гномы — такие, как Торин и его спутники, — считали эльфов оболтусами и пустозвонами (что было просто глупо) и сердились на них за то, что эльфы обожают дразниться и потешаться над гномами, в особенности — над длинными гномьими бородами.

— Ну и ну! — воскликнул кто-то. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Вот это зрелище!

— Чудеса! Восхитительно!

Зазвучала новая песня, столь же нелепая, как и первая. Молодой высокий эльф соскочил с дерева

и поклонился Гэндальфу с Торином:

— Добро пожаловать в Раздол.

— Благодарствую, — сурово ответил Торин. Гэндальф же спрыгнул с лошади, смешался с эльфами и завел с ними веселый разговор.

— Вы чуть сбились с пути, — продолжил высокий эльф. — Но мы с радостью укажем вам ту единственную тропу, которая ведет к Обители. Идти лучше пешком, покуда не перейдете мост. А может, посидите с нами? Попели бы вместе… Впрочем, в Раздоле вас ждут и уже готовят праздничный ужин. — Он потянул носом. — Пахнет костром.

Уставший Бильбо предпочел бы задержаться. В конце концов, когда еще он услышит песни эльфов? И потом, не мешало бы перекинуться парой слов с теми, кто неизвестно откуда знает, как его зовут. Может, удастся выведать что-нибудь этакое о предстоящем приключении. Ведь эльфам ведомо многое — обо всем, что творится на свете, они узнают так же быстро, как течет вода в реке, и даже быстрее.

Однако гномам не терпелось поужинать, поэтому задерживаться не стали. Путники спешились и, ведя своих пони в поводу, двинулись к реке. Поток, начинавшийся высоко в горах, там, где

солнечные лучи растапливали снег, был быстрым и шумным. Через него осторожно, по одному, перебрались по узенькому мостику без перил. Между тем эльфы с фонарями в руках высыпали на берег и принялись дразниться.

— Эй, папаша! — кричали они Торину, который не шел, а почти полз по мосточку. — Не замочи бороду! Она у тебя и так длинная! Что будешь делать, когда отрастет до пят?

— Бильбо, смотри не слопай все пироги! Вы уж за ним приглядывайте! Иначе он точно не пролезет в замочную скважину!

— Тихо, тихо, Добрый Народ, — проговорил Гэндальф, замыкавший цепочку. — Даже у долин есть уши, а у некоторых эльфов слишком длинные языки. Спокойной ночи.

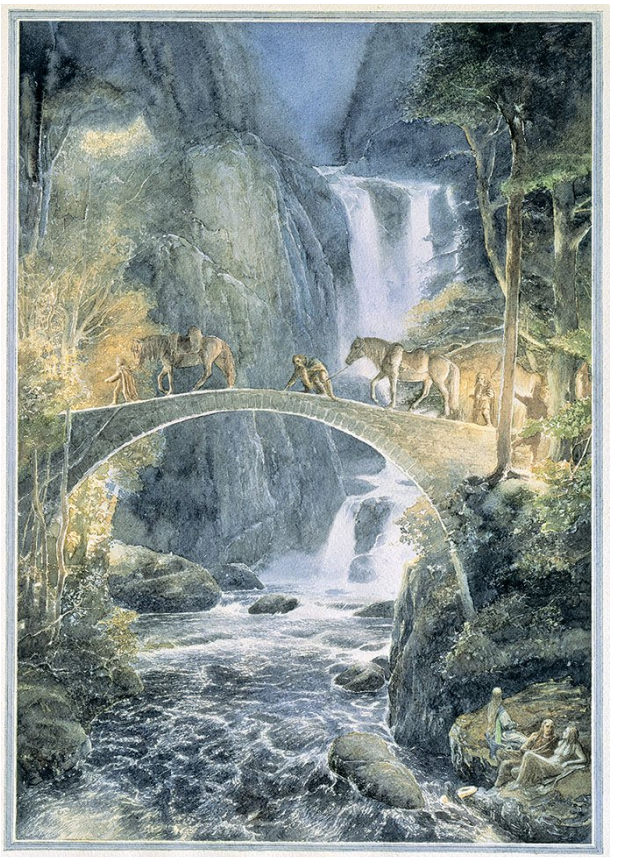
Двери Последней Приветной Обители были распахнуты настежь. Гостей ждали.

Как ни странно, о днях безмятежного покоя и отдыха, о приятном времяпрепровождении — словом, обо всем хорошем скучновато рассказывать и скучновато слушать; вот если происходит что-нибудь неприятное или плохое, из этого можно состряпать отличную историю, которую всегда будут принимать на «ура». Путники надолго задержались в Обители — по меньшей мере,

на четырнадцать дней, — и уходить было тяжко. Бильбо с готовностью остался бы там на веки вечные: ему так понравилось в Обители, что он почти перестал тосковать по своей уютной норке. Но — о пребывании путников в Раздоле мало что можно поведать.

Последней Приветной Обителью управлял друг эльфов Элронд, один из тех, о чьих предках складывали небылицы еще до начала Истории, во времена жестоких сражений между злобными гоблинами и эльфами, которым помогали люди с севера. В дни, о которых мы повествуем, встречались еще те, кто вел свой род от эльфов и северных воинов, и Элронд был их предводителем.

Ликом он был прекрасен, как князь эльфов, силен и доблестен, как великий воин, мудр, как чародей, важен, как король гномов, добр и ласков, как лето. О нем сложили множество преданий; но Бильбо, Торину и прочим — в этом вы убедитесь сами, если мы благополучно доберемся до конца нашей повести, — он помог только советом, что, впрочем, тоже немало. В Обители Элронда каждый занимался чем хотел — ел, спал, работал, болтал, пел, размышлял или все это вместе. А вот злу дорога в Раздол была заказана.



С каким удовольствием я бы пересказал хотя бы несколько преданий и песен, услышанных гостями в Обители! Увы, это увело бы нас далеко в сторону. Скажу лишь, что все путники хорошо отдохнули и подкрепились, заштопали одежду, подлечили дорожные ушибы и воспрянули духом.

Но всему хорошему приходит конец. Приближался день летнего солнцеворота, и пора было отправляться в путь. На пони вновь навьючили мешки и сумки, битком набитые эльфийской едой. Ее вполне должно было хватить на предстоящий переход через Мглистые горы.

В день перед расставанием Гэндальф показал Элронду мечи, которые они с Торином нашли в логове троллей.

— Это очень древние клинки, — сказал Элронд, знавший все на свете руны. — Они когда-то принадлежали моим родичам, Вышним Эльфам с запада. А выковали их в Гондолине в незапамятные времена. Должно быть, они стали добычей какого-нибудь дракона или гоблина, попали в чужие лапы, когда вражеские полчища разрушили и разграбили Гондолин. Твой клинок, Торин, на древнем наречии зовется Оркристом — Гоблиносеком. Этот меч прославлен в легендах и песнях.

А твой, Гэндальф, зовется Гламдринг, то есть Вражемолот. Им некогда сражался сам король Гондолина. Берегите свои мечи.

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством изучая свой клинок.

— Наверняка не скажу, — ответил Элронд. — Быть может, ваши тролли ограбили других воров или случайно наткнулись в горах на припрятанную добычу. Я слыхал, что в рудниках Мории до сих пор находят древние сокровища, укрытые там предками нынешних гномов.

— Я сохраню этот меч во что бы то ни стало, — поклялся Торин. — Надеюсь, он еще покосит гоблинов.

— Твои надежды могут сбыться в горах, — отозвался Элронд. — Разрешите, я взгляну на вашу карту.

Он взял пергамент и долго смотрел на него, качая головой. Элронд недолюбливал гномов, снедаемых страстью к золоту и самоцветам, но с гномами все же можно было как-то договориться, а вот вразумить обуянных звериной злобой и жестокостью драконов не удавалось еще никому. Где ныне веселый город Дол с его колоколами? Одни развалины да опаленные драконьим пла-

менем берега Бегущей… Элронд поднял карту и принялся разглядывать ее в лунном свете.

— Что это? — воскликнул он вдруг. — Тут не только простые руны, видите? Какая-то надпись лунными рунами…

— А что такое «лунные руны»? — прошептал сам не свой от восторга хоббит. Помните, он обожал всякие карты, а еще был без ума от затейливой вязи старинных букв и рун, хотя сам писал почти как курица лапой.

— Лунные руны можно увидеть, только если на них упадет свет луны, причем луна должна быть в той же самой четверти, как и в ту ночь, когда были начертаны руны. Эти руны изобрели гномы, наносившие их на пергамент серебряными перьями. Спроси у своих товарищей, они тебе расскажут. Похоже, эту надпись начертали тоже в канун солнцеворота…

— Что она гласит? — спросили хором Гэндальф и Торин. Им обоим было немного досадно, что надпись обнаружили не они; оставалось утешаться тем, что до сих пор у них просто не было случая тщательно изучить карту.

Элронд стал читать:

— «Встань у серого камня, дрозд когда запоет и закатного солнца последний луч на замочную

скважину упадет в День Дарина».

— День Дарина, — повторил Торин. — Дарином звали самого первого гнома, старейшину Длиннобородых — это наш королевский род. Между прочим, я — потомок Дарина.

— И что же такое День Дарина? — справился Элронд.

— Первый день нового года по календарю гномов, — ответил Торин. — Всем известно, что в этот день на пороге зимы луна входит в последнюю четверть и встречается с солнцем. Вот что такое День Дарина. Но вряд ли надпись чем-то нам поможет, ведь нынче никто не угадает, когда наступит нужный срок.

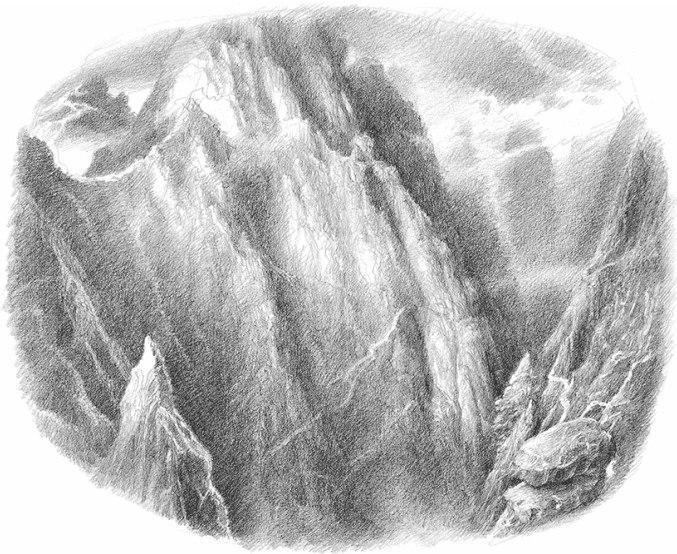
— Это мы еще посмотрим, — заявил Гэндальф. — Больше там ничего не написано?

— Как будто нет, — ответил Элронд, вернув карту Торину. Потом все спустились к реке — посмотреть, как танцуют эльфы, и послушать их песни.

Следующее утро выдалось таким чудесным, что лучшего и желать нечего: небо безоблачное, солнце ослепительно яркое, речная вода вся в бликах. Путники решительно двинулись вперед, а вслед им неслись прощальные возгласы, пожелания удачи и песни эльфов. Впереди возвышались

Мглистые горы, которые нужно было преодолеть во что бы то ни стало.

Глава IV
Через горы и под горами



* * *

К горам вело множество троп, а через горы — множество перевалов; но тропы в основном были

дикие, неверные и заводили они или в тупик, или вообще никуда, а перевалы и того хуже — на них кишела тьма злобной нечисти и творились ужасные вещи. Впрочем, путники не плутали — спасибо Элронду за совет и Гэндальфу за его памятливость! Они поднимались по верной тропе к верному перевалу.

День за днем, выбравшись из долины и оставив позади Последнюю Приветную Обитель, они поднимались в гору. Дорога вела вверх, и вверх, и вверх. Это был нелегкий путь, опасный путь, извилистая тропа, неторная и долгая. И вот однажды, оглянувшись, они увидели землю, которую покинули, — увидели всю, от края до края. И далеко-далеко на западе, там, где мир терялся в голубоватой дымке, там — Бильбо знал, — где-то там лежала милая сердцу Хоббитания, где-то там ждала своего хозяина уютная норка. Он поежился.

Было жутко холодно, завывал ветер. Порой со склонов срывались валуны, вытопленные из снега полдневным солнцем; огромные камни то проносились со свистом между путниками, то пролетали над самыми их головами, и тогда все испуганно вздрагивали.

Ночи тоже не приносили покоя; петь и даже

громко разговаривать никто не отваживался — горное эхо разносилось на многие мили окрест, и чудилось, что царящей вокруг тишине не по нраву чужеродные звуки — ведь привыкла она разве что к журчанию воды да к вою ветра и грохоту камнепадов.

«А внизу еще лето, — подумалось Бильбо. — Сенокос, праздники… Прежде чем мы перевалим через горы, там, у нас, уже поспеют ягоды».

Мысли гномов были ничуть не веселее. Все приуныли, хотя, когда прощались с Элрондом, были радостны. Частенько поминали они свои планы, казавшиеся теперь несбыточными, — с ходу перебраться через Мглистые горы и двинуться прямиком к Одинокой Горе. Гномы рассчитывали достичь цели путешествия к первой осенней луне: «Может, это будет как раз День Дарина», — говорили они. А Гэндальф, слушая их, качал головой, но помалкивал. Он-то знал, сколько опасностей ждет их на пути, сколько всяких злобных тварей появилось в Глухоманье с тех пор, как драконы изгнали оттуда людей, а гоблины сумели проникнуть в пещеры Мории. Мудрым магам и добрым друзьям вроде Элронда хорошо известно, что Глухоманье очень даже просто может расстроить самый удачный план; а мага

мудрее Гэндальфа и друга надежнее Элронда надо еще поискать.

* * *

Гэндальф знал, что может случиться всякое, и догадывался, что Мглистые горы с их высоченными пиками и глубокими ущельями, давно забывшими о королях былого, так просто путников не пропустят. Его опасения оправдались. Началась буря — да какая там буря, самый что ни на есть настоящий ураган. Когда два могучих ветра сталкиваются на равнине или в речной долине, — и то бросает в дрожь. Попробуйте же представить, что творится в горах, когда сходятся в битве стремительные вихри с запада и с востока! Грохочет гром, молнии вонзаются в скалы, сотрясая их до основания, огромные камни взлетают в воздух, катятся по склонам, разбиваются вдребезги, а ночную тьму вспарывают ослепительные вспышки, вослед которым раздается чудовищный грохот.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог, что такое бывает. Буря застигла путников в узком ущелье высоко в горах: с одной стороны была почти отвесная каменная стена, с другой — затянутая туманом и наверняка

бездонная пропасть. Выбирать не приходилось, поэтому заночевали в этом ущелье, укрывшись под выступом скалы. Хоббит закутался в одеяло, но все равно дрожал с головы до ног — от холода и от страха. При вспышках молнии он видел каменных великанов, которые, откровенно радуясь непогоде, затеяли игру — швыряли друг в друга громадные валуны, ловили их и бросали вниз, на невидимые в темноте деревья, где они разбивались вдребезги. Буря разгулялась не на шутку, ветер задул резкими порывами, хлынул дождь, забарабанил по скале град. Вскоре все вымокли до нитки; пони опустили головы, поджали хвосты и только испуганно ржали. А великаны громко вопили и гоготали; казалось, они потешаются над промокшими и продрогшими путниками.

— Худо дело, — мрачно промолвил Торин. — Нас или сдует, или затопит, если раньше не испепелит молнией. А не то еще великаны заметят и решат, что мы вполне сойдем за мячики.

— Коли знаешь местечко получше, отведи нас туда, — раздраженно бросил Гэндальф. — А коли нет, так нечего ворчать.

Перепалка завершилась тем, что Фили и Кили, как самые молодые — лет на пятьдесят моложе прочих гномов — и самые зоркие, отправились

искать укрытие понадежнее. Им было не привыкать к подобным поручениям (вы, конечно же, понимаете, что посылать на разведку Бильбо не имело ни малейшего смысла). Кто ищет, тот всегда найдет — приблизительно так высказался Торин, напутствуя молодых гномов. Но учтите, прибавил он, находишь обычно не то, что искал. И как в скором времени выяснилось, напутствие Торина оказалось пророческим.

Разведчики вернулись быстро — приползли, цепляясь за камни, чтобы не сдуло в пропасть.

— Мы нашли пещеру, — выпалили они в один голос. — Совсем рядом. Там сухо и просторно, мы все поместимся, даже пони.

— Вы хорошо ее осмотрели? — спросил маг, отлично знавший, что горные пещеры редко бывают бесхозными.

— А как же! — откликнулись Фили и Кили. — Она не слишком большая и не слишком глубокая, но места в ней хватит всем.

Честно говоря, разведчики вряд ли успели обследовать пещеру как следует — уж очень недолго они отсутствовали. Но путники настолько продрогли, что им было не до осторожности. А между тем, когда имеешь дело с пещерой, самое главное — выяснить, насколько она глубока,

куда ведет и не живет ли там кто. Все кое-как поднялись и потащились по тропе, волоча за собой упирающихся пони. Натужно ревел ветер, свирепо грохотал гром. По счастью, идти было недалеко — до скалы, возвышавшейся чуть в стороне от тропинки. Обойдя ее, путники увидели темное отверстие — широкое ровно настолько, чтобы в него могли протиснуться пони без седел и без поклажи. Все забрались внутрь. Это было просто великолепно — наконец-то укрыться от ливня с градом и от великанов с их каменюками.

Один лишь Гэндальф не утратил благоразумия. Он засветил свой посох — как в тот далекий день в норе Бильбо — и заставил компанию тщательно осмотреть пещеру.

Она была не то чтобы маленькой — вполне подходящего размера; в ней имелось несколько уютных закутков, а главное — под ногами сухо и с потолка за шиворот не капает. Мокрые и продрогшие пони радовались перемене ничуть не меньше своих хозяев, их отвели подальше от входа и оставили в укромном уголке. Глоин с Оином собрались развести костер, чтобы согреться и высушить одежду, но маг запретил. Поэтому путники попросту переоделись в сухое, а мокрое разложили на полу пещеры; затем расстелили

одеяла, вынули трубки и закурили. Гэндальф развлекался — окрашивал кольца дыма в разные цвета и заставлял танцевать под сводом. О ненастье забыли, завязался разговор: обсуждали, что каждый сделает с причитающейся ему долей сокровищ, на что ее пустит (то, что сокровища будут добыты, казалось само собой разумеющимся). Мало-помалу начали засыпать. И никто из компании не догадывался, что больше не будет у них ни пони, ни дорожных котомок, ни мешков с инструментами — словом, ничего из того, что было у них до сих пор.

Хорошо еще, что в эту ночь с ними был маленький Бильбо. Хоббит долго не мог заснуть, а когда все же задремал, ему привиделся ужасный сон. Будто трещина в стене, в дальнем конце пещеры, стала вдруг расширяться, становясь все больше и больше, и будто он настолько испугался, что не посмел даже пискнуть — лежал да смотрел. Затем пол пещеры словно накренился, и Бильбо заскользил, падая невесть куда…

Хоббит вздрогнул — и понял, что это не сон. В дальнем конце пещеры и вправду разверзлась дыра, в которой на глазах Бильбо исчез хвост последнего пони. Он завопил — так громко, как может вопить только хоббит (а такого крика,

ручаюсь, вам слышать не доводилось).

И тут из дыры полезли гоблины — огромные, дюжие, отвратительные гоблины. Их было по меньшей мере шестеро на каждого гнома, а двое накинулись на Бильбо. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, гоблины схватили пленников и потащили в дыру. Враги застали врасплох всех — всех, кроме Гэндальфа. Маг пробудился от вопля Бильбо и мгновенно все понял. И едва гоблины бросились к нему, пещеру озарила ослепительно яркая вспышка, словно сверкнула молния, запахло порохом, и несколько гоблинов пало замертво.

Трещина с грохотом сомкнулась — Бильбо с гномами очутились за стеной. А где же Гэндальф? — спросите вы.

Этого не знали ни пленники, ни налетчики, которые, впрочем, не имели ни малейшего желания разыскивать чародея. Они не мешкая двинулись по вырубленному в скале проходу, в котором было так темно, что хоть глаз выколи. В такой тьме могут жить одни лишь горные гоблины. Подземные коридоры сходились и расходились, пересекались под всевозможными углами, во всех направлениях, но гоблины знали свой путь, как вы — дорогу до почты. Все ниже и ниже, все

глубже и глубже; становилось нестерпимо жарко. Грубые гоблины немилосердно щипались, фыркали и мерзко гоготали. Хоббиту было страшно — страшнее даже, чем тогда, когда его схватил за шиворот тролль. Он вновь пожалел о своей опрометчивости. Оказаться бы сейчас в уютной норке на Круче…

Впереди замерцал алый огонь. Гоблины загорланили песню, отбивая такт своими плоскими лапами и встряхивая пленников.

Хрум! Хруп! Гоблин груб!
Грабь! Гробь! Дроби дробь!
Вниз, вниз – заждались
Там вас, мил друг.

Кряк! Бряк! Да как – шмяк!
Ключ – замок! Дверь – порог!
Плеть! Клеть! Гляди, впредь
Дам в глаз, мил друг!
Вам и впредь будет плеть!

На бегу обожгу! У меня чтоб ни гугу!
Вас тут ждут труд да труд,
Чтобы гоблин жил, чтобы гоблин не тужил!

Вниз, во мрак! Вот так,
В самый раз, мил друг!

Звучало это поистине ужасающе. Особенно «Хрум! Хруп!» и «Кряк! Бряк!». Эхо вторило гнусному смеху гоблинов. Потом эти лиходеи вытащили кнуты — хлысть! свисть! — и велели пленникам бежать бегом, и гномы не раз и не два отведали по дороге гоблинского кнута.

Наконец достигли громадной пещеры, посредине которой пылал костер. На стенах чадили факелы. В углу стояли пони, поодаль валялись мешки и котомки, разграбленные, вывернутые, что называется, наизнанку. По правде сказать, своих пони — и того крепкого белого конька, которого Элронд подарил Гэндальфу — пленники, как это ни жаль, видели в последний раз. Ведь гоблины всегда голодны и охотно едят лошадей, пони, ослов (и не только их — брр!..).

Гоблинов в пещере было полным-полно. Завидев гномов, позади которых ковылял несчастный Бильбо, они загоготали, затопали и захлопали, а гоблины-надсмотрщики завыли и защелкали кнутами. Пленников согнали в кучу, надели на них ручные кандалы, потом обмотали всех одной веревкой и поволокли в самый темный

угол пещеры.

Там восседал на большом плоском камне омерзительный гоблин с огромной головой. Вокруг него стояли другие, вооруженные топорами или кривыми мечами — излюбленным оружием гоблинов. Да, ныне гоблины уже не те, что прежде, — они стали злы и жестоки, их сердца зачерствели. А когда-то они были искусными мастерами, и никто не мог сравниться с ними в умении рыть подземные ходы. Молоты, мечи, то-

поры, кинжалы, кирки, гонги, а также пыточные инструменты они великолепно ковали сами — или заставляли ковать своих рабов, которые быстро умирали под землей от нехватки воздуха и от жажды. Может быть, именно гоблины изобрели машины, поколебавшие устои мира, в особенности — машины для убийства; в конце концов, им всегда нравились колеса, двигатели и взрывы. Грязнули и неряхи, они всячески отлынивали от работы, заставляя трудиться на себя своих пленников. Гномов гоблины ненавидели не то чтобы так уж сильно — скажем прямо, не сильнее, нежели всех остальных (среди гномов попадались и такие, кто сумел заключить с гоблинами союз). Но вот род Торина они поклялись истребить — еще давно, во времена войны, о которой уже упоминалось.

Вдобавок гоблинам было все равно кого хватать — лишь бы жертвы не сопротивлялись.

— Кто эти жалкие твари? — осведомился Верховный Гоблин.

— Гномы. И этот. — Один из надсмотрщиков дернул за веревку, и Бильбо рухнул на колени. — Прятались у парадного входа. Там мы их и взяли.

— Интересно. — Верховный Гоблин повернулся к Торину. — Что все это означает? Небось

вынюхивать явились, а? Подслушивали да подглядывали? Тати гнусные! Хотели нас ограбить! Уж я знаю вас, убийцы, приятели эльфов. Чего молчишь?

— Меня зовут Торин, — сурово произнес Дубовый Щит. — Все свои домыслы можешь оставить при себе. Мы просто укрылись от бури в пещере и вовсе не собирались подглядывать за гоблинами. Нам это ни к чему, у нас другие дела.

— Рассказывай! — Верховный Гоблин презрительно хмыкнул. — Как вы вообще оказались в горах и куда идете? Ну-ка отвечай! Всю правду, не увиливай! Хотя это тебе вряд ли поможет, Торин Дубовый Щит, я и так уже слишком много знаю о твоем жалком племени. Но утоли мое любопытство. А коли обманешь — пеняй на себя!

— Мы идем навестить наших родичей, наших племянников, братьев и сестер и всех остальных. Они живут на восточных склонах сих гостеприимных гор, — сказал Торин, чуть помедлив (ведь ясно было, что правду нельзя говорить ни в коем случае).

— Врет он, о всеужаснейший! — вмешался надсмотрщик. — Мы вежливо пригласили их спуститься с нами, и тут в пещере сверкнула молния и наши товарищи попадали замертво. А еще он не объяснил, откуда у него вот это. — И гоблин показал своему главарю меч из логова троллей.

Верховный Гоблин взвыл от ярости, а все прочие заскрежетали зубами, застучали в щиты и затопали ногами. Они сразу узнали клинок, сразивший сотни гоблинов в те времена, когда кудесники-эльфы из Гондолина осаждали вражеские крепости. Эльфы именовали меч Оркристом, то есть Гоблиносеком, а гоблины называли его

просто Кусачом. Они ненавидели лютой ненавистью и сам меч, и всех, кто им владел.

— Убийцы и дружки эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Бей их! Кусай! Рви! Бросьте их в темницы к змеям, и да не увидят они вовек света! — Он так разъярился, что спрыгнул со своего трона и ринулся на Торина, широко разинув пасть.

Вдруг в пещере погасли все факелы. Громадный костер потух, на его месте возник столб голубого светящегося дыма, поднимавшегося к потолку и рассыпавшего вокруг белые искры.

Вопли, визг, лепет, вой, рык, всхлипы и проклятия, которыми огласилась пещера, не поддаются никакому описанию. Даже если поджаривать живьем на медленном огне сотню-другую диких кошек или волков — и то получится не так громко. Искры прожигали гоблинов насквозь, густой дым не позволял им что-либо разглядеть. Скоро все попадали друг на дружку и, точно обезумев, принялись кататься по полу, пинаться и кусаться.

И тут лезвие Оркриста в лапах стражника налилось светом. На глазах Бильбо из мрака возник еще один меч, и мерцающее лезвие пронзило Верховного Гоблина, застывшего в изумлении

возле трона. Главарь рухнул как подкошенный, а его охранники, спасаясь от клинка, с воплями скрылись во мраке.

Меч потускнел.

— Идите за мной, — велел суровый голос. И Бильбо, прежде чем понял, что, собственно, происходит, уже мчался как угорелый за гномами по подземному коридору, а крики гоблинов постепенно затихали в отдалении. — Скорее, скорее! — подгонял голос. — Вот-вот зажгут факелы!

— Я сейчас! — Дори, бежавший впереди Бильбо, остановился, подождал хоббита, заставил его забраться к себе на закорки и кинулся следом за остальными. Кандалы позвякивали, гномы часто спотыкались и падали — ведь руки у них были скованы и хвататься за стены, чтобы сохранить равновесие, было нечем.

Остановились не скоро — лишь когда очутились в самом сердце горы. Гэндальф засветил свой посох. Разумеется, это был Гэндальф, как всегда, подоспевший на выручку вовремя. Впрочем, выяснять, откуда он взялся, было некогда. Меч в руке мага мерцал холодным голубоватым светом — гоблины были где-то поблизости. Тем же самым клинком, которым сразил Верховного Гоблина, владыку подземелья, Гэндальф рассек

оковы на руках гномов. Этот меч, как вы помните, звался Гламдринг, то есть Вражемолот.

Гоблины называли его Било и ненавидели даже сильнее Кусача, если такое возможно. Гэндальф с поклоном протянул Торину Оркрист: воспользовавшись суматохой, маг вырвал клинок у одного из охваченных паникой гоблинов. Вообще Гэндальф позаботился о многом, и не его вина, что гномам и хоббиту пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Все тут? — спросил маг. — Поглядим. Торин — раз. Так, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать… Где Фили и Кили? А, вот они. Двенадцать, тринадцать, и господин Торбинс — четырнадцатый. Великолепно! Могло быть или гораздо хуже — или гораздо лучше. Пони сгинули, еда тоже, мы не знаем, где находимся и в какую сторону идти, а за спиной у нас орда разъяренных гоблинов… Ладно, пошли.

Они двинулись наугад. Довольно скоро послышался топот множества ног — гоблины оправились от изумления и пустились в погоню. Путники ускорили шаг, и бедный Бильбо сразу же отстал. Его снова посадили на закорки и понесли, передавая по очереди друг другу.

Но гоблины настигали гномов — они лучше знали дорогу, потому что сами рыли эти пещеры, и были вдобавок просто вне себя от ярости. Злобные крики доносились отовсюду. Топот ног слышался совсем уже близко, на стенах замерцали отблески от горящих факелов.

Гномы смертельно устали, но продолжали бежать.

— И зачем только я пошел с вами?! — простонал господин Торбинс, подскакивая на спине у Бомбура.

— И зачем только я тащу на себе этого треклятого хоббита?! — в тон ему отозвался Бомбур. Толстяка шатало, он был весь мокрый от пота.

Гэндальф и Торин, пропустив остальных вперед, обнажили клинки.

— По очереди! — крикнул маг. — Давай, Торин!

Гоблины с громкими криками вывалились из-за угла — и напоролись на Оркрист с Гламдрингом. Клинки холодно мерцали. Первые из преследователей выронили факелы и упали мертвыми. Прочие попятились, но сзади на них наседали. Все смешалось. Под вопли: «Кусач! Било!» гоблины развернулись и, топча друг друга, бросились вспять. Совсем не скоро отважились они вернуться.

К тому времени гномы успели уйти далеко. Тогда гоблины потушили факелы и отправили на разведку самых своих быстрых и зорких товарищей. Те натянули мягкие башмаки и двинулись по коридорам бесшумнее летучих мышей.

И ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф ничего не заподозрили, ничего не услышали и не увидели. А гоблины, кравшиеся во мраке, заметили своих обидчиков издалека, ибо маг зажег на конце посоха огонек, чтобы освещать дорогу.

И вот тогда-то Дори, который как раз опять тащил на закорках хоббита, вскрикнул и упал — в полумраке его схватили за ногу. Бильбо скатился на пол, ударился головой о камень и перестал что-либо чувствовать.

Глава V
Загадки во мраке

* * *

Открыв глаза, Бильбо ровным счетом ничего не увидел — ни зги! И не услышал ни звука! Только представьте весь ужас маленького хоббита! Ничего не видно, ничего не слышно; ясно лишь

одно — он по-прежнему в подземелье.

Бильбо кое-как приподнялся и на четвереньках пополз куда-то наугад. Полз и полз, пока не уперся в стену. Ну и дела — ни гоблинов, ни гномов. И куда все подевались? В какую сторону надо двигаться, чтобы выбраться на волю, хоббит не имел ни малейшего понятия; голова кружилась. Собравшись с силами, он пополз дальше по коридору — авось куда-нибудь да приползет; и вдруг его пальцы нащупали на полу нечто круглое и холодное — металлическое колечко. Бильбо сунул находку в карман, так, на всякий случай (откуда ему было знать, что это за колечко и какой от него может быть прок). Потом, когда устал ползти, уселся и долго сидел в темноте, подавленный случившимся и совершенно сбитый с толку. Ему виделось, будто он жарит у себя на кухне бекон с яичницей, — очень уж хотелось кушать, ну просто сил нет как хотелось. Но ни кушать, ни даже перекусить было нечем, и Бильбо понял, что на сей раз дела обстоят и вправду худо.

Он никак не мог решить, что же ему делать дальше, никак не мог понять, что вообще происходит и почему его бросили одного, а еще — почему его не схватили гоблины и отчего так болит голова. Некоторое время спустя хоббит пошарил

по карманам и нащупал трубку. Цела! И на том спасибо. Отыскался и кисет с табаком. Совсем хорошо! Но спичек в карманах не оказалось, и Бильбо вновь приуныл. Однако, размыслив здраво, он сказал сам себе, что переживать не стоит — ведь на огонек спички, на аромат табачка могут пожаловать какие-нибудь гнусные твари, которые наверняка водятся в этом жутком подземелье. И тут рука хоббита нащупала рукоять меча — того самого кинжала, который Бильбо позаимствовал в логове троллей. К счастью, гоблины не обыскивали пленников, а потому кинжал не отобрали.

Хоббит обнажил клинок. Тот тускло замерцал.

«Выходит, тоже не простой, — подумал Бильбо. — Тоже эльфийский. Раз он светится тускло, значит, поблизости гоблинов нет, но они не так уж далеко».

Он слегка приободрился. Не каждый может похвастаться тем, что у него есть эльфийский клинок, выкованный в незапамятные времена в легендарном Гондолине. Вдобавок Бильбо успел заметить, что гоблины боятся таких клинков.

— Куда дальше? — бормотал хоббит себе под нос. — Назад? А какой смысл? Свернуть здесь некуда… Тогда вперед. Пошли, дружище. — С эти-

ми словами он встал и двинулся во мрак: одну руку, с мечом, он выставил вперед, а другой держался за стену. Сердце его бешено колотилось.

* * *

Есть такое выражение — «попасть впросак». Так вот, Бильбо Торбинс как раз в него и попал. Впрочем, будь на его месте человек, человеку пришлось бы еще хуже. Ведь ростом хоббиты гораздо меньше нас с вами и — пускай их норы светлее и просторнее гоблиновых пещер — им не привыкать под землей, и дорогу они находят без труда, особенно когда голова ясная, когда крепко стоишь на ногах, почти не спотыкаешься и уж тем более когда не падаешь. А еще хоббиты владеют древней мудростью, о которой люди давным-давно забыли — если вообще имели о ней представление.

Однако мне не хотелось бы очутиться на месте господина Торбинса. Ход казался бесконечным. Он вел вниз и, если не считать одного-двух поворотов, вел в одном и том же направлении. Вот тусклый свет кинжала выхватил из мрака боковые коридоры, и хоббит постарался побыстрее проскочить мимо них — а вдруг оттуда вылезут гоблины или еще более жуткие твари? Порой

раздавался шелест крыльев — это над головой Бильбо пролетали летучие мыши; поначалу хоббит пугался, но мало-помалу привык и уже не обращал на них внимания. Он смертельно устал, но не смел остановиться и передохнуть, а потому брел все дальше и дальше, неведомо куда. Никогда в жизни ему не доводилось столько проходить зараз.

И вдруг нога Бильбо угодила в ледяную воду. Уф! Хоббит выдернул ногу и замер в нерешительности. То ли это лужа, то ли подземная речка; а может, глубокое озеро… Меч едва светился. Бильбо затаил дыхание и прислушался. С невидимого свода пещеры падали в воду капли, других звуков не было.

Выходит, не река. Скорее уж озеро. По правде сказать, разница небольшая. Пловец Бильбо никудышный; вдобавок ему живо представились гнусные скользкие твари с выпученными глазищами — стоит только сунуться в воду, они тут же на тебя кинутся… Ходили слухи, что в горных подземельях обитают диковинные существа, чьи предки затаились во мраке много лет назад, когда им опротивел солнечный свет. Отчасти эти слухи были справедливы: даже в пещерах, обжитых гоблинами, встречались такие твари, о

существовании которых не подозревали и сами гоблины (вообще-то эти самые твари обитали в подземельях от начала времен — гоблины всего-навсего бесцеремонно захватили их пещеры, а потом соединили проходами).

На каменистом островке посреди озера, широкого, глубокого и холоднющего, жил старый Голлум, маленький и скользкий, как рыба. Не знаю, кто он такой и откуда взялся. Просто Голлум — черный, как ночь, и только на его изможденном лице светились большие глаза навыкате. У него была лодка, в которой он плавал по озеру, загребая вместо весел лапами. Он прекрасно видел в темноте и потому ловил рыбу не на удочку, а руками — ловко выхватывал ее из воды своими длинными пальцами. Мясом он тоже не брезговал и охотно поедал гоблинов, которые иногда забредали к озеру (а на озеро это они наткнулись случайно, копая очередной ход); но далеко от воды Голлум не отходил, чтобы не попасться. Гоблины же словно чуяли, что озеро таит в себе угрозу, и старались туда не ходить — если, конечно, не пошлет кого Верховный Гоблин, которому вдруг приспичит поесть свежей рыбки. Но обычно его ожидало разочарование — ни тебе рыбы, ни даже нерадивого добытчика, на кото-

ром можно было бы сорвать гнев.

Голлум уже давно заметил Бильбо, углядел его своими глазами-плошками и долго гадал, что это за коротышка. Вроде не гном, да и на гоблина совсем не похож. В конце концов он забрался в лодку и направил ее к берегу.

Бильбо между тем сел и задумался. Вдруг из темноты донесся шепот:

— Как нам повезло, моя прелесссть! Вот и обед, вкусный обед, голлум! — На последнем слове в горле у Голлума ужасно забулькало и заклокотало. Вот откуда взялось его прозвище; а сам себя он всегда именовал «моя прелесть».

Услыхав этот шепот и увидев во мраке огромные светящиеся глаза, хоббит едва не лишился чувств.

— Ты кто? — пропищал он, выставляя перед собой кинжал.

— Пусссть он сначала скажет, кто он такой, моя прелесссть, — прошипел Голлум. У него была такая манера — разговаривая, обращаться только к себе, словно никого другого и вовсе не существовало. Бильбо повезло, что Голлум был не слишком голоден: как следует проголодавшись, тот сперва душил свою жертву, а уж потом начинал задавать вопросы.

— Бильбо Торбинс, к вашим услугам. Я потерял гномов и мага, сбился с дороги, заблудился, не знаю, куда попал, да и знать не желаю — мне бы только выбраться отсюда!..

— А что это у него в руке, моя прелесссть? — полюбопытствовал Голлум, неодобрительно поглядывая на меч.

— Клинок из Гондолина, — ответил хоббит.

— Шшшш... — Голлум сделался ужасно вежливым. — Может, поболтаем с ним, моя прелесссть? Может, он любит загадки и сыграет с нами?

Дружелюбие Голлума было притворным — он всего лишь тянул время, надеясь вызнать, давно ли Бильбо отбился от своих спутников и умеет ли драться мечом. А игра в загадки была единственным развлечением Голлума — он играл в нее еще со своими друзьями, в те времена, когда были у него друзья, когда он еще не боялся света и жил не под землей.

— Конечно, сыграет. — Бильбо тоже решил не торопить события. Кто ее знает, эту тварь: откажешься, а она обидится и накинется... — Вы первый, — прибавил он, ибо с ходу на ум загадки не шли.

Голлум прошипел:

Из земли торчит лес

Выше всех древес,
Поднялся до небес,
А сам не растет.
Что такое?

— Ну, это легко, — сказал Бильбо. — Гора, конечно.

— Он говорит «легко», моя прелесссть? — злобно прошипел Голлум. — Ладно, ладно. Мы с ним договоримся. Если прелесссть спросит, а он не ответит, мы его съедим, моя прелесссть. А если он спросит и мы не ответим, тогда… Чего он хочет, моя прелесссть? Тогда мы покажем ему выход.

— Идет, — согласился хоббит. Трудные загадки никак не вспоминались, а простые тут не годились — иначе не успеешь опомниться, как сожрут.

Тридцать белых жеребят
из красной норы:
едят – копытами стучат,
а все съедят – стоят, молчат.
Что такое?

Вот что он загадал, ничего другого в голову не пришло. Загадка была старой, и Голлум без труда нашел ответ.

— Сстарье, сстарье! — прошипел он. — Это зубы, моя прелесссть, но у нас их только шесссть. — И загадал свою загадку:

Без голоса ревет,
Без крыльев летит,
Без зубов грызет,
Без языка говорит.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Бильбо. Что-то подобное он когда-то уже слышал… — А, ветер! — Хоббит так обрадовался, что сразу вспомнил загадку потруднее. «Вот тебе, чудище подземное», — подумал он.

На синем лике око,
И на зеленом – око.
И то, и это око
Глядятся око в око.
Но это низко око,
А то – высоко око.

— Шшш… — Голлум слишком долго прожил под землей, чтобы с ходу найти ответ. Но Бильбо рано возликовал. В Голлуме пробудилась память о тех днях, немыслимо, безмерно давних днях, когда он жил со своей бабушкой в норе на берегу

реки. — Шшш, моя прелесссть. Это сссолнце, гадкое сссолнце и цветы.

Воспоминания его разозлили. И неудивительно — кому приятно вспоминать о том, как хорошо жилось раньше, о днях менее одиноких, менее темных и промозглых? Вдобавок Голлум почувствовал, что уже проголодался. И он решил загадать загадку позаковыристее.

Это неслышимо, это незримо,
Это нечуемо, неощутимо;
Это над звездами и под землей,
И в каждом доме, коль дом пустой;
В начале было, в конце придет –
Жизнь завершит и веселье убьет.

К великой досаде Голлума Бильбо не замедлил с ответом.

— Темнота, — сказал он, даже не почесав в затылке, и загадал сам:

Нет у шкатулки ни крышки, ни дна,
А все же золотом полна.

На взгляд Бильбо, загадка была совсем простенькой, даром что он ее слегка изменил. Но для Голлума она оказалась крепким орешком. Тот

долго шипел и кряхтел, что-то шептал себе под нос, но не отвечал.

Бильбо решил его поторопить:

— Ну? Если ваше шипение означает, что ответ — кипящая вода в котелке, то вы ошибаетесь.

— Пусссть он потерпит, моя прелесссть, пусссть потерпит.

— Ладно, — согласился Бильбо и некоторое время ждал, а потом спросил: — Ну как, вы готовы?

Голлум неожиданно для себя вспомнил, как разорял птичьи гнезда, как потом усаживался на берегу и учил бабушку высасывать из скорлупы содержимое…

— Яйца! — воскликнул он. — Птичьи яйца!

Настала его очередь загадывать.

Не дышит, а живет,
Не хочет, а пьет,
Холодней, чем лед,
Кольчуга на теле,
А на самом деле –
Что это?

Он тоже полагал свою загадку пустяковой, ибо ежедневно питался тем, о чем спрашивал. Но

ничего потруднее он припомнить не смог — так озадачил его последний вопрос Бильбо. А бедный хоббит призадумался — ведь для него вода и все, что с ней связано, были не то чтобы тайной тайностью, но чем-то таким, с чем он мало был знаком. Вы, я полагаю, уже догадались — но вам-то легко соображать, ваши мысли не мутит страх очутиться в брюхе злобной твари с глазами-плошками. Бильбо кашлянул раз-другой, но и это не помогло.

Немного подождав, Голлум довольно зашипел:

— А он вкусссный, моя прелесссть? Точно, вкусссный и ссочный. И на зубках хрусстит…

— Погодите, — взмолился несчастный хоббит. — Так нечестно. Я вас вон сколько ждал!

— Пусссть поторопитсся, пусссть поторопитсся. — Голлум полез вон из лодки. Но едва его лапы окунулись в озеро, как из воды выпрыгнула рыбка и упала на ногу Бильбо.

— Ой! — вырвалось у хоббита. — Холодная какая! — И тут он понял. — Рыба, рыба! — крикнул он. — Это рыба!

Голлум разочарованно вздохнул, но времени на переживания у него не было — Бильбо загадал свою загадку:

Без ног лежит на одной ноге,

две ноги сидят рядом на трех,
а четыре ноги кое-что получили.

Хоббит второпях не сообразил, что загадка не слишком подходящая. В другой раз Голлум, возможно, и задумался бы. А так он легко догадался, что «без ног» — это рыба; дальше вообще было просто. Ответ гласил: «Рыба на маленьком столике, за столом сидит на табурете человек, а кошка рядом грызет косточки». Угадав, Голлум решил, видимо, что пришла пора загадать что-нибудь этакое и прошипел:

На свете есть, кто может съесть
Все, что на свете ни на есть,
Все, что живет и что цветет,
Сгрызет железо, сталь сжует,
Пожрет и короля, и двор,
И город, и вершины гор.

Бильбо погрузился в размышления, стал припоминать всех великанов и людоедов, о которых когда-либо слышал. Нет, ни в преданиях, ни в сказках ни о ком таком не упоминалось… Ответ был где-то поблизости, но никак не приходил. Хоббит очень испугался, а страх — плохой советчик. Голлум вновь выбрался из лодки и, шлепая

по воде, направился к берегу. Бильбо с ужасом смотрел на него. Язык словно присох к нёбу. Хоббиту хотелось крикнуть: «Не спеши! Дай мне время!», но все, что он сумел, — это прохрипеть:

— Время! Время!

Бильбо спасла простая удача. Время и было правильным ответом. Голлум рассердился настолько, что не стал возвращаться в лодку. Он уселся на берегу неподалеку от хоббита. Соседство было не из самых приятных, Бильбо бросило в дрожь.

— Пусссть он спросит нас, моя прелесссть, да, пусссть спросит. Посследний раз, да, да.

Пока рядом сидела эта жуткая тварь, которая мало того что приставала с вопросами, так еще пихалась и щипалась, в голову ничего не приходило и не могло прийти. Бильбо чесал в затылке, потирал подбородок, но все было бесполезно.

— Пусссть он спроссит насс, пусссть спроссит, — настаивал Голлум.

Бильбо одной рукой стиснул свой меч, а другую сунул в карман. И вдруг нащупал кольцо, которое нашел в пещере и о котором совсем забыл.

— Что это у меня в кармане? — подумал он вслух. Голлум решил, что это загадка, и ужасно возмутился.

— Нечессстно, нечессстно! — зашипел он. — Так нечессстно, моя прелесссть! Откуда нам знать, что там у него в карманах?

Однако Бильбо решил не отступать — все равно другой загадки у него не было.

— Так что у меня в кармане? — повторил он.

— Шшш, — отозвался Голлум. — Пусссть он даст нам три попытки, моя прелесссть, три попытки.

— Ладно, — согласился хоббит.

— У него там руки, — сказал Голлум.

— А вот и нет, — возразил Бильбо, который, на свое счастье, успел вынуть руку из кармана. — Давайте дальше.

— Шшш… — Голлум явно забеспокоился. Он стал припоминать все, что хранил в своих карманах, — рыбьи косточки, зубы гоблинов, ракушки, крыло летучей мыши, острый камень — точить клыки — и прочую дрянь. Потом попытался

вспомнить, что находил в карманах у других.

— Нож? — сказал он наконец.

— Неправильно, — ответил Бильбо. Вообще-то он всегда носил с собой ножик, но совсем недавно потерял его. — Последняя попытка.

Голлум словно лишился ума. Он шипел и плевался, раскачивался вперед-назад, стучал лапами по камням, вертелся, дергался, корчился, но никак не решался дать ответ.

— Ну? Я жду. — Бильбо постарался, чтобы его голос прозвучал строго и уверенно, хотя сам вовсе не был уверен в благополучном для себя исходе игры. — Время вышло.

— Веревка или вообще ничего! — взвизгнул Голлум. По правде сказать, это было нечестно — два ответа вместо одного.

— Ни то, ни другое! — с облегчением воскликнул Бильбо. И тут же вскочил, прижался спиной к стене пещеры и выставил перед собой меч. Хоббит знал, что игра в загадки существует с незапамятных времен, что ее правила соблюдают даже отъявленные злодеи. Но доверять этой кровожадной твари — нет уж, увольте. Как накинется со злости, с нее станется…

Но Голлум не спешил нападать. Быть может, его отпугивал меч в руке Бильбо. Он продолжал

сидеть, раскачиваясь и шипя себе что-то под нос.

— Так что? — не выдержал Бильбо. — Я победил, верно? («Ну и что из того, что последний вопрос был не по правилам?» — подумалось ему.) Вы обещали показать мне дорогу наружу.

— Разве мы обещали, моя прелесссть? Да, мы обещали отвесссти этого Торбинсса к воротам. Но пусссть он сначала скажет, что у него в кармане. Там ведь что-то есссть, правда? Голлум, голлум.

— Обойдетесь, — заявил Бильбо. — Сами обещали, никто вас за язык не тянул. Давайте ведите.

— Ссердитсся, он ссердитсся, моя прелесссть, — прошипел Голлум. — Какой нетерпеливый. Ему придетссся подождать. Нам надо взять одну штучку, без нее мы никуда.

— Валяйте, — сказал Бильбо, — только поторопитесь. — Он решил, что Голлум просто ищет отговорку, чтобы уйти и не вернуться. И в самом деле, какая еще «штучка» может быть у этого уродца?

Но хоббит ошибался. Голлум ничуть не собирался уйти насовсем. Он рассердился и проголодался, и у него возник коварный план.

Островок, о котором Бильбо ничего не знал, находился посреди озера. На этом островке, среди прочего барахла, Голлум хранил красивую, очень

красивую вещицу — золотое колечко.

— Наш подарочек на день рождения, — прошептал Голлум себе под нос. — Вот что нам нужно. Да, вот что нам нужно.

Это кольцо обладало чудесным свойством: наденешь его на палец — и становишься невидимым, и заметить тебя можно только при солнечном свете, да и то увидят всего лишь зыбкую тень.

— Наш подарочек на день рождения, — любил повторять Голлум. — Его нам подарили, моя прелесссть. — Но кто знает, как именно попало к нему это кольцо? Наверно, даже Властелин Колец — а когда-то таких колец было много и у них у всех был один хозяин — так вот, даже Властелин Колец, и тот не смог бы сказать. Голлум сначала носил его на пальце, потом в сумке на поясе, а когда сумка натерла ему кожу, стал хранить колечко под камнем на островке. Кольцо манило к себе, оно имело над Голлумом странную власть: ему постоянно хотелось любоваться тонким металлическим ободком, хотелось его надеть. Порой он не выдерживал и поддавался соблазну — после долгой разлуки или когда бывал очень голоден, а на рыбу уже смотреть не мог. Тогда он надевал кольцо и отправлялся бродить по подземным коридорам, выискивая одиноких

гоблинов. С кольцом он отваживался проникать даже в те пещеры, где горели ненавистные факелы, ибо чувствовал себя в безопасности. В полной безопасности. Никто не видел Голлума; словно ниоткуда возникали вдруг крепкие пальцы, хватавшие за горло очередную жертву. Лишь несколько часов назад Голлум поймал гоблиненка. Как же тот верещал! Пару косточек Голлум отложил — поглодать в свое удовольствие, но сейчас ему захотелось свежатинки.

— Вот именно, — бурчал он, направляясь к лодке. — Он нас не увидит, моя прелесссть, он нас не увидит. И меч ему не поможет, голлум!

Он забрался в лодку и исчез во мраке. Бильбо облегченно вздохнул: ну наконец-то! Теперь надо прикинуть, как все-таки отсюда выбраться…

И тут раздался пронзительный вопль. Бильбо даже подскочил от неожиданности. Голлум вопил, как будто его резали, выл и страшно ругался.

— Где оно? — услыхал Бильбо. — Ну где же оно? Пропало, моя прелесссть, пропало! Беда, ох беда! Пропало, моя прелесссть! — Хоббит не видел, как Голлум лихорадочно мечется по островку, обшаривая каждую его пядь.

— Что случилось? — крикнул Бильбо. — Что у вас пропало?

— Он еще спрашивает! — взъярился Голлум. — Ему-то какое дело, голлум? Исчезло, моя

прелесссть, исчезло, исчезло!

— Я тоже хочу исчезнуть, — заявил Бильбо. — Вы обещали меня вывести, если я выиграю. Так что давайте-ка возвращайтесь, потом найдете свою пропажу.

Голлум вопил столь жалобно, что его впору было пожалеть, но Бильбо жалости не испытывал; к тому же ему не терпелось выйти на свет.

— Возвращайтесь! Вы проиграли!

— Нет, моя прелесссть, не сейчассс! Надо его поисскать, оно потерялосссь, голлум!

— Вот, значит, чего стоят ваши обещания, — сказал Бильбо. — Вы же не отгадали мою последнюю загадку.

— Не отгадал, — согласился Голлум. — Не отгадал… — повторил он. И вдруг зашипел: — А что это у него в кармане?

Пусссть скажет. Нет, пусссть ссперва скажет.

Скрывать правду не было ни малейшего повода. Однако Бильбо тоже рассердился. В конце концов, он выиграл или нет? Конечно, выиграл, и совершенно честно, по всем правилам.

— Теперь-то вам какая разница?

— Это был нечесстный вопрос! — взвыл Голлум. — Нечесстная загадка, моя прелесссть!

— Как посмотреть, — отозвался Бильбо. — Меж-

ду прочим, я первый спросил: что вы потеряли?

— В кармане, в кармане, что у него в кармане? — снова зашипел Голлум. Шипение становилось все громче: Голлум уже нашел разгадку — ведь столько лет он лелеял свое кольцо. Подозрение быстро перерастало в уверенность. Голлумовы глаза-плошки светились ярче и ярче.

— Что вы потеряли? — стоял на своем Бильбо. — Скажите, и я вам отвечу.

Глаза Голлума стали зелеными. Два зеленых огонька быстро приближались — Голлум поспешно греб к берегу. Его обуяла такая злоба, что он и думать забыл о каком-то там мече.

Бильбо понятия не имел, чем он ухитрился разгневать Голлума. Зато вовремя сообразил, что еще немного — и Голлум его прикончит. Хоббит опрометью кинулся назад по проходу, которым спустился к озеру, выставив правую руку, чтобы не налететь в темноте на какое-нибудь препятствие.

— Что у него в кармане? — прошипел Голлум, с плеском выпрыгнув из лодки.

— А в самом деле, интересно, что? — спросил себя хоббит и сунул левую руку в карман. Кольцо само наделось ему на палец.

Шипение за спиной становилось все громче.

Обернувшись, Бильбо увидел невдалеке зеленые глаза Голлума. В ужасе он припустил быстрее прежнего, но споткнулся обо что-то и упал, придавив своим телом меч.

Голлум мгновенно очутился рядом. Но прежде чем Бильбо успел высвободить меч или просто вздохнуть, Голлум пронесся мимо, осыпая господина Торбинса отборными ругательствами.

Что все это значит? Ведь Голлум, с его-то глазищами, прекрасно видит в темноте — почему же он не заметил хоббита? Бильбо поднялся, скривившись от боли, вынул из ножен тускло мерцающий меч и крадучись двинулся дальше. Ничего другого все равно не оставалось. Не возвращаться же обратно к озеру! Может, Голлум, сам того не подозревая, укажет ему путь на волю?

— Чтоб ему пусссто было! — шипел Голлум. — Чтоб ему пусссто было, этому Торбинссу! Удрал, удрал. А что у него было в кармане? О, мы догадалисссь, моя прелесссть, мы догадалисссь! Он нашел его, да, он должен был его найти! Наш подарочек на день рождения!

Бильбо навострил уши. Наконец-то он начал что-то понимать. Хоббит прибавил шагу, стараясь не отставать от Голлума, который резво трусил по каменной норе. Стены слабо светились, и было

видно, как Голлум крутит головой.

— Наш подарочек на день рождения! Как же мы его потеряли, моя прелесссть? Да вот как потеряли! Когда тащили этого сосссунка, этого визгунишку! Вот как. Пропало, моя прелесссть, соскользнуло и пропало! Оно пропало, голлум!

Вдруг Голлум уселся и заплакал; в горле у него омерзительно свистело и булькало. Бильбо замер, прижавшись спиной к стене. Неожиданно Голлум перестал плакать и заговорил — точнее, заспорил — сам с собой:

— Вернутьсся? А зачем? Его там нет. Мы знаем, голлум. Исскать бессполезно. Оно в кармане у этого Торбинсса, этого гнуссного воришки! Он нашел его. Мы догадалиссь, моя прелесссть, догадалиссь. Но где он, Торбинсс? Нужно найти, моя прелесссть. Ведь он не знает, что это такое, и он не мог далеко уйти. Он заблудился, гадкий вор! Он говорил, что не знает дороги! Да, говорил. А если он нам врал? Он такой, Торбинсс. Ведь не сказал, что у него в кармане, хотя мы сспрашивали. Сюда вошел, значит, и отсюда выберется. Он идет к задней двери. Точно, к задней двери, голлум!

А там его схватят гоблины. Его поймают, моя прелесссть! Шшш!.. Если наш подарочек у него, моя прелесссть, он достанетсся гоблинам. Они

поймут, что это такое. Мы больше не будем в безопасссности, никогда не будем, голлум! Гоблин наденет наш подарочек и исчезнет… Никто не увидит гоблина. Даже наши глазки не увидят, а он будет шасстать по коридорам и поймает нас, да, голлум, голлум! Хватит болтать, моя прелесссть! Надо торопитьсся. Мы должны опередить Торбинсса. Пошли. Уже близко.

Голлум рывком поднялся и большими шагами двинулся по проходу. Бильбо устремился следом. Больше всего он боялся снова споткнуться и упасть. Голлум наверняка услышит и прибежит… Голова хоббита от изумления шла кругом. Выходит, колечко-то волшебное, и тот, кто его наденет, становится невидимым! Вот почему Голлум промчался мимо! В древних преданиях говорилось о таких кольцах, но одно дело предания и совсем другое — когда все происходит не с кем-нибудь, а с тобой.

Так они и шли: Голлум, бранясь, шлепал впереди, а Бильбо бесшумно, как истый хоббит, крался за ним по пятам. Вскоре очутились в том месте, где от основного хода отходили боковые. Голлум принялся их пересчитывать:

— Один сслева, да. Один ссправа. Два ссправа, да, да. Два сслева, голлум. — Так продолжалось

довольно долго. Голлум шагал медленнее. Он начал тихонько поскуливать от страха. Ведь в любой миг могли появиться гоблины, а он был без кольца!

Наконец перед небольшим отверстием по левую руку Голлум замер.

— Ссемь ссправа, шессть сслева, да, — прошипел он. — Вот он, вот путь к задней двери, моя прелесссть. Вот проход.

Он заглянул в отверстие и отпрянул.

— Нет, моя прелесссть, мы туда не полезем. Там гоблины. Мы знаем, что они там. Шшшш… Что же нам делать? Гнуссный, гнуссный Торбинсс! Подождем здессь, моя прелесссть, подождем и поссмотрим.

Бильбо впал в отчаяние. Голлум привел его к проходу, но толку от этого было чуть. Лиходей, скорчившись в три погибели, уселся перед проходом, глаза его холодно светились, голова поворачивалась из стороны в сторону.

Бильбо сделал шаг от стены. Голлум мгновенно насторожился, принюхался, его глаза замерцали зеленым. Он тихо и грозно зашипел. Хоббита он видеть не мог, но зрение ему и не требовалось: он полагался на обоняние и слух, обостренные долгим пребыванием во мраке.

Голлум, едва ли не распластавшись, припал к полу, напрягся, как тетива, морда вытянулась, нос почти вжался в камень. Этакая черная тень, лишь глаза светятся… Бильбо понял — сейчас бросится.

Хоббит затаил дыхание и замер в неподвижности. Как же быть? Надо бежать, покуда еще есть силы. Наверное, придется сражаться. Придется пронзить эту мерзкую тварь мечом, выколоть ей глаза, убить… Ведь Голлум хочет его съесть. Ну и что из того? Битва все равно не будет честной. Бильбо невидим, и потом — у Голлума нет меча. И вообще, Голлум такой несчастный, хоть и злобный, такой жалкий и одинокий! Бильбо внезапно понял, каково это — жить в беспросветном мраке, без надежды на лучшую долю. Кругом камень и тьма, промозглая сырость… Тут не только зашипишь, тут взвоешь. Это сочувствие было сродни озарению. Хоббит вздрогнул, а затем, словно сочувствие придало ему решимости и сил, прыгнул.

Для человека такой прыжок, конечно, не ахти какой, но ведь прыгал не человек, а хоббит, да еще прыгал во тьме. Взмыв вверх на добрых три фута, Бильбо пролетел над Голлумом, лишь чудом не врезавшись головой в низкий карниз

(если бы он это знал!).

Голлум перевернулся на спину и выставил вверх все четыре лапы. Но слишком поздно! Лапы схватили пустоту, а Бильбо, приземлившись на ноги за спиной Голлума, бросился бежать. Голлум пустился следом, но мало-помалу начал отставать. Донесся леденящий кровь вопль, полный ненависти и отчаяния. Голлума перехитрили. Он не смел преследовать хоббита, а потому упустил и добычу, которую уже считал своей, и ту единственную вещь, о которой по-настоящему заботился. От его вопля сердце Бильбо ушло в пятки, но хоббит не остановился и даже не обернулся. А в спину ему неслось:

— Вор, вор, вор! Гнусный Торбинсс! Ненавидим, ненавидим его! Только попадисссь нам, мерзкий похититель!

Вскоре крики смолкли. Тишина пугала — должно быть, гоблины где-то здесь, рядом, раз Голлум не полез в проход. «Они наверняка услышали его вопли, — подумалось Бильбо. — Гляди в оба, Торбинс, не то снова угодишь в беду».

Низкий, прорубленный в скале ход вел прямо. Пол был ровный, лишь иногда под ноги попадались зазубренные осколки. «Низковато для гоблинов», — подумалось хоббиту. Он не знал,

что гоблины, даже крупные горные орки, передвигаются по узким ходам на четвереньках — и очень-очень быстро.

Сперва проход вел вниз, потом выровнялся, стал полого подниматься и вдруг круто устремился вверх. Бильбо замедлил шаг. Поворот, короткий спуск — и впереди что-то блеснуло. Это был не костер, нет, это был самый настоящий

солнечный свет. Тогда хоббит побежал.

Его подгоняло нетерпение, ноги мелькали так, словно двигались сами по себе. Он обогнул выступ и выскочил на открытое пространство. После долгого пребывания во мраке свет показался ему ослепительно ярким. На деле же сквозь щель в дверном проеме — огромную каменную дверь оставили приоткрытой — проникал один-единственный солнечный лучик.

Бильбо заморгал — и тут увидел гоблинов. В полном вооружении, с обнаженными мечами, они сидели у самой двери, перекрывая все подступы. Это были часовые, и на посту они не дремали.

Стражники заметили хоббита первыми — то ли случайно, то ли намеренно, как бы испытывая своего нового владельца, кольцо соскользнуло с пальца Бильбо, — и гоблины, радостно возопив, кинулись к хоббиту.

Ужас — это был как бы отголосок страданий Голлума — охватил Бильбо. Даже не вспомнив о мече, он сунул сразу обе руки в оба кармана. Кольцо оказалось в левом. Оно само наделось на палец.

Пораженные гоблины замерли. Хоббит бесследно исчез, будто растворился в воздухе.

Оправившись от потрясения, они завопили вдвое громче прежнего, но уже не столь радостно.

— Где он? — кричал один.

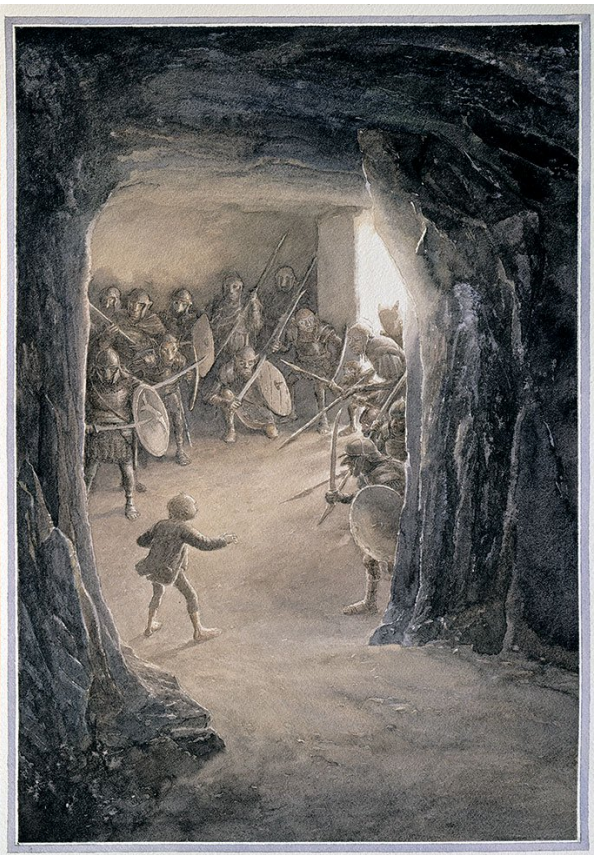
— Удрал обратно, — отвечал другой.

— Туда! — звал третий.

— Нет, сюда! — не соглашались остальные.

— Глаз с двери не спускать! — прорычал начальник караула.

Он свистнул; забряцали доспехи, зазвенели мечи, гоблины с бранью забегали по площадке перед дверью, натыкаясь друг на дружку и свирепея все больше. Словом, суматоха поднялась невообразимая, стоял ужасный гам.



Бильбо перепугался до смерти, но все же у него хватило ума спрятаться за большой бочкой с питьевой водой — из этой бочки часовые утоляли жажду. А не спохватись он и не затаись, его наверняка поймали бы, если бы прежде того не затоптали.

— Я должен добраться до двери, — твердил он себе, — я должен до нее добраться. — Собравшись с духом, хоббит выскочил из-за бочки. Все это сильно напоминало игру в жмурки. Бедному маленькому хоббиту приходилось уворачиваться то так, то этак. Один раз он все же не успел увильнуть, и его сбил с ног здоровенный гоблин, который, впрочем, не понял, обо что споткнулся. Бильбо на четвереньках проскользнул между широко расставленными ногами начальника караула и бросился к двери.

Ее уже почти совсем закрыли, осталась лишь узенькая щелка. Бильбо навалился на дверь всем телом, но та не поддавалась. Тогда хоббит попробовал протиснуться. Лез, лез — и застрял. Положение было хуже не придумаешь, его заклинило между дверью и косяком, продвинуться дальше не давали пуговицы.

Снаружи светило солнце, выглянувшее из-за облачка; от двери вела лесенка, сбегавшая в уз-

кий распадок меж высокими горами. Там было так хорошо и привольно — а он никак не мог протиснуться!

Вдруг кто-то из гоблинов закричал:

— Глядите! У двери тень! Наружу лезет!

Сердце Бильбо ушло в пятки. Он рванулся изо всех сил. Пуговицы разлетелись в разные стороны, жилет и рубаха порвались. Хоббит вывалился наружу и в мгновение ока слетел по ступеням, а озадаченным гоблинам осталось только собирать чудесные медные пуговки.

Конечно, они скоро опомнились и с воплями кинулись в погоню. Но солнце охладило их пыл: у них начали подгибаться колени, головы закружились. Поэтому они и не заметили Бильбо, который, по-прежнему не снимая кольца, перебегал от дерева к дереву, стараясь не попадать на свет. Потом гоблины, ворча и ругаясь, отправились восвояси несолоно хлебавши. Бильбо сбежал!

Глава VI
Из огня да в полымя

* * *

От гоблинов Бильбо сбежал, но чему тут особенно радоваться: ведь он остался в одиночестве, без плаща и без пони, без спутников и без еды. Хоббит шел наугад, куда глаза глядят, брел да брел по тропинке, пока солнце не стало опускаться за горы — да! да! за горы! — и на тропу не легли длинные тени. Впереди виднелись предгорья, по-

лого спадавшие к лесистой равнине, а страшные хребты, похоже, остались за спиной.

— Вот это да! — не веря своим глазам воскликнул Бильбо. — Выходит, я перевалил через горы? Здорово! Еще бы Гэндальфа с гномами отыскать, и было бы совсем прекрасно. Они-то, интересно, удрали от гоблинов или нет?

Хоббит выбрался из неглубокого распадка и двинулся дальше, размышляя, как ему быть. Его одолевали сомнения и мрачные мысли. Может быть, надо вернуться в это жуткое подземелье и поискать там остальных — ведь у него теперь есть чудесное кольцо? В конце концов Бильбо уговорил себя, что надо вернуться — разве можно бросать товарищей в беде? Собственная решимость сильно напугала хоббита… И тут он услышал голоса.

Бильбо замер. Нет, кажется, не гоблины. Он крадучись двинулся дальше. Слева от тропинки возвышалась скала, справа же был склон, у подножия которого среди деревьев и кустов укрывались овраги. Голоса доносились как раз оттуда.

Бильбо подобрался поближе и вдруг заметил меж двух валунов чью-то голову в алом капюшоне; то был Балин, которого отправили нести

дозор. Хоббит чуть было не пустился в пляс от радости. Однако осторожность взяла верх — мало ли на что можно наткнуться в здешних негостеприимных местах, где опасность подстерегает на каждом шагу? Вдобавок ему захотелось подшутить над гномами — кольцо по-прежнему было у него на пальце, и Балин, глядевший прямо на хоббита, явно его не видел.

«Ну, милые мои, сейчас я вас удивлю», — подумал господин Торбинс, ползком пробравшись под деревья.

Спутники хоббита между тем вспоминали ужасы подземелья и прикидывали, как быть дальше. Гэндальф спорил с гномами, твердил, что нельзя отсюда уходить без господина Торбинса. Нужно хотя бы узнать, жив он или нет, а если жив и попал в лапы гоблинов — то попытаться освободить.

— Он мой друг, — говорил маг, — надежный, верный друг. Я не могу бросить его на произвол судьбы и вам этого не позволю.

В ответ у мага поинтересовались, где он выкопал этого беспомощного толстяка, от которого одни неприятности. Неужели нельзя было найти кого-нибудь потолковее?

— С ним хлопот не оберешься, — проворчал

кто-то из гномов. — Лично я не собираюсь возвращаться в подземелье из-за какого-то хоббита. По мне, так пропади он пропадом!

— Он мой друг, — сурово повторил Гэндальф, — а бестолковых друзей у меня не бывает. В общем, или вы поможете мне найти его, или мы с вами расстанемся, прямо здесь. Но имейте в виду — если он жив и мы найдем его, вы потом долго будете меня благодарить. Дори, почему ты бросил хоббита?

— А ты бы не бросил? — огрызнулся Дори. — Тебя-то небось за ноги не хватали, в спину не пихали! Тут уж не до хоббита…

— Ладно, ладно. А почему ты за ним не вернулся?

— Нет, вы только послушайте! Темнота хоть глаз выколи, гоблины со всех сторон, вопят, кусаются, только успевай уворачиваться. Вы с Торином размахиваете мечами. Ты же мне чуть голову не снес своим Гламдрингом! А потом что-то вспыхнуло, гоблины разбежались, и тут ты как закричишь: «Все за мной!» Ну, мы и ринулись. Я думал, этот твой хоббит тоже, за нами. Сам знаешь, пересчитывать да оглядываться было некогда. Нет уж, Гэндальф, навязал ты нам подарочек, нечего сказать! Где его теперь искать,

твоего добытчика?

— А я — вот он! — воскликнул Бильбо, снимая кольцо. От неожиданности гномы подскочили (вы бы только видели!), а затем разразились восторженными криками. Гэндальф изумился не меньше гномов, а обрадовался, пожалуй, даже сильнее их. Но вместо того, чтобы ликовать вместе со всеми, маг подозвал к себе Балина и высказал тому все, что думал по поводу дозорного, который уснул на посту.

После этого случая гномы и вправду зауважали Бильбо. До тех пор они, несмотря на доводы Гэндальфа, сомневались в достоинствах хоббита, но отныне сомнениям был положен конец. Гномы не скрывали своего изумления — дольше всех удивлялся дозорный Балин — и в один голос славили ловкость Бильбо.

Господин Торбинс едва не лопнул от гордости. О кольце он, естественно, не упомянул — иначе ведь выходило, что ему просто повезло. Объясняя, как он сумел пробраться мимо дозорного, Бильбо скромно заявил:

— Мы, хоббиты, таковские: прошмыгнем — и не заметишь.

— В первый раз со мной такое, — сокрушался Балин. — А я-то всегда считал, что мимо меня и

мышка не проскочит. Да, хороший урок ты мне преподал. — Он склонил голову. — Твой покорный слуга.

— Не переживай, — утешил его хоббит. — Со всяким может случиться.

Его начали выспрашивать, что да как. Он уселся и приступил к рассказу — с того мгновения, как потерялся. Правда, о кольце не обмолвился ни словом. Хоббита слушали, затаив дыхание; когда он стал описывать Голлума, гномы дружно вздрогнули от отвращения.

— Ну вот, я ничего не мог придумать, а он сидел рядом и противно шипел. И тут я говорю: «Что у меня в кармане?» Он не смог отгадать с трех раз, и я попросил его вывести меня наружу, как было уговорено. Но у этой мерзкой твари на уме было другое. Я побежал от него, упал, а он проскочил мимо и помчался дальше. Я слышал, как он разговаривает сам с собой. Он почему-то считал, будто я знаю, где выход. В общем, вывел он меня к проходу и сел перед ним, перегородив дорогу. Пришлось перепрыгнуть…

— А у ворот стражи не было? — спросили гномы.

— Как так «не было»? Да там их ужас сколько, этих гоблинов! Но я сумел изловчиться и

протиснулся наружу. Вот только пуговицы растерял. — Бильбо со вздохом поглядел на свою куртку.

Он рассказывал о своих подвигах — о состязании с Голлумом, об обманутых стражах, о том, как прорывался наружу — с таким видом, словно это было сущей ерундой.

Гномы слушали его раскрыв рты.

— Что я вам говорил? — рассмеялся Гэндальф. — Господин Торбинс вовсе не прост. — Он искоса поглядел на хоббита из-под кустистых бровей. Под проницательным взглядом мага Бильбо стало неуютно. Похоже, Гэндальф догадывался, что господин Торбинс кое о чем предпочел умолчать.

Ответив на все вопросы, хоббит стал расспрашивать сам. Особенно ему хотелось знать, откуда в пещере взялся Гэндальф и где они теперь находятся.

Маг уже успел поведать обо всем гномам и повторять не собирался, но все же он утолил любопытство Бильбо. Оказывается, они с Элрондом знали, что в Мглистых горах обитают злые гоблины. Поэтому с самого начала было решено, что идти надо окольной тропой — поблизости от другой, более широкой и прямой, находился

главный вход в пещеры гоблинов, и эти лиходеи частенько устраивали там засады. Но даже Элронду не было известно, что гоблины устроили ловушку и на второй тропе.

— Надо позвать какого-нибудь великана, чтобы завалил эти ворота, — сказал Гэндальф. — А то скоро через горы вообще не перейдешь.

Едва Бильбо завопил, маг сразу понял, что произошло. Сразив молнией кинувшихся на него гоблинов, он сквозь почти уже сомкнувшуюся трещину проскользнул в подземелье и, никем не замеченный, добрался до тронного зала. Пока Верховный Гоблин допрашивал пленных, Гэндальф готовил заклинание.

— Не все так просто, — пояснил маг. — Главное — точный расчет.

Заклинание удалось на славу — и в том нет ничего удивительного. Как тут не вспомнить чудесные фейерверки, которые Гэндальф устраивал для Старого Тука! Остальное вам уже известно. Попутно выяснилось, что маг давно знал о задней двери (тех самых нижних воротах, где Бильбо лишился пуговиц на куртке). Вообще-то о них знали все, мало-мальски знакомые с этой частью Мглистых гор; но чтобы не потерять в суматохе голову и без промедления избрать верный путь,

нужно быть чародеем.

— Ворота были построены много лет назад, — сказал Гэндальф. — Их строили как путь для отступления, они выводят в Загорье. Гоблины частенько шастают по ночам туда-сюда и неусыпно стерегут ворота. Теперь они наверняка удвоят стражу. — Маг рассмеялся. — А все-таки ловко мы выкрутились.

Гномы дружно закивали. Да, им и вправду повезло. Убили Верховного Гоблина и удрали безнаказанными — синяки и шишки не в счет. Можно и посмеяться.

Впрочем, Гэндальф быстро стал серьезным:

— Передохнули? Пора и в путь. Уже вечер, а ночью за нами отрядят погоню. У них острый нюх, они учуют наш след. До темноты нужно уйти как можно дальше. Одно радует — если погода не испортится, ночь будет лунной. Не то чтобы луна помешает нашим врагам, зато мы сможем хоть что-нибудь разглядеть. — Маг посмотрел на хоббита и прочел в глазах Бильбо незаданный вопрос. — Ты прав, мой милый. Сегодня четверг, а напали на нас в ночь с понедельника на вторник. Мы преодолели под землей десятки миль, пробрались сквозь горы и очутились по другую их сторону. Только вот — получилось так, что

забрали мы слишком далеко к северу; дорога поверху вывела бы к другим, менее опасным местам. Вдобавок нам предстоит долгий спуск, поэтому не будем терять времени. Пошли!

— Есть хочу, — простонал Бильбо. Он вдруг понял, что не ел с позапрошлого вечера. Только представьте, каково это хоббиту! В животе пусто, ноги заплетаются…

— Увы! — откликнулся Гэндальф. — Придется потерпеть. А ежели очень хочешь — вернись и попроси гоблинов. Может, они тебя накормят.

— Благодарю покорно, — мрачно произнес Бильбо. — Я уж потерплю.

— Вот и хорошо. Ну что, затянем пояса да в путь — иначе завтракать будут нами. По мне, так лучше быть голодным, чем оказаться в брюхе у гоблина.

Тронулись в путь. Бильбо крутил головой, высматривая, чем бы заморить червячка. Но ничего съедобного не попадалось — ежевика только зацветала, орехов не было и в помине. Хоббит пожевал щавеля, попил из горного ручейка, на берегу которого нашел три ягодки полуники. После всего этого есть захотелось еще сильнее.

Выбравшись из распадка, в котором росли деревья, попадались пятна изглоданной кроликами

травы, цвели тимьян и шалфей, майоран и желтые рододендроны, они очутились на каменистой осыпи. Едва начали спускаться, как из-под ног покатились маленькие камешки, затем пришли в движение камни покрупнее и наконец, поднимая клубы пыли, вниз с грохотом устремились громадные валуны. Устоять было невозможно, путники покатились под гору, а мимо то и дело проносились чудовищной величины каменья.

Выручили деревья. У подножия склона раскинулся бор, стоявший этаким стражем темных лесов, покрывавших равнину за горами. Кто зацепился за ствол, кто повис на ветвях, а кто, как маленький хоббит, попросту спрятался за деревом. Вскоре опасность миновала, камнепад прекратился, грохот стих, лишь погромыхивали в отдалении последние из скатившихся валунов, прокладывая себе дорогу сквозь заросли папоротника.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Гэндальф. Гномы мрачно глядели на мага, потирая ушибленные места. — Надеюсь, гоблины одними синяками тут не отделаются.

— Да уж, — проворчал Бомбур. — Зато с них станется скатить оставшиеся камни нам на головы.

— Вздор! Мы не собираемся сидеть здесь до

утра. Нужно торопиться. Смотрите!

Солнце давно скрылось за хребтом. Тени стали гуще, зато внизу, в долине, смутно различимые среди деревьев, приветливо теплились огоньки. Путники постарались прибавить шагу. Через бор вела тропа, полого и неуклонно спускавшаяся к югу. Порой приходилось продираться сквозь заросли, в которых хоббит утопал с головой. Мрак густел, тишина пугала; не было слышно даже шарканья ног: путники шли по ковру из сосновых иголок. Вечер выдался настолько безветренным, что лес недвижно застыл — не шелохнулась ни одна ветка.

* * *

— Нам еще далеко? — спросил Бильбо. Стало темно — он лишь изредка различал мелькавшую впереди белую бороду Торина — и так тихо, что дыхание гномов казалось раскатами грома. — Руки в синяках, ноги болят, и есть очень хочется.

— Почти пришли, — отозвался Гэндальф.

Мнилось, что идут уже целую вечность. И тут тропинка вывела на окруженную деревьями поляну, над которой стояла луна. В поляне этой вроде не было ничего страшного, но гномам и хоббиту почему-то стало не по себе.

Внезапно из-за холма донесся вой, долгий и прерывистый. В ответ прозвучал другой, справа, гораздо ближе к путникам; слева тоже кто-то завыл. Это были волки — волки, сбивавшиеся в стаю.

Поблизости от норы, в которой жил господин Торбинс, никаких волков не водилось, однако как воют волки, он знал — по сказкам и преданиям. И двоюродный брат Бильбо, из семейства Туков (в свое время он много путешествовал), часто выл по-волчьи, чтобы попугать господина Торбинса. Но тогда все было понарошку, а теперь опасность была самая что ни на есть настоящая, и Бильбо перепугался до смерти. Полез было за кольцом, но тут же сообразил, что кольцо не спасет даже от обыкновенных волков — а уж тем более от здешних, живущих на границе Глухоманья, бок о бок с мерзкими гоблинами. Ведь нюх у волков настолько острый, что им вовсе не обязательно видеть жертву, чтобы схватить ее.

— Что нам делать, что нам делать? — запричитал Бильбо. — Это же надо, сбежать от гоблинов, да волку в пасть! — Эти его слова со временем стали поговоркой; правда, сегодня о том, кто избежал одной неприятности, но угодил в другую, мы говорим: «Попал из огня в полымя».

— Наверх, быстро! — крикнул Гэндальф. Все бросились к деревьям, высматривая, на какое легче забраться. На их счастье, подходящих деревьев оказалось несколько. Путники постарались залезть повыше, чтобы чувствовать себя в безопасности. Вас наверняка позабавил бы (разумеется, с безопасного расстояния) вид рассевшихся по веткам бородатых гномов: они походили на впавших в детство старичков. Фили и Кили оседлали макушку высокой, похожей на рождественскую елку лиственницы. Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин устроились поудобнее — на большой сосне, ветви которой торчали во все стороны на равном расстоянии друг от друга, точно спицы в колесе. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин расселись на соседнем дереве. Балин и Двалин вскарабкались на высокую тонкую пихту с редкими ветвями и пытались разместиться поближе к макушке. Гэндальф влез на стоявшую на краю поляны сосну, столь высокую, что гномам на нее было не взобраться. Он спрятался среди ветвей; его глаза, когда он высовывал голову, мерцали в лунном свете.

А что же Бильбо? Хоббит носился от дерева к дереву, точно кролик, за которым гонятся собаки. Он так и не сумел найти ветки, до которой

смог бы дотянуться.

— Снова ты бросил добытчика, — сказал Нори, поглядев вниз.

— Потаскал бы его с мое, не говорил бы! — огрызнулся Дори. — Под землей — я, в лесу — я… Сколько можно? Я что, в носильщики нанимался?

— Если мы ничего не сделаем, его съедят, — вмешался Торин. Волчий вой становился все громче. — Дори! Помоги господину Торбинсу подняться. Давай пошевеливайся!

Дори, конечно, любил поворчать, однако и без приказа ни за что не бросил бы товарища в беде. Он спустился до нижней ветки и протянул Бильбо руку. Но бедный хоббит, как ни старался, не мог дотянуться до пальцев Дори. Тогда гном спрыгнул наземь и велел Бильбо забраться ему на плечи.

В этот миг на поляну ворвались волки. Их было великое множество, и все — с горящими глазами. Дори не бросил Бильбо. Гном подождал, пока хоббит переберется с его плеч на ветку, а потом подпрыгнул и повис на ней сам. Успели как нельзя вовремя. Один из волков прыгнул, клацнул зубами и сорвал с Дори плащ. Вскоре под деревом собралась целая стая — сидели, оскалив зубы и

свесив набок языки.

Но даже дикие варги (так именуют злобных волков, обитающих на границе Глухоманья) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путники оказались в безопасности. К счастью, ночь выдалась теплой и безветренной. Ведь на дереве и так-то не очень удобно сидеть, а уж если холодно, дует ветер, а внизу поджидают свирепые волки, — и того хуже.

Поляна, очевидно, была излюбленным местом волков. Они сбегались со всех сторон. Оставив охрану у дерева, на которое взобрались Бильбо и Дори, волки принялись обнюхивать землю и вскоре отыскали остальные деревья с гномами. Под ними тоже оставили сторожей, а все прочие — несметное число — уселись на поляне в круг, посреди которого встал громадный серый волчина. Он заговорил со своими собратьями на ужасном наречии варгов. Этот язык знал только Гэндальф, но даже Бильбо догадался, что волки говорят о чем-то не слишком приятном для путников. То и дело варги хором отвечали своему вожаку, и от их жуткого воя хоббит всякий раз чуть не падал на землю.

Я расскажу вам, о чем говорили волки и что услышал Гэндальф. Варги и гоблины нередко по-

могают друг другу. Гоблины стараются держаться поближе к горам (разве что их выгоняют, и тогда они отправляются искать себе новое пристанище или идут на войну, однако войн — благодать-то какая! — не было уже давно). Но порой гоблины срываются в набеги — если нужно пополнить запасы провизии или найти новых рабов. Тогда они зовут на помощь варгов и отдают тем часть добычи. Бывает, что гоблины ездят на волках, как гномы — на пони. И в эту ночь был назначен очередной набег. Встретиться договорились на поляне в бору, но гоблины запаздывали. Варги и не подозревали, что Верховный Гоблин мертв, а остальные никак не опомнятся после переполоха, устроенного в подземелье Гэндальфом, Бильбо и гномами.

Здешние края имели дурную славу, но это не отпугнуло смельчаков, которые пришли с юга. Они построили себе дома на равнине, недалеко от реки. Их было много, храбрых и хорошо вооруженных, и даже варги не осмеливались нападать на них при свете дня. Но теперь волки собирались вместе с гоблинами устроить набег на ближайшие к горам поселения. Если все пройдет без сучка без задоринки, наутро те поселения опустеют: рабов гоблины уведут в свои пещеры,

а прочими полакомятся волки.

Вот о чем говорил вожак, которому стая отвечала дружным воем. Гэндальф прекрасно понимал, что опасность угрожает не только храбрым дровосекам, но и ему самому и его спутникам. Незваные гости, которых серые разбойники приняли за лазутчиков, страшно разозлили волков, и было ясно, что варги никому не дадут уйти отсюда живым — иначе весть о набеге достигнет людских поселений, и захватить тамошних жителей врасплох уже не получится. Волки твердо решили не уходить с поляны — во всяком случае, пока не наступит утро или пока не подойдут гоблины. Уж гоблины-то наверняка умеют лазать по деревьям.

Неудивительно, что Гэндальф немножко испугался. Нечего сказать, хорошенькое убежище они себе нашли. Но настоящий маг никогда не теряет присутствия духа, даже когда сидит на дереве, под которым рыскают лютые звери. Гэндальф сорвал несколько шишек и швырнул в волков первую, вспыхнувшую в его руке ярким голубым пламенем. Шишка угодила в спину большому варгу. Шкура загорелась, волк с воем заметался по поляне. За первой шишкой последовала вторая, третья… Поляна осветилась разноцветными огнями — голубыми, зелеными, красными.

Шишки дымились, выбрасывали языки пламени, рассыпали вокруг себя искры. Одна, самая крупная, стукнула по носу вожака; тот подскочил как ужаленный и принялся носиться кругами, походя кусая всех, кто имел неосторожность ему подвернуться.

Гномы и Бильбо веселились от души. Страшные варги казались теперь вовсе не такими страшными.

Надо сказать, что волки вообще боятся огня, любого огня, а этот огонь к тому же был особенный, колдовской. Достаточно было крохотной искорки, чтобы вспыхнула волчья шкура. Варги метались среди деревьев живыми факелами,

катались по земле, сбивая пламя, но лишь некоторые из них решили спастись бегством. Осада продолжалась.

* * *

— Что там за шум в лесу? — спросил Повелитель орлов, восседавший черной тенью на макушке одинокой горы у восточного края хребта. — Я слышу волчий вой. Должно быть, подлые гоблины снова что-то затевают.

Он взмыл в небо, и вдогонку ему устремились два других орла. Они парили высоко над землей, разглядывая лесную поляну — крошечное пятнышко света во мраке ночи. У орлов зоркие глаза, способные разглядеть в лунную ночь даже кролика, высунувшегося из норки. Гномов, скрытых за ветвями деревьев, Повелитель орлов не заметил, однако увидел он и волков, сошедших как будто с ума, увидел и гоблинов, выходящих стройными рядами из нижних ворот. Шлемы и копья гоблинов поблескивали в свете луны.

Орлы бывают разные. Встречаются среди них и трусливые, и жестокие. Но древнее племя северных гор — величайшее среди всех птичьих племен; это сильные, гордые, благородные птицы. Они ненавидят гоблинов, и когда обращают

на тех внимание (что случается не так уж часто — ведь орлы не питаются гоблинами), то загоняют обратно в пещеры, разрушая все их злые умыслы. Гоблины тоже ненавидят орлов, но не могут добраться до орлиных гнезд, расположенных высоко-высоко в горах.

Повелителю орлов очень хотелось знать, что происходит там, внизу, из-за чего такой шум и куда движется войско гоблинов. Он призвал своих подданных, и орлы полетели к лесу, снижаясь плавными кругами, незримо и неотвратимо приближаясь к поляне, на которой бесновались варги.

А там творилось нечто неописуемое. Лес загорелся сразу в нескольких местах. Лето было в разгаре, дождей не выпадало давным-давно, и поэтому хватило одной искры, чтобы занялось пламя. Горело все — пожухлая трава, громадные кучи сосновой хвои, сухие ветки, мертвые деревья. Поляну окружила огненная стена. Но волки отказывались уходить. Обезумевшие от ярости, они скакали под деревьями, проклиная гномов на своем мерзком языке; из оскаленных пастей капала слюна, налитые кровью глаза сверкали ярче пламени.

И тут с воплями примчались гоблины. Они-то

думали, что волки сцепились с дровосеками. Но когда — очень быстро — разобрались, в чем дело, то просто покатились со смеху и принялись стучать древками копий о щиты. Гоблинов огонь не пугает, совсем наоборот. Посовещавшись, они решили сполна посчитаться с гномами за свое недавнее унижение.

Одни отогнали в сторону волков. Другие принялись затаптывать и гасить пламя, гасить и затаптывать — везде, но только не под деревьями, на которых сидели гномы. Наоборот, они приносили на поляну хворост и подбрасывали его в огонь, заодно с сухим мхом и сосновыми иглами. Вскоре гномы очутились в огненном кольце. Спасения не было. Мало-помалу кольцо вокруг деревьев сжималось, дым разъедал глаза, становилось все жарче. Между тем гоблины скакали по поляне — похоже, плясали от радости, водили хороводы, как люди в праздник летнего солнцеворота. За пределами огненного кольца выстроились воины с копьями и секирами; чуть поодаль, внимательно наблюдая, стояли волки.

Гоблины загорланили песню:

На пяти деревьях пятнадцать птах!

Вишь, пятнадцать птичек на пяти ко-

страх,

А у них, у пташек, крылышков-то нет!

Знатная цыплятина будет на обед:

Заживо поджарим, а потом – в котел!

Подадим горяченьких птенчиков на стол!

А потом завопили:

— Летите, птички! Летите, если можете! А лучше спускайтесь, покуда не поджарились заживо! Эй, вы, там!

— Прочь отсюда, несмышленыши! — крикнул в ответ Гэндальф. — Кто вам позволил баловаться с огнем? Доиграетесь, деточки, — всыплют вам по первое число!

Он нарочно дразнил гоблинов, чтобы показать, что не боится (хотя на самом деле он очень испугался; да и кто не струсил бы на его месте?). Гоблины, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, снова запели:

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Гори, гори пуще, чтобы стало в пуще

Светло, как днем! Тепло с огнем!

Йо-хо-хо!

Будем вялить их, будем жарить их,

Подпалим волосики, подрумяним носики!

Лопни их глазок, потеки жирок,

Шкурка смуглится, кости углятся!

Жарки угольки! Небеса высоки!

Тут гномам конец –

Пляши, гоблин-молодец!

Йо-хо-хо!

Гип-гип-ура!

Йо-хо-хо!

С последними словами припева пламя подобралось к дереву, на котором сидел Гэндальф. Вскоре запылали и другие. Огонь лизал кору, нижние ветки негромко потрескивали. Маг взобрался повыше, с конца его посоха сорвался сноп искр. По всей видимости, он решил прыгнуть на гоблинов, погибнуть — все равно погибать — и погубить как можно больше врагов. Но прыжок не состоялся.

В тот самый миг, когда Гэндальф приготовился, Повелитель орлов схватил мага и взмыл вместе с ним в небо.

* * *

Гоблины завопили вне себя от ярости. Гэндальф сказал что-то своему спасителю, и тот громко кликнул. Тут же над поляной появились другие орлы, громадные черные тени. Волки скулили и щелкали зубами, гоблины выли, впустую тыкая копьями в воздух. Пока орлиное войско сражалось с варгами и гоблинами, несколько птиц сняли с деревьев едва живых гномов.

Беднягу Бильбо снова чуть не оставили. В последний миг он еле успел ухватиться за ноги Дори. Птицы поднялись над деревьями. Хоббит висел, мертвой хваткой вцепившись в Дори.

Скоро лес уже было не различить, лишь тускло светились внизу крохотные алые пятнышки. Орлы поднимались широкими кругами все выше и выше.

— Ох! Мои руки! — стонал Бильбо. До конца дней не забудет он этот полет. — Мои бедные руки!

— Ох! Мои ноги! — причитал в ответ Дори. — Мои бедные ноги!

От высоты у Бильбо всегда кружилась голова. Стоило только поглядеть вниз с небольшого

пригорка, и… Он терпеть не мог лестниц и никогда не лазал по деревьям (спасаться от волков ему тоже прежде не доводилось). Можете себе представить, что с ним стало, когда он посмотрел вниз и увидел свои болтающиеся в пустоте ноги, а под ними — скалы, овраги и речушки в свете луны. Горные пики неумолимо приближались, из тьмы выступали отвесные утесы. Несмотря на то что лето было в разгаре, Бильбо замерз до полусмерти. Хоббит зажмурился. Долго ли еще он продержится? А если не выдержит и разожмет руки? От этой мысли ему стало тошно.

Полет закончился как нельзя более вовремя, в тот миг, когда руки перестали слушаться Бильбо. Он со вздохом разжал пальцы и — рухнул на жесткое дно орлиного гнезда. Хоббит долго лежал, не в силах подняться. Мысли путались; он испытывал одновременно облегчение — все-таки они сбежали от гоблинов! — и страх — как бы не свалиться в пропасть… Три голодных дня не прошли для него даром; он не сразу понял, что размышляет вслух:

— Теперь-то я знаю, что чувствует кусок грудинки, когда его вдруг снимают со сковороды и кидают обратно в кладовку.

— Чепуха! — отозвался Дори. — Грудинку рано

или поздно снова положат на сковородку, так что нам повезло больше. И потом, орлиные когти — это тебе не вилка с ножом.

— Нет, совсем не белка, — согласился Бильбо. — То есть не вилка. — Хоббит с опаской поглядел на сидящего рядом орла: мало ли что он успел наговорить — вдруг орел обидится? Коли уж попал в орлиное гнездо, хозяину лучше не грубить.

Впрочем, орел не обращал на Бильбо ни малейшего внимания. Он чистил свои перья.

Вскоре прилетела другая птица.

— Повелитель приказал доставить пленников на Главный Уступ! — прокричал вестник.

Орел схватил Дори и исчез в ночи, оставив Бильбо в полном одиночестве. Хоббиту очень не понравилось, что их с гномом обозвали «пленниками». Может, на этом самом Главном Уступе у орлов столовая? Додумать он не успел — настала его очередь.

Орел ухватил хоббита за плащ и взвился в воздух. На сей раз полет был совсем недолгим. Дрожащего от страха Бильбо швырнули на широкий каменный выступ, на который можно было попасть лишь на крыльях; покинуть этот выступ можно было тоже только на крыльях — или спрыгнуть в пропасть. Оглядевшись, хоббит

увидел гномов и Гэндальфа, который беседовал о чем-то с Повелителем орлов.

Похоже, закусывать маленьким хоббитом никто не собирался. Судя по всему, Гэндальф уже успел подружиться с Повелителем орлов. Бильбо, конечно, не мог знать, что маг, не раз бывавший в Мглистых горах, однажды оказал орлам услугу, залечив их вожаку колотую рану. Под пленниками орлы разумели «пленники гоблинов», а вовсе не то, о чем подумалось Бильбо. Прислушиваясь к разговору Гэндальфа с вожаком орлиной стаи, хоббит в конце концов поверил, что они и вправду сбежали от кровожадных тварей. Маг уговаривал орла перенести путников за Великую Реку.

Повелитель орлов заявил, что туда, где живут люди, он не полетит.

— Они начнут стрелять из своих огромных луков; решат, что мы прилетели воровать овец. В другое время оно бы так, конечно, и было, но ведь люди не станут разбираться, зачем мы пожаловали. Извини, чародей, мы с радостью помогли тебе и будем помогать впредь, но южные равнины не для орлов.

— Да нам все равно! — вскричал Гэндальф. — Отнеси нас куда угодно, лишь бы подальше

отсюда. Мы не вправе на чем-либо настаивать… Если уж на то пошло, я, признаться, умираю с голоду.

— А я таки почти умер, — пискнул Бильбо. Но его никто не услышал.

— Это дело поправимое, — отозвался Повелитель орлов.

Чуть позже на каменном выступе можно было увидеть яркий костер, на котором гномы готовили жаркое с изумительным ароматом. Орлы принесли сначала сухих ветвей — для костра, а затем кроликов, зайцев и маленького барашка. Бильбо лежал и грелся у огня — он слишком ослабел, чтобы помогать гномам; к тому же он не умел толком ни свежевать кроликов, ни рубить мясо, потому что всегда покупал в мясной лавке у себя на Круче такие куски, которые нужно лишь положить на сковородку. Гэндальф тоже прилег отдохнуть — после того как помог развести костер, так как Оин с Глоином потеряли свои огнива (гномы до сих пор не пользуются спичками).

Так завершились приключения в Мглистых горах. Вообще-то Бильбо предпочел бы шмату мяса, поджаренному на палке, бутерброд с маслом, но отказаться от ужина — нет, это было выше его сил. Наевшись до отвала, он свернулся

калачиком и задремал. Спал хоббит в эту ночь куда крепче, нежели обычно на своей перине. Ему снился его дом, по которому он бродил из комнаты в комнату, что-то разыскивая, и никак не мог вспомнить, куда он это «что-то» положил.

Глава VII
В гостях у Беорна

* * *

Разбудил Бильбо солнечный свет. Бодро вско-

чив, он хотел было по привычке поглядеть на часы и поставить на огонь кофейник — и тут вспомнил, что дом далеко-далеко. Зубы почистить не удалось — нечем было; на завтрак он получил всего-навсего два куска — холодную баранину и не менее холодную крольчатину, — ни тебе бекона, ни чая с печеньем. Перекусив, хоббит стал собираться в дорогу.

На сей раз ему позволили взобраться орлу на спину. Орел раскинул громадные крылья и сорвался с утеса. В ушах засвистел ветер, и перепуганный хоббит крепко зажмурился. Следом за Бильбо полетели и гномы, тепло попрощавшиеся с Повелителем орлов: они благодарили его за помощь и обещали как-нибудь вернуть должок. Утро выдалось холодным, в низинах стоял туман, горные пики прятались в дымке. Солнце едва поднялось. Приоткрыв один глаз, Бильбо увидел, что птицы парят высоко в небе, земли внизу не различить, а горы постепенно отдаляются. Он вновь зажмурился и крепче вцепился в орлиную холку.

— Эй, полегче! — воскликнул орел. — И перестань дрожать. Или ты и впрямь в родстве с кроликами? Утро замечательное, ветра почти нет. Что может быть прекраснее полета?

«Горячая ванна и завтрак на лужайке», — хотел ответить хоббит, но смолчал. Правда, хватку он немного ослабил.

Летели долго. Но вот орлы, должно быть, увидели то, что искали — с такой-то высоты! — и стали медленно, кругами, снижаться. Тут Бильбо снова рискнул открыть глаза. Земля приближалась, внизу виднелись деревья — как будто дубы и вязы, по травянистой равнине текла река. Посреди реки возвышался последним оплотом оставшихся далеко позади кряжей громадный утес, самая настоящая гора; казалось, ее швырнул в воду какой-нибудь силач-великан.

Орлы один за другим опустились на утес и ссадили путников наземь.

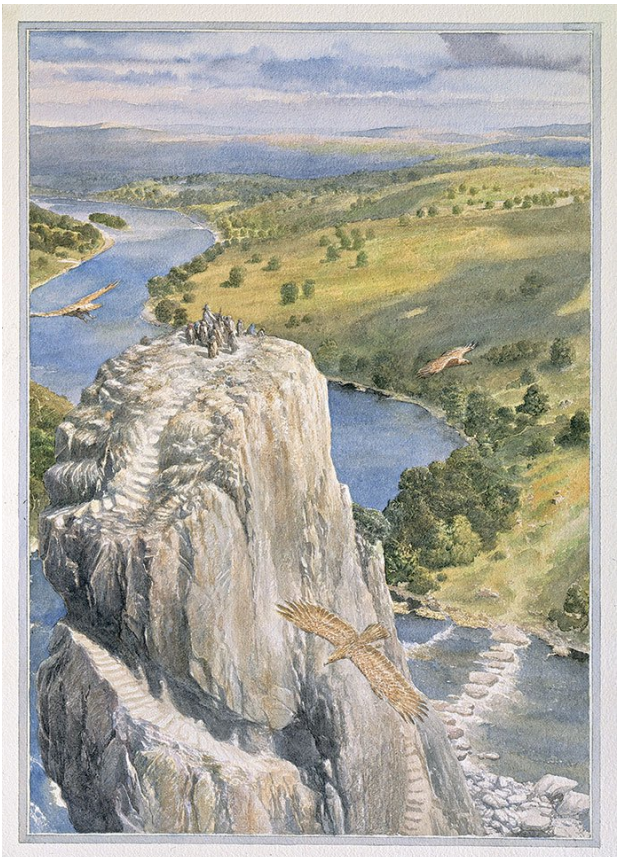
— Удачи! — пожелали они хором. — Удачи во всех ваших делах! Пусть ваши гнезда вас дождутся! — Так у них принято было прощаться.

— Да несет вас ветер в те края, куда держат путь луна и солнце! — ответил за себя и своих спутников Гэндальф (он единственный знал правильные слова).

На том и расстались. Впоследствии Повелитель орлов стал Королем птиц и принял золотой венец, а пятнадцать его подданных получили золотые цепи (золото им преподнесли в дар гномы), но

Бильбо никогда с ними больше не встречался, да и видел потом всего лишь раз — высоко в небе, над полем Битвы Пяти Воинств. Но не будем забегать вперед, в свое время вы все узнаете.

Вершина была плоская, как стол, от нее к подножию скалы вела истертая множеством ног лесенка, спускавшаяся к броду из громадных валунов. У подножия утеса, поблизости от первого валуна, нашлась уютная пещерка, пол которой был усыпан галькой. В этой пещерке путники расселись и принялись обсуждать, что делать дальше.



— Как и намеревался, я помог вам перебраться через горы, — сказал Гэндальф. — Теперь вы в безопасности — слава удаче, мудрым наставлениям Элронда и другим нашим друзьям! Однако мы сильно уклонились на восток — гораздо сильнее, чем я предполагал. Придется мне поспешить… Да, да, я ухожу. Это ведь не мое приключение. Быть может, я к вам еще присоединюсь, но сейчас меня зовут другие дела.

Гномы донельзя огорчились и приуныли, а Бильбо даже заплакал. Все думали, что маг пройдет с ними весь путь до Одинокой Горы, всегда готовый выручить, если что.

— Перестань! — прикрикнул Гэндальф на хоббита. — Я вовсе не собираюсь уходить прямо сейчас. Побуду с вами денек-другой, пособлю, чем смогу, а там уж не обессудьте. У вас нет ни еды, ни снаряжения, вдобавок вы не знаете, куда попали. Но я-то знаю и объясню! Тропа, на которую бы мы вышли, если бы не встретили проклятых гоблинов, находится в нескольких милях к северу отсюда. Места тут пустынные, если их, конечно, не заселили с тех пор, как я побывал здесь в последний раз, два или три года назад; поэтому полагаться нужно только на себя. Однако неподалеку живет мой хороший знакомый.

Это он вырубил лестницу в скале — кстати, она называется Каррок. Днем этот мой знакомец редко приходит сюда, поэтому здесь ждать не имеет смысла, разыскать его придется нам самим. Если повезет и мы его отыщем — вот тогда я с вами попрощаюсь и пожелаю удачи так же, как орлы.

Гномы уговаривали Гэндальфа остаться, предлагали ему золото, серебро и самоцветы из драконьей сокровищницы, но маг был непреклонен.

— Все уже решено, — промолвил он. — А что до золота и прочих богатств, вы сначала их добудьте. И потом, сдается мне, я уже и так заслужил свою долю.

* * *

Искупались в реке, прозрачной и неглубокой у берега, выстирали одежду, полежали на солнышке, а потом, отдохнувшие, но успевшие слегка проголодаться, перешли реку вброд (хоббита вновь несли на плечах) и двинулись по высокой траве, вдоль раскидистых дубов и величавых вязов, туда, куда вел их Гэндальф.

— А почему ваш знакомый называет эту скалу Каррок? — спросил Бильбо у мага, шагавшего рядом.

— Потому что ему так хочется. Он называет

карроками все скалы, а эта поблизости от его дома, поэтому для него она — Каррок, с большой буквы.

— А кто он вообще такой?

— О! Это весьма важная персона. Слушайте все! Будьте с ним повежливее, иначе я не ручаюсь за последствия. Вообще-то он добрый, но в гневе ужасен, а рассердить его легче легкого.

— Вот так всегда! — принялись бурчать гномы, подошедшие поближе, чтобы послушать чародея. — Гэндальф, у тебя что, все знакомые такие, один суровее другого? Снизойди хоть разок, объясни поподробнее.

— Сколько можно растолковывать? — сердито воскликнул маг. — Пусть мои знакомые суровы, зато о них никто дурного слова не скажет. А этого зовут Беорном, если вам интересно. Он из тех, кто, как говорят, «меняет шкуры».

— Скорняк, что ли? — уточнил Бильбо. — Знаю я таких. Только зазеваешься, мигом всучат тебе кроличью шкурку под видом беличьей.

— Великие небеса, нет! — вскричал Гэндальф. — Нет, нет и нет! Думайте, что говорите, господин Торбинс, и ради всего чудесного не упоминайте при Беорне о скорняках, а также о ковриках, пледах, шарфах и плащах. Беорн — оборотень,

способный по желанию менять свое обличье: то он — громадный черный медведь, а то — огромный черноволосый человек с длинной бородой. По одним слухам, он и вправду медведь и ведет свой род от великих медведей древности, которые обитали в горах еще до появления великанов. По другим, Беорн — потомок людей, живших здесь, когда о Смоге и слыхом не слыхивали, а гоблины и не думали перебираться сюда с севера. Большего я вам сказать не могу. Он не из тех, о ком спрашивают.

Ничьи чары над ним не властны. Он живет в дубраве, в большом деревянном доме, пасет скотину, держит пасеку со множеством ульев, питается в основном медом и сливками. Лошади у него просто замечательные, они умеют разговаривать. Беорн не охотится и не ест мяса. В медвежьем обличье он много странствует. Както раз я видел его ночью на вершине Каррока, он глядел на клонившуюся к Мглистым горам луну и тихонько ворчал себе под нос: «Наступит день, когда я вернусь домой». Потому-то мне кажется, что он и впрямь родился в горах.

Бильбо и гномам было над чем подумать, вопросов больше не задавали. Путь оказался неблизким. Шли то вверх, то вниз, то взбирались

на холм, то спускались в овраг. Становилось все жарче. Время от времени устраивали привалы в тени деревьев. Хоббит настолько проголодался, что съел бы хоть пригоршню желудей, но, к его великому огорчению, желуди еще не поспели.

Ближе к полудню начали попадаться луга, явно ухоженные чьей-то заботливой рукой. Этот неведомый кто-то сажал повсюду клевер — обычный розовый, красный, медвяный белый — и петушиный гребешок. Воздух полнился жужжанием, на лугах трудились пчелы. И какие пчелы! Бильбо никогда в жизни не видел ничего подобного! Крупнее шершней, длиннее пальца, желтые полоски на черных спинках сверкают, точно позолота.

«Если меня ужалит хотя бы одна, — подумалось ему, — я распухну, как от водянки».

— Подходим, — предупредил Гэндальф. — Это пчелиные угодья Беорна.

* * *

Миновали круг высоких, очень старых дубов и очутились перед живой изгородью, столь густой, что сквозь нее ничего не было видно. Через такую не перелезешь, нечего и пытаться.

— Вам лучше будет остаться здесь и ждать

моего сигнала, — сказал маг. — Когда я свистну, пойдете ко мне, парами — обязательно парами! — с промежутком в пять минут. Бомбуру придется идти одному, но он такой толстый, что сойдет и за двоих. Пошли, господин Торбинс! Тут где-то должны быть ворота. — С этими словами Гэндальф двинулся вдоль изгороди, волоча за собой дрожащего от страха хоббита.

Вскоре они отыскали высокие и широкие деревянные ворота, за которыми виднелись сады и постройки из неотесанных бревен под соломенными крышами — амбары, навесы, конюшни; чуть поодаль стоял приземистый дом. С южной стороны изгороди рядами выстроились ульи, также крытые соломой. Оттуда доносилось громкое жужжание, огромные пчелы летали туда-сюда, вползали внутрь, выползали наружу.

Распахнув ворота, створки которых заскрипели, маг по широкой дорожке направился к дому. Хоббит семенил следом. Лошади с лоснящимися боками, пасшиеся поблизости, подняли умные морды, пристально поглядели на незваных гостей и вдруг все вместе куда-то ускакали.

— Доложить Беорну, что пожаловали чужаки, — пояснил Гэндальф.

За домом находился дворик, замкнутый с трех

сторон задними стенами дома и двух пристроек. Посреди дворика лежал громадный дубовый кряж. На земле валялись отрубленные сучья. Около ствола стоял высокий чернобородый и черноволосый человек с огромными голыми руками и мускулистыми ногами. На нем был шерстяной балахон до колен, он опирался на чудовищных размеров топор. Лошади тыкались носами ему в плечо.

— А, вот они! — проговорил человек низким рокочущим голосом, обращаясь к лошадям. — Ну, бояться вроде нечего. Ступайте. — Он расхохотался, бросил топор на землю и шагнул вперед. — Кто такие? С чем пожаловали?

Ростом хозяин был намного выше Гэндальфа. Бильбо мог бы пройти у него между ног, даже не задев макушкой полы грязно-бурого балахона.

— Меня зовут Гэндальф, — представился маг.

— Никогда о таком не слышал, — проворчал хозяин. — А это что за коротышка? — Он наклонился и мрачно поглядел на хоббита из-под густых черных бровей.

— Это господин Торбинс, хоббит из добропорядочной семьи с безупречной репутацией, — ответил маг.

Бильбо молча поклонился. Была бы у него

шляпа, он бы ее, конечно, снял, а так… Неудобно получается, честное слово. К тому же хоббит сильно переживал из-за отсутствия пуговиц на куртке. Наверняка Беорн сочтет его невежей и неряхой.

— Я маг, — продолжал Гэндальф. — Ты обо мне не слышал, зато я о тебе наслышан. Быть может, ты знаком с моим родичем Радагастом? Он живет поблизости от южных рубежей Лихолесья.

— А как же! Вроде бы неплохой парень, хоть и чародей. Бывает, мы с ним встречаемся. Ладно, теперь я знаю, кто вы — пускай только с ваших слов. Выкладывайте, что вам нужно.

— Сказать по правде, мы потеряли свои вещи, сбились с дороги и нуждаемся в помощи, — ответил Гэндальф. — На худой конец, в совете. Дело в том, что мы пришли из-за гор и по пути на нас напали гоблины…

— Гоблины? — Хозяин как будто слегка подобрел. — Напали, говоришь? А чего это вас к ним понесло?

— Мы никого не трогали, а они напали из засады, застали нас врасплох. Понимаешь, мы идем с запада… Ну, это долгая история…

— Ничего, послушаем. — Хозяин направился к двери в дом. — Пошли потолкуем. Пару минут я

вам, так и быть, уделю.

Следом за Беорном гости вошли в дом, миновали просторную залу с очагом посредине. В очаге, несмотря на лето, горел огонь, дым поднимался к почерневшим стропилам, тянулся к отверстию в крыше, сквозь которое внутрь проникал свет. Низенькая дверь из залы вела на террасу на дубовых подпорках. Терраса выходила на юг, поэтому на нее до сих пор падал солнечный свет; прямо от нижней ступеньки лестницы начинался садик, поражавший воображение несметным множеством цветов.

Уселись на деревянные скамьи, озаренные лучами закатного солнца. Пока Гэндальф рассказывал, Бильбо болтал ногами и разглядывал цветы, гадая, как они называются (доброй половины цветов Беорна он не видел никогда в жизни).

— Когда мы с друзьями перевалили через горы… — сказал маг.

— С друзьями? — перебил Беорн. — Разве их было много? Я вижу только одного.

— По правде говоря, я не решился привести всех сразу. Не хотелось отрывать тебя от дел. Если не возражаешь, я их позову.

— Давай зови.

Гэндальф пронзительно свистнул, и вскоре появились Торин и Дори. Встав перед хозяином, они низко поклонились.

— Чудеса, — проговорил Беорн. — Это ведь не хоббиты, а? Это ведь гномы.

— Торин Дубовый Щит, к вашим услугам. Дори, к вашим услугам. — И гномы вновь поклонились.

— Спасибо, но я в ваших услугах не нужда-

юсь, — отозвался Беорн. — Скорее уж наоборот. Что ж, гномов я, честно сказать, недолюбливаю, но коли ты и вправду Торин, сын Траина, сына Трора, коли твой товарищ тебе под стать и коли вы — враги гоблинов и пришли в мои края не со злом… Кстати, а каким ветром вас сюда занесло?

— Они идут в землю своих предков, что лежит к востоку от Лихолесья, — ответил за гномов Гэндальф. — К тебе мы попали не по своей воле. Мы шли Верхним проходом, он вывел бы нас на дорогу в стороне от твоих владений, когда бы не проклятые гоблины… Я уже рассказывал.

— Ничего, от тебя не убудет, если повторишься. — Беорн явно не отличался вежливостью. — И что было дальше?

— Разразилась ужасная гроза, каменные великаны швырялись обломками скал. Мы нашли убежище в пещере — хоббит, я и несколько наших товарищей…

— Несколько? Разве двое — это несколько?

— Вообще-то их было побольше, — признался Гэндальф.

— И где они? Погибли, попали в лапы гоблинов или ушли домой?

— Они здесь. Просто боятся, наверное, приходить все вместе. Видишь ли, мы опасались, что

нас слишком много, чтобы мы могли рассчитывать на твое гостеприимство.

— Так свистни еще. Где двое, там и четверо. Похоже, намечаются посиделки.

Гэндальф свистнул, и тут же, словно из-под земли, вынырнули Нори и Ори (помните, маг велел им приходить по двое с промежутком в пять минут).

— Привет! — сказал Беорн. — Шустрые вы ребятки. Ну, входите, мошенники.

— Нори, к вашим услугам. Ори… — начали было гномы, но Беорн перебил их:

— Ваши услуги можете оставить при себе. Когда они мне понадобятся, я сам о них напомню. А ты, чародей, продолжай — не то ужинать мы будем не скоро.

— Едва мы заснули, в дальней стене пещеры возникла трещина. Когда она расширилась, из нее выпрыгнули гоблины, которые схватили всех — хоббита, гномов, пони — а их у нас было с десяток…

— С десяток пони? Вы что, бродячий цирк? Или у вас было столько поклажи?

— Вообще-то нас было не шестеро, а больше. Вон еще двое.

Появившиеся в этот миг в саду Балин и Двалин

поклонились так низко, что их бороды коснулись земли. Беорн было нахмурился, но гномы так потешно кланялись, приседали и размахивали своими колпаками, что он не выдержал и расхохотался.

— Умора! — воскликнул он. — Входите, шутники. Как вас звать?

— Меня Балин. А меня Двалин, — ответили гномы. — Мы…

— Обойдемся без услуг. Хватит кланяться, лучше садитесь.

Слегка озадаченные гномы подчинились.

Беорн вновь повернулся к Гэндальфу:

— Продолжай.

— О чем я говорил? Ах да — схватили всех, кроме меня. Я сразил пару гоблинов молнией…

— Отлично, — пробурчал Беорн. — И от чародеев порой бывает польза.

— …и пробрался в трещину прежде, чем та успела сомкнуться. Подземный коридор привел меня в пещеру, где восседал на троне Верховный Гоблин. При нем было тридцать или сорок воинов. Я подумал: «Даже если бы моих друзей не заковали в кандалы, разве дюжина справится с четырьмя десятками?»

— Дюжина? С каких это пор восемь стало дю-

жиной? Или ты еще кого-нибудь припрятал за пазухой?

— В общем, да. Мне кажется, их зовут Фили и Кили.

Появившиеся в этот миг гномы раскланялись.

— Садитесь, и чтоб ни звука! — велел Беорн. — Продолжай, Гэндальф.

Маг поведал о битве во мраке подземелья, о том, как они добрались до нижних ворот и с ужасом обнаружили, что господин Торбинс потерялся.

— Пересчитав друг друга, мы поняли, что хоббита с нами нет. Нас было четырнадцать.

— Коли от десяти отнять один, разве получится четырнадцать? Мне всегда казалось, что девять. Или ты представил мне не всех?

— Ну, ты не видел Оина с Глоином. Вот они, кстати. Надеюсь, они нам не помешают?

— Ладно, чего уж там. Садитесь, вы двое. Слушай, Гэндальф, что-то у тебя концы с концами не сходятся. Ты да десять гномов, да пропавший хоббит — всего одиннадцать. А ты сказал «четырнадцать». Или у чародеев счет иной, чем у всех? Впрочем, это пустяки, рассказывай дальше.

Беорн заинтересовался всерьез, хотя всячески старался этого не показать. Он хорошо знал ту часть гор, которую описывал Гэндальф. Маг упо-

мянул о нежданном возвращении хоббита (тут хозяин одобрительно заворчал), о камнепаде и о волках, а когда стал рассказывать о том, как гномы карабкались на деревья, Беорн вскочил и принялся расхаживать по террасе, приговаривая:

— Эх, был бы я там! Я бы им показал! Паленными шкурами они бы у меня не отделались!

— Каждому свое, — скромно заметил Гэндальф, обрадованный тем, что его история, по всей видимости, пришлась хозяину по вкусу. — В общем, мы залезли на деревья, волки скакали внизу, лес кое-где загорелся, а тут еще явились гоблины и стали потешаться над нами: мол, пятнадцать пташек…

— Погоди, чародей! — взревел Беорн. — Только не говори, что гоблины не умеют считать! Им прекрасно известно, что двенадцать — далеко не пятнадцать.

— Мне тоже. Позволь тебе представить — Бифур и Бофур.

— И я, — пропыхтел Бомбур, появившийся следом за Бифуром и Бофуром. Ему страшно не хотелось ждать положенные пять минут в одиночестве, поэтому он отважился нарушить приказ Гэндальфа.

— Так-так, — проговорил Беорн. — Теперь вас точно пятнадцать. Гоблины считать умеют, значит, все, кто сидел на деревьях, в сборе. Больше никто, надеюсь, перебивать не будет.

Бильбо не мог не восхититься хитроумием Гэндальфа. Маг рассчитал точно: захватывающая история увлекла Беорна, а то, что повествование часто прерывалось, лишь разжигало его любопытство. (Иначе Беорн вряд ли пустил бы гномов на порог своего дома — ведь он почти никого и никогда к себе не приглашал. Друзей у него было мало, жили они далеко отсюда, и зазывал он их в гости по одному, в крайнем случае — по двое. Но сейчас на террасе его дома сидело пятнадцать чужаков.)

Маг поведал об орлах, о том, как путники очутились на Карроке и как перебрались через реку. Когда он закончил, солнце уже скрылось за вершинами Мглистых гор и по саду Беорна пролегли густые тени.

— Отличная история, — похвалил хозяин. — Давненько я не слыхивал ничего этакого. Если все окрестные попрошайки будут приходить ко мне с такими историями, я, пожалуй, умаюсь их подкармливать. Может, вы все выдумали, но кормежку заслужили. Пошли перекусим. Не

против?

— Что вы! — вскричали в один голос гномы и хоббит. — Большое спасибо!

* * *

В доме царил полумрак. Беорн хлопнул в ладоши; откуда ни возьмись появились четыре чудесных белых пони и большие серые собаки. Хозяин обратился к ним на диковинном наречии — походило на то, как если бы он говорил с ними на их языке. Животные исчезли, но вскоре вернулись с факелами, которые они разожгли и вставили в скобы на столбах подле очага (псы могли ходить на задних лапах, а передними пользовались как руками). У огня расставили табуреты, на которые положили доски — получился стол, правда, низковатый даже для Бильбо (наверное, за этим столом чаще всего сиживали животные).

Послышалось протяжное «бе-е-е», и в залу вступили белоснежные овцы, во главе которых шествовал огромный черный баран. Одна овца несла белую скатерть, расшитую изображениями животных; другие — подносы с чашками, тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки приняли подносы и быстро расставили все по

столу. К нему же придвинули два табурета с широкими, плетенными из тростника сиденьями и короткими ножками — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце стола Беорн, вытянув ноги, уселся в свое черное кресло. Больше мебели в его доме не было. Но остальным гостям стоять тоже не пришлось. Пони прикатили гладкие, отполированные колоды, круглые, как барабаны. Вскоре все расселись и принялись за еду. Столь многочисленного сборища эта зала не знала много лет.

Это был ужин — или обед? — весьма сытный и первый с тех пор, как путники попрощались с Элрондом и покинули Последнюю Приветную Обитель. Тускло светили факелы, потрескивало пламя в очаге, на столе мерцали алым две длинные свечи. За едой Беорн своим рокочущим басом рассказывал древние предания о диких землях, лежащих по эту сторону гор; в преданиях часто упоминался темный и опасный лес, протянувшийся на многие мили с севера на юг и преграждавший путь на восток, — зловещее Лихолесье. До него было рукой подать — день езды.

Гномы слушали, качая головами. Они знали, что Лихолесье — самая грозная из опасностей, стоящих на пути к Одинокой Горе (разумеется, после Мглистых гор). Насытившись, Беорн за-

дремал, и гномы заговорили о своем — о золоте и самоцветах, о тонкостях кузнечного ремесла. Беорна это не интересовало; в его доме не было ни золота с серебром, ни какого другого металла — разве что железные ножи.

За столом сидели еще долго, неторопливо потягивая мед из глубоких чаш. Между тем наступила ночь. В очаг подложили дров, факелы погасли, а гости все сидели и не собирались вставать. В бликах пламени высокие деревянные столбы казались живыми лесными деревьями. Бильбо вдруг почудилось, будто он слышит шелест ветра, различает уханье совы… Это походило на самое настоящее волшебство.

Хоббит понемногу клевал носом, голоса товарищей становились все глуше, но тут заскрипела и хлопнула дверь — Беорн ушел. Гномы выбрались из-за стола, расселись на полу у очага и запели. Вот что они пели — это всего одна из песен, их было спето гораздо больше:

Под ветерком шуршит трава
И вереск, но молчит листва
В лесу, где тень черна весь день,
И в ней таятся существа.

Но ветер вниз с холодных гор

Потоком грянул на простор –
Гудит, ревет и ветви гнет;
И застонал древесный хор.

С восхода ветер на закат –
И нет ему пути назад! –
Поверх трясин, поверх осин;
А лес весь ужасом объят.

Шуршат осока и тростник,
Шумит камыш, к воде приник,
Кипит бочаг, и неба стяг
Дыряв, как старый половик.
Промчался ветер над Горой,
Над той драконовой норой,
Где страх и смрад во тьме лежат,
Откуда валит дым порой.

И за пределы мира, прочь,
Туда, где сине море – ночь,
Где лунный челн плывет средь волн,
И звезды – маяки точь-в-точь.

Бильбо Торбинс снова задремал. Вдруг Гэндальф поднялся.

— Пора спать, — сказал он. — Здесь нам ничто не угрожает, но постарайтесь не забыть, о чем предупреждал Беорн, и не выходите наружу до восхода солнца. Наш хозяин зря не скажет, поэтому лучше послушаться.

Постелили им в углу залы, на помосте между деревянными столбами и наружной стеной дома. Бильбо достался соломенный матрац с шерстяным одеялом, которым хоббит, несмотря на теплую ночь, с удовольствием укрылся. Огонь в очаге едва теплился.

Бильбо заснул и спал крепко, пока среди ночи его что-то не разбудило. В очаге дотлевали угольки, Гэндальф и гномы ровно дышали во сне, сквозь отверстие в крыше виднелся кусочек луны. И тут снаружи донеслось рычание, а потом — такой звук, будто огромный зверь царапает дверь. «Что это? — встревожился Бильбо. — Может, Беорн, обратившийся в медведя? Может, он сейчас ворвется в залу и растерзает нас?» Хоббит вновь юркнул под одеяло, укрылся им с головой — и снова заснул, сморенный усталостью и сытным ужином.

Пробудился он, когда утро было в разгаре. И то не по своей воле — кто-то из гномов споткнулся об него и с грохотом рухнул на пол. Это оказался

Бофур.

— Вставай, лежебока! — позвал гном, с кряхтением поднимаясь. — А то останешься без завтрака.

— Завтрак! — Бильбо мгновенно вскочил. — Где завтрак?

— Наш уже в нас, — ответили ему, — а твоя доля на террасе. Беорн куда-то запропастился, мы ищем его с восхода и никак не можем найти. Спасибо, хоть о завтраке позаботился.

— А Гэндальф где? — спросил Бильбо.

— Вот вернется — сам у него спросишь, — услышал он, выбегая на террасу.

Маг возвратился лишь под вечер. На закате он вошел в дом и присоединился к компании, ужинавшей в зале (накрывали стол и подавали еду все те же чудесные животные Беорна). Однако о хозяине по-прежнему не было ни слуху ни духу.

— Где ты пропадал? — наперебой закричали гномы. — И где Беорн?

— Не все сразу, и только после ужина. У меня с утра во рту и маковой росинки не было.

Насытившись — он съел два каравая с маслом и сливками и выпил по меньшей мере кварту меда, — Гэндальф отодвинул пустую тарелку и вынул трубку.

— Сперва отвечу на второй вопрос, — сказал маг. — Вы заметили, какой тут высокий потолок? Удобно пускать кольца. — И надолго замолчал, всецело поглощенный своей забавой: выпускал изо рта кольца дыма, которые обвивались вокруг столбов, принимали разнообразные очертания, меняли цвет и одно за другим уплывали сквозь отверстие в крыше. Снаружи, должно быть, эти кольца представляли собой диковинное зрелище: голубые, серебристые, желтые, белые большие и маленькие, они всплывали над крышей, сливались, расходились и медленно таяли в воздухе.

— Я отправился по медвежьему следу, — продолжил наконец Гэндальф. — Точнее, следов было несколько, один принадлежал Беорну, а остальные — другим медведям. Прошлой ночью, похоже, у этого дома собралось множество медведей — больших и малых; они пришли с востока, с севера и с юга. А ушли на запад. Туда след есть, а оттуда — нет. Я прошел по нему до Каррока, дальше он оборвался. До Каррока, как вы помните, можно добраться вброд, а вот за скалой слишком глубоко и течение слишком сильное — не одолеть ни вброд, ни вплавь. Пришлось вернуться и пойти вдоль реки, чтобы найти, где переправиться, а потом возвратиться по другому берегу…

В общем, я убедился, что след ведет точно к той поляне, на которой мы встретились с варгами. Вот так. Полагаю, я ответил на оба вопроса.

Маг вновь замолчал.

Бильбо показалось, он понял, к чему клонит Гэндальф.

— Что же делать? — вскричал он. — Если Беорн приведет сюда варгов с гоблинами, нас всех убьют! А ведь вы говорили, что наш хозяин ненавидит волков!

— Так оно и есть. Не валяй дурака, Бильбо. Иди лучше поспи, раз у тебя голова не варит.

Хоббит сник. Делать все равно было нечего, поэтому он и вправду отправился на боковую и заснул под песни гномов. Ему приснились черные медведи, сотни черных медведей, медленно, тяжело кружащихся в танце на залитом лунным светом дворе. Он проснулся, когда все остальные еще спали, и услышал те же самые странные звуки, что и накануне.

Наутро их разбудил Беорн.

— Как дела, ребятки? — осведомился он, подхватил хоббита на руки и засмеялся: — Не съели вас ни волки с гоблинами, ни страшные медведи? — Беорн бесцеремонно дернул господина Торбинса за подтяжку. — Эге, а крольчишка-то

как отъелся! Пошли перекусим.

Гурьбой отправились завтракать. Беорн пребывал в чудесном настроении, много смеялся и шутил. Гадать, где он пропадал, пришлось недолго — хозяин сам обо всем рассказал. Выйдя вечером из дома, он уже к ночи успел перебраться через реку и углубиться в горы (по чему можно судить, сколь быстро он передвигался в медвежьем обличье). Вскоре ноги — или лапы? — вынесли Беорна на выгоревшую поляну, а чуть позже он получил и другое подтверждение правдивости истории, рассказанной Гэндальфом, — из уст волка и гоблина, которых изловил неподалеку. Гоблины и волки по-прежнему разыскивали гномов, они были вне себя от ярости: еще бы, какие-то жалкие гномы убили Верховного Гоблина, обожгли нос вожаку волчьей стаи и спалили заживо многих его сородичей! Разумеется, всего пленники не сказали, но из их оговорок Беорну не составило труда догадаться, что в ближайшее время намечается грандиозный набег на окрестные поселения. Гоблины и волки твердо вознамерились найти гномов, а заодно — преподать урок тем людям и животным, которые, возможно, приютили убийц Верховного Гоблина.

— Ваш рассказ был просто замечательный, —

сказал Беорн, — но когда я убедился в его достоверности, он понравился мне больше прежнего. Простите мое недоверие. На рубежах Лихолесья верить можно только тому, кого знаешь как свои пять пальцев, иначе рано или поздно угодишь в западню. В общем, узнав все, что требовалось, я поспешил домой — проверить, как вы тут, и предложить вам любую посильную помощь. Скажу честно, с этих пор я стану лучше относиться к гномам. Надо же — убить Верховного Гоблина! — Он свирепо захохотал.

— А того гоблина с варгом вы отпустили? — спросил Бильбо.

— Они во дворе, — ответил Беорн. — Иди полюбуйся.

Голова гоблина, насаженная на кол, торчала над воротами, а чуть поодаль висела на дереве волчья шкура. «Да, с таким врагом шутки плохи, — подумалось Бильбо. — Хорошо, что он на их стороне».

Гэндальф решил открыть Беорну истинную причину путешествия — в надежде, что хозяин чем-нибудь да поможет.

Беорн пообещал предоставить каждому гному верхового пони, Гэндальфу дать лошадь и снабдить всю компанию провизией — ореха-

ми, мукой, сухими фруктами, медом в горшках и очень вкусными пирогами, которые долго остаются свежими (небольшого кусочка такого пирога хватит, чтобы целый день поддерживать силы). Эти пироги умел печь только сам Беорн; в муку, как и во все прочие блюда, он добавлял мед. Припасы упаковали так, чтобы нести было легко и удобно. Воды, сказал хозяин, по дороге будет сколько угодно — и ручьи, и родники.

— Но Лихолесье — дело другое, — прибавил он. — Воду там найти нелегко, да и еду тоже. Орехи еще не созрели, а кроме них ничего из тамошних растений в пищу не годится. Кстати сказать, очень может быть, что, прежде чем вы доберетесь до дальней опушки, орехи успеют созреть и сгнить. А еще в Лихолесье водятся злобные твари. Я дам вам луки со стрелами и бурдюки с водой. Расходуйте воду бережно; сомневаюсь, что вы сумеете наполнить бурдюки заново. Через лес вы пойдете тропой, и вам встретится черная река. Не пейте из нее и не купайтесь в ней! Ее воды зачарованы, они навевают сон и отнимают память. Луки же вам пригодятся — не для охоты, а так, на всякий случай. Ни за что не сходите с тропы! Слышите? Ни в коем случае!

Вот и все, чем я могу вам помочь. Едва вы ступи-

те на опушку, вам придется рассчитывать только на собственную храбрость и на везение. Да не забудьте, добравшись до опушки, отослать обратно пони и лошадь. Удачи вам! Если возвращаться вы будете этой дорогой, милости прошу в гости.

* * *

Хозяина долго благодарили — кланялись, помахивали колпаками, много раз произносили: «К твои услугам, о Владыка деревянного чертога!» Но слова Беорна заронили в сердца путников тревогу, все вдруг поняли, что это путешествие — не простая прогулка, что, прежде чем добраться до сокровищ, нужно преодолеть немало преград и опасностей.

Все утро ушло на сборы. Вскоре после полудня в последний раз откушали с Беорном, оседлали пони, дружески попрощались и выехали за ворота.

Как только выехали за высокую изгородь, повернули на север и пустили пони вскачь. По совету Беорна путники решили оставить в стороне главную дорогу. Если бы все шло как намечалось в самом начале, перевалив через Мглистые горы, они оказались бы там, где в Великую Реку впадает ее приток, на несколько миль южнее Каррока. И там имелся брод, от которого начиналась ста-

рая лесная дорога. Но Беорн предупредил, что этой дорогой теперь ходят одни гоблины, она вся заросла травой и упирается в непроходимое болото. Вдобавок она сильно уходит на юг от Одинокой Горы. Зато севернее Каррока Лихолесье подступает к самому берегу Великой Реки; в ту сторону и следует ехать, ибо там находятся ворота, от которых сквозь Лихолесье неторная тропа ведет едва ли не прямиком к Одинокой Горе.

— Гоблины не отваживаются переходить реку севернее Каррока и приближаться к моему дому, — объяснил Беорн. — Но на вашем месте я бы поторопился, если они и впрямь соберутся в набег, то перейдут реку на юге и обшарят лесную опушку на всем ее протяжении. Не забывайте, волки бегают резвее пони. В общем, на север ехать безопаснее — горы там ближе, но гоблины не ждут, что вы посмеете вернуться. Скачите же, скачите во весь опор, чтобы вас не догнали!

Сперва ехали молча; на ровных местах пускались в галоп. Горы темнели слева, далекая полоска реки с деревьями по берегам мало-помалу приближалась. Ярко светило солнце, все было тихо и спокойно, поэтому о гоблинах вскоре позабыли и вновь принялись болтать и петь. Однако вечером, когда вершины гор засверкали

в пламени заката, разбили лагерь и выставили дозорных, и в снах многим слышался волчий вой и вопли гоблинов.

Рассвет выдался просто чудесный. Над землей, как будто уже пришла осень, лежал белый туман, было прохладно, но вскоре солнце пригрело, туман растаял, и путники, не дожидаясь, пока утренняя дымка рассеется окончательно, тронулись в путь. Ехали еще два дня, никого не встречая; вокруг виднелись лишь трава, цветы, птицы да небольшие стада оленей. Бильбо поначалу принимал ветвистые оленьи рога за сучья, но скоро научился отличать одно от другого. На третий день почти не останавливались, ведь Беорн говорил, что лесных ворот они должны достичь рано утром на четвертый день пути. Поэтому продолжили путь даже ночью, при свете луны. Хоббиту почудилось, будто во мраке время от времени виднеется фигура громадного медведя, который сопровождает отряд. Когда он рискнул поделиться своим подозрениями с Гэндальфом, маг лишь посоветовал не обращать внимания.

Около полуночи ненадолго остановились и еще до рассвета вновь были в седлах. Едва взошло солнце, стал виден лес — черная, мрачная

стена деревьев. Начался пологий подъем. Тишина словно обволакивала. Олени и кролики куда-то исчезли. К полудню достигли опушки Лихолесья и немного передохнули. У деревьев на этой опушке стволы были толстые и кривые, с корявых ветвей свисали длинные темные листья и побеги плюща.

— Вот вам и Лихолесье, — сказал Гэндальф, — величайший из северных лесов. Выглядит он внушительно, верно? Что же, пора подумать о ваших пони. Их нужно отослать обратно.

Гномы было заворчали, но маг быстро их утихомирил:

— Глупцы! По-вашему, Беорн далеко? Неужели вы хотите нажить себе такого врага? Господин Торбинс — и тот заметил большого медведя, который шел за нами следом и охранял по ночам ваш сон. Между прочим, Беорн присматривал не только за вами, но и за своими пони. Запомните раз и навсегда: дружба дружбой, а своих животных он любит как детей. Вам и невдомек, чего ему стоило отдать пони гномам. И что он с вами сделает, если вы попробуете увести пони в лес, — даже представить страшно!

— Ладно, ладно, — пробурчал Торин. — А как насчет лошади? Ее ты возвращать не собира-

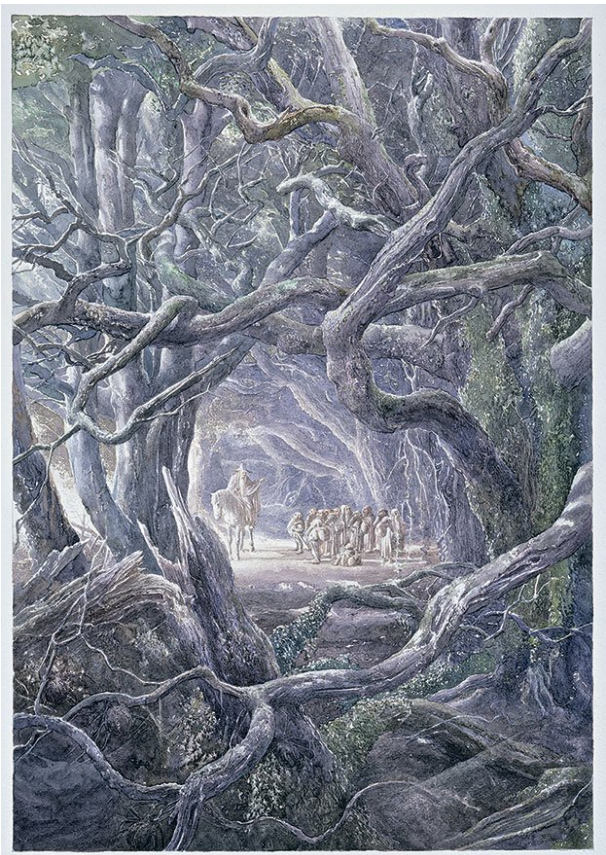
ешься?

— Угадал.

— Но ты ведь тоже обещал.

— Это уже мои заботы. Она мне еще пригодится.

Лишь теперь гномы догадались, что Гэндальф намеревается их покинуть. И это на самой опушке Лихолесья! Отчаянию не было предела, но маг остался непоколебим.



— Я все вам объяснил на Карроке. Смиритесь. На юге меня ждут неотложные дела; боюсь, по вашей милости я и так опаздываю. Может быть, мы и встретимся до того, как вы вернетесь от Горы, а может быть, и нет. Это зависит от вашей удачи — и от ловкости и хитроумия господина Торбинса. Положитесь на него, в решающий час он не подведет. Бильбо, хватит кукситься! Торин, приободрись! В конце концов, ведь это ваш поход, а не мой. Думайте о сокровищах, забудьте о драконе и о Лихолесье — по крайней мере, до завтрашнего утра, покуда не войдете в лес.

Наутро Гэндальф повторил то же самое. Пони расседлали, сняли с них поклажу, которую постарались распределить по-честному между всеми гномами и хоббитом (впрочем, Бильбо решил, что ему достался самый тяжелый мешок; и как только он потащит такую тяжесть?).

— Не переживайте, — утешил Торин. — Нам еще захочется, чтобы мешки пустели не так быстро.

Наполнили бурдюки водой из родника, потом отпустили на волю пони. Те резво поскакали прочь, словно торопясь оказаться подальше от Лихолесья. Бильбо готов был поклясться, что видел собственными глазами огромного медведя,

который выскользнул из-под деревьев и потрусил следом за лошадками.

Гэндальф стал прощаться. Бильбо сел на землю, чувствуя себя брошенным на произвол судьбы. Как ему хотелось оставить гномов и уехать вместе с магом! После скудного завтрака он уже успел заглянуть в лес и убедился, что там темно и страшно.

— Как будто кто-то наблюдает за тобой, — поделился хоббит сам с собой своими наблюдениями.

— Прощай! — сказал Гэндальф Торину. — Прощайте все! Ваш путь лежит прямо через лес. Не сходите с тропы! Если сойдете, то — тысяча против одного — больше на нее уже не выберетесь и никогда не выйдете из Лихолесья. А мне бы хотелось встретиться с вами снова.

— Ну почему мы должны идти через этот лес? — простонал хоббит. — Ну почему?

— Потому что другой дороги нет, — отозвался маг. — Или проходите насквозь, или возвращаетесь домой. Стыдитесь, господин Торбинс! Сейчас не время праздновать труса! Между прочим, Бильбо, ты, именно ты отвечаешь за гномов, понял?

— Понял, — уныло ответил хоббит. — А разве нет какой-нибудь кружной дороги?

— Есть, как не быть. Лихолесье можно объехать с севера — это крюк миль в двести, или с юга — так получится еще дольше. Но опасностей везде хватает. В здешних краях попросту нет безопасных дорог. Ты же в Глухоманье, а тут может случиться всякое. На севере высятся Серые горы, они кишат гоблинами, хобгоблинами и жуткими орками. На юге лежат владения Некроманта. Сдается мне, мой милый Бильбо, даже ты кое-что о нем слыхал. Если дорожишь своей жизнью, не суйся в те места, которые он озирает из черной башни Дол-Гулдура. Держись лесной тропы, не падай духом, надейся на лучшее — и, если тебе очень повезет, ты выйдешь из леса и увидишь перед собой Долгие болота, а за ними, на востоке, пик Одинокой Горы, под которой залег старина Смог. Хотелось бы верить, что он вас не ждет.

— Твоими бы устами да мед пить, — буркнул Торин. — Прощай, чародей. Если ты и вправду решил ехать, так езжай, нечего разговоры разговаривать.

— Прощайте! Прощайте! — воскликнул Гэндальф, поворотил лошадь и поскакал на запад. Но от искушения дать последнее наставление он не удержался. Отъехав на такое расстояние, с которого его еще могли услышать, маг обернулся,

приложил руки ко рту и крикнул:

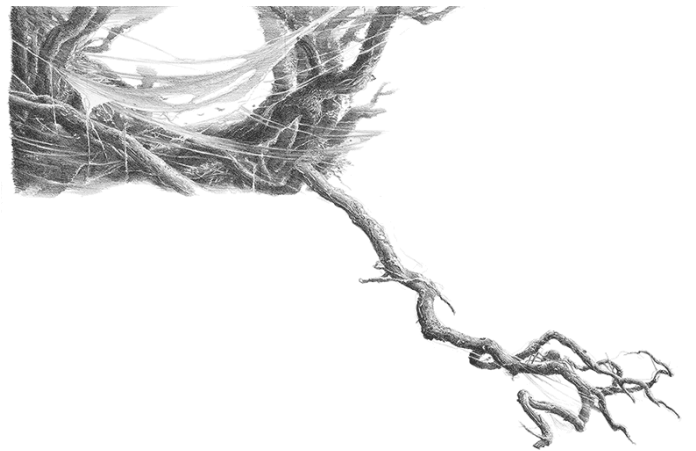
— Прощайте! Удачи вам! Будьте осторожны — и не сходите с тропы!

Вскоре он исчез из виду.

— Скатертью дорога, — проворчал кто-то из гномов. Они были в растерянности и оттого злились на весь белый свет.

Впрочем, деваться было некуда. Каждый взвалил на плечи по тяжелому мешку и по бурдюку с водой, и гномы с господином Торбинсом вступили под сень Лихолесья.

Глава VIII
Пауки и мухи



* * *

Двигались гуськом. Лесные ворота напоминали арку у входа в темную пещеру — два древних, опирающихся друг на друга дерева, увитых плющом и поросших лишайником. От ворот начиналась узкая извилистая тропа. Было так тихо, что шаги

отдавались громом в ушах; мнилось, будто деревья Лихолесья чутко прислушиваются.

Когда глаза привыкли к сумраку, путники заметили, что тропу омывает слабое зеленоватое свечение. Порой, подобно золотистой струйке, мерцал солнечный лучик, чудом пробившийся сквозь плотное покрывало листвы и не заплутавший в чудовищном переплетении сучьев. Но чем глубже в лес они заходили, тем темнее становилось.

В Лихолесье обитали черные белки; остроглазый Бильбо раза два углядел юрких зверьков, сновавших по могучим стволам. Хоббит вертел головой, стараясь рассмотреть, кто там шуршит и возится в палой листве под деревьями, но так ничего и не увидел. Больше всего путникам не понравилась паутина — черные тенета, протянувшиеся от дерева к дереву. Хорошо хоть, на тропу эти тенета не покушались — ее словно хранили некие чары. Прошло совсем немного времени, а путники уже возненавидели лес ничуть не меньше, чем подземелья гоблинов (пожалуй, Лихолесье было мрачнее гоблиновых пещер). Ни солнца, ни кусочка неба, ни дуновения ветерка… Под пологом леса царили вечный мрак, покой и духота. Страдали даже гномы, привычные к

долгому пребыванию в темноте; что уж говорить о хоббите! Он тосковал по свету и чувствовал, что потихоньку начинает задыхаться.

Ночами было хуже всего. Становилось темно, как в яме — в буквальном смысле слова. Не видно ни зги, темнота хоть глаз выколи. Бильбо как-то для проверки взмахнул рукой у себя перед лицом — и не различил ровным счетом ничего. Спали, прижавшись друг к дружке — вовсе не потому, что замерзали; просто по ночам приходили гости. На дозоре хоббит сполна испытал сомнительное дружелюбие лесных жителей. Красные и желтые огоньки глаз окружали лагерь со всех сторон: вспыхивали, тускнели, исчезали, чтобы тут же появиться вновь, порой — прямо над головами путников, на ветке какого-нибудь дерева. Больше всего хоббита напугали бледно-зеленые глаза-луковицы. «Это глаза насекомого, — сказал он себе. — Ну и здоровенный, должно быть, жучище!»

Поначалу разводили костер, но быстро поняли, что делать этого не стоит — пламя привлекало сотни лесных тварей (правда, все они предпочитали держаться вне круга света). Вдобавок на огонь слеталась тьма назойливо жужжащих мошек (некоторые были толщиной в руку) и

целые стаи громадных летучих мышей. Поэтому о кострах решили забыть до лучших времен.

Хоббиту чудилось, будто поход через лес продолжается уже сотню лет. День за днем ничего вокруг не менялось, и путники заволновались. Ведь еды оставалось все меньше, при том что питались они довольно скудно — ограничивали себя как могли — и потому постоянно были голодны. Попытались подстрелить черную белку, истратили уйму стрел на одного зверька, а когда поджарили, выяснилось, что вкус у белки отвратительный. Больше охоты не устраивали. Жажда мучила наравне с голодом: вода в бурдюках почти иссякла, а в лесу, как назло, не попадалось ни ручьев, ни родников.

И вдруг, неизвестно на какой день бесконечного перехода через Лихолесье, они увидели перед собой неширокий, но бурный поток, пересекавший тропу. В лесном сумраке он казался черным — а может, и был таким на самом деле. Хорошо, что Беорн предостерег, иначе путники наверняка припали бы к воде, несмотря на ее цвет, и наполнили бы ею свои бурдюки. А так они всего-навсего стали прикидывать, как перебраться на противоположный берег. Когда-то через реку были переброшены мостки, но они

давно разрушились, сохранились лишь прибрежные сваи.

Внезапно Бильбо, стоявший на коленях у кромки воды, воскликнул:

— Там лодка! Честное слово, там лодка!

— Далеко? — спросил Торин (признав, что Бильбо видит лучше остальных, гномы теперь целиком полагались на хоббитовы глаза).

— Шагов двенадцать, наверное…

— По-моему, до того берега шагов тридцать. Ну да ладно, глаза у меня не те, что в молодости; и потом, какая разница, двенадцать или тридцать? Перепрыгнуть все равно не сможем и переплыть не рискнем.

— Может, зацепить ее чем-нибудь?

— Что толку? Ну, зацепили, допустим, а дальше? Она наверняка привязана.

— Сдается мне, сударь мой Торин, вы ошибаетесь, — возразил хоббит. — Вроде бы ее просто вытащили на берег, и все. Хотя в этой темноте веревки можно и не разглядеть.

— Так, — проговорил Торин, — Дори у нас сильнее всех, а Фили самый молодой и зоркий. Иди сюда, Фили. Ты видишь лодку, о которой толкует господин Торбинс?

— Конечно, — отозвался Фили. Ему притащили

веревку — несколько мотков, нашедшихся в мешках. К концу самого длинного мотка прикрепили железный крюк (чего-чего, а всяких полезных мелочей у них с собой было предостаточно). Фили взял веревку в руки, примерился — и метнул через реку.

С громким плеском крюк упал в воду.

— Недолет, — заметил Бильбо. — Чуть-чуть посильнее. Давай снова. Да не бойся ты, нам ведь запретили пить и купаться в реке, а про то, чтобы брать в руки мокрую веревку, никто ничего не говорил.

Фили нерешительно подтянул крюк, прицелился — и повторил попытку.

— Попал! — воскликнул хоббит. — Почти попал, — поправился он. — Теперь перелет. Давай тяни, авось зацепится. Есть! Теперь осторожненько!

Веревка натянулась, как струна. Сил одного Фили явно не хватало. К нему на помощь пришел сперва Кили, а затем Оин и Глоин. Тащили, тащили — и вдруг все полетели кувырком, когда лодка с плеском вошла в воду. По счастью, Бильбо успел подхватить веревку, подтянул лодку поближе и зацепил ее валявшейся на земле веткой.

— Пособите же! — позвал он. Балин оказался

тут как тут, и вдвоем они подвели лодку к берегу.

— Ее все же привязали, — сказал гном, разглядывая обрывок шнура на носу. — Славно дернули, ребята! Нам повезло, что наша веревка крепче.

— Кто первый? — спросил Бильбо.

— Я, — откликнулся Торин. — Со мной поплывут Фили и Балин. И вы, — прибавил он, посмотрев на хоббита. — Потом Кили, Оин, Глоин и Дори, следом Ори, Нори, Бифур и Бофур. Последними — Двалин и Бомбур.

— Вечно я последний, — проворчал Бомбур. — Надоело! Почему всегда я?

— Потому что ты самый толстый. А Двалин легче остальных, поэтому ты поплывешь с ним. И вообще, хватит прекословить! Будешь ворчать, с тобой точно что-нибудь случится.

— А весел-то нет! — воскликнул Бильбо. — Как же мы поплывем?

— Дайте мне другую веревку, — попросил Фили. Прицепив крюк и примерившись, он зашвырнул веревку на противоположный берег. Плеска слышно не было, значит, крюк запутался в ветвях. Подергав веревку, Фили сказал: — Садитесь и тяните. А мы потом подтащим лодку обратно, и все дела.

Вскоре все очутились на другом берегу. Последними переправились Двалин и Бомбур. Двалин вылез из лодки с веревкой в руках, а Бомбур, до сих пор тихонько ворчавший себе под нос, готовился последовать за ним, когда случилось нечто непредвиденное. В темноте послышался цокот копыт, и вдруг на тропе возник олень. Он мчался напропалую — врезался в гномов, не успевших сообразить, что к чему, а потом прыгнул и, взмыв высоко в воздух, перелетел через реку.

Уйти безнаказанным ему, впрочем, не удалось. Торин был единственным, кто устоял на ногах и не потерял головы. Едва выбравшись из лодки, король гномов наложил на тетиву стрелу — так, на всякий случай (если, к примеру, появится хозяин лодки). Он выстрелил. Олень словно споткнулся. Темнота поглотила животное, но цокот копыт еще был слышен — неровный, дробный, будто у оленя начали заплетаться копыта.

Гномы наперебой стали поздравлять Торина с удачным выстрелом, и тут раздался вопль Бильбо:

— Бомбур упал! Он тонет!

Так оно и было. Прыгая, олень копытом задел Бомбура, одной ногой еще стоявшего в лодке. Толстяк пошатнулся, лодка отошла от берега, и

гном рухнул в черную воду, отчаянно пытаясь ухватиться за нависавшие над берегом корни. Между тем лодка медленно уплывала прочь.

Приглядевшись, гномы различили на воде колпак Бомбура и кинули туда веревку. Бомбур ухватился за крюк, и его быстро вытащили. Разумеется, вымок он насквозь, но это было далеко не самое худшее. Очутившись на суше, Бомбур тотчас же крепко заснул, и разбудить его, несмотря на все старания, никак не удавалось.

Путники принялись проклинать неуклюжесть Бомбура и свое невезение (потеря лодки означала, что оленятинки им отведать не придется), как вдруг вдалеке запели охотничьи рога и послышался собачий лай. Впечатление было такое, будто с севера по тропе приближается охота. Гномы притихли, настороженно прислушиваясь.

Бомбур спал, его широкое лицо расплылось в улыбке — толстяку явно снилось что-то очень приятное. Внезапно из мрака выскочила снежно-белая лань, а за ней детеныши. Животные словно светились. Прежде чем Торин успел открыть рот, трое гномов схватились за луки. Но ни один выстрел как будто не достиг цели. Оленье семейство скрылось за деревьями столь же бесшумно, сколь и появилось. А раздосадованные гномы

продолжали стрелять.

— Хватит! Прекратите! — взывал Торин, но было уже поздно: колчаны опустели. Луки — подарок Беорна — теперь ни на что не годились.

* * *

С каждым днем становилось все темнее. Река осталась далеко позади, и теперь вновь ничто не нарушало унылого однообразия, царившего в лесу. Снова начало казаться, что Лихолесью не будет конца. Впрочем, когда бы путники больше знали об этом лесе, когда призадумались бы, откуда взялись олени, они бы догадались, что скоро покажется солнце, что восточная опушка уже близко — только бы хватило мужества и сил добраться до нее.

Но они ни о чем таком не догадывались и хмуро

брели по тропе, изнемогая под тяжестью Бомбура. Толстяк был настолько грузен, что нести его приходилось вчетвером, а остальные тащили мешки. Те, конечно, полегчали, но это нисколько не радовало, ибо ни еды, ни питья почти не осталось. А в лесу ничего съестного не росло, попадались лишь какие-то омерзительные на вид грибы да травы с неприятным запахом.

На четвертый день после переправы вступили в заросли бука. Поначалу перемена обрадовала, ибо тьма заметно поредела и вокруг тропы разлилось зеленоватое свечение. Но бесконечные ряды серых стволов, этакие живые колонны, поддерживающие лиственную крышу, навевали уныние. Печально шелестел ветер, на землю падали листья, напоминая, что близится осень. Ноги тонули в толстом ковре палой листвы.

Бомбур все спал, а остальные понемногу впадали в отчаяние. Порой откуда-то доносился смех, слышались голоса и песни — диковинные песни, вовсе не гоблинские, таинственные и пугающие. По правде сказать, в Лихолесье пугало все.

Прошло еще два дня, тропа побежала под уклон и вывела в лощину, где росли могучие дубы.

— Может, мы уже на опушке? — спросил Торин. — Эй, кто-нибудь, заберитесь на дерево,

какое повыше. Должен же этот проклятый лес рано или поздно кончиться!

Естественно, под «кто-нибудь» гном разумел Бильбо. Хоббит был легче всех, даже легче Двалина. Бедный господин Торбинс совершенно не умел лазать по деревьям. Но его подсадили на нижний сук громадного дуба, стоявшего прямо посреди тропы, и он принялся взбираться, продираясь сквозь переплетенные ветви, хлеставшие по лицу; скоро весь он стал зеленым и коричневым — от ветхой коры древнего дуба; ноги не раз и не два соскальзывали и срывались, и выручали лишь крепкие руки. Карабкаясь вверх, Бильбо все ждал, что вот-вот наткнется на громадного паука; когда же страх перед пауками немного отпустил, он стал прикидывать, как будет спускаться, и ему вновь стало жутко. Наконец, пробравшись сквозь крону, хоббит достиг макушки, высунул голову из листвы и увидел пауков — обычных, крохотных, совсем не страшных.

Солнечный свет показался ослепительным. Гномы что-то кричали снизу, но Бильбо не отвечал, позабыв обо всем. Когда глаза привыкли к свету, он окинул взглядом море темно-зеленой листвы, по которому словно гнал волны легкий ветерок. Над лесом вились мириады бабочек, похожих на переливниц — эти бабочки селятся на верхушках дубов. Правда, здешние были чер-

ными, иссиня-черными.

Хоббит долго разглядывал бабочек, наслаждаясь свежим воздухом. Наконец он отвлекся и услышал крики гномов, которые в нетерпении буквально скакали под деревом. Бильбо осмотрелся. Лесу не было ни конца ни края. Радость хоббита угасла, он понуро начал спускаться.

Как я уже говорил, до опушки было уже недалеко. Пораскинув мозгами, Бильбо сообразил бы, что дуб, на который он взобрался, стоит на дне лощины, поэтому разглядеть с него опушку попросту невозможно — вид заслоняют другие деревья. Но ничего подобного хоббиту в голову не пришло.

Весь исцарапанный, мокрый от пота и несчастный, он рассказал гномам о том, что увидел.

— Кругом лес! Что же нам делать? — воскликнули они в отчаянии. — Вот и посылай хоббита на разведку! — Можно подумать, в том, что лес никак не кончается, виноват был не кто иной, как Бильбо. Бабочки гномов не заинтересовали, а когда хоббит упомянул о свежем ветерке, его спутники обозлились пуще прежнего — ведь сами взобраться на макушку дерева они никак не могли (слишком уж тяжелыми были).

* * *

Вечером доели последние припасы и наутро проснулись голодные как собаки. Пошел дождь, капли уныло барабанили по плотному пологу листвы. Всем хотелось пить, но ведь не стоять же целый день с раскрытым ртом, дожидаясь, пока тебе на язык упадет случайная капля. Впрочем, утро выдалось не таким уж плохим — Бомбур проснулся!

Пробудился он совершенно неожиданно и сел, почесывая в затылке. Как выяснилось, Бомбур позабыл все, что с ним было, помнил только, что ужинал в хоббитовой норе. Товарищи долго втолковывали ему, что и как, ибо он упорно отказывался верить.

Услыхав, что еды нет, Бомбур заплакал. Он был очень слаб, ноги у него подкашивались от голода.

— И зачем только я проснулся? — простонал он. — Мне снился такой чудесный сон! Я ехал по лесу, похожему на этот, но там на каждом дереве висели факелы или фонарики и горели костры. А потом меня пригласили на угощение к лесному королю, и мы знатно попировали под веселые песенки!

— Не береди сердце, — проворчал Торин. — Лучше уж помалкивай, не то я за себя не ручаюсь. За тобой, между прочим, должок — знаешь, сколько мы тебя тащили, пока ты преспокойно дрых? От самой реки! И ни разу толком не поели!

Деваться было некуда — затянули потуже пояса, вскинули на плечи полупустые мешки и двинулись дальше по тропе без малейшей надежды когда-либо добраться до восточной опушки. Шли весь день; нет, не шли — брели, а Бомбур все ныл, что ноги его не держат и что ему хочется спать.

— Только попробуй! — пригрозили ему. — Больше мы тебя не понесем.

Однако довольно скоро Бомбур заявил, что с него хватит, и повалился наземь.

— Идите, коли хотите, а я полежу посплю. Глядишь, снова еда приснится. И то хорошо, коль наяву ее все равно нет. И зачем только я проснулся!

В этот миг шедший первым Балин закричал:

— Смотрите! Свет!

И правда — в глубине леса, по левую руку, светился алый огонек. Рядом с ним вспыхнул другой, третий… Бомбур немедля вскочил, и путники всей гурьбой бросились вперед по тропе, даже

не думая о том, что это могут оказаться костры троллей или гоблинов.

— Похоже, мои сны сбываются! — пропыхтел запыхавшийся Бомбур и рванулся было к огням, но его удержали. В отличие от толстяка остальные гномы не забыли предостережений Беорна и Гэндальфа.

— Какой прок от еды, коли мы потом не выберемся из леса? — резонно заметил Торин.

— Мы умрем с голоду, прежде чем выберемся, — откликнулся Бомбур, и Бильбо не мог с ним не согласиться. Долго спорили; наконец решили послать двоих на разведку — пускай подберутся к огням и выяснят, что там такое. Но никак не могли договориться, кто пойдет: никому не хотелось потеряться в Лихолесье. Все решил голод, тем более что Бомбур вновь принялся перечислять все те яства, которые отведывал во сне. Отогнав страхи, путники вместе сошли с тропы.

Из осторожности легли на землю и поползли. Огни оказались факелами, освещавшими большую поляну, посреди которой пылал костер. Вокруг костра на деревянных колодах сидели какие-то существа, по виду — эльфы, в зеленокоричневых нарядах. Эльфы ели, пили и весело смеялись.

Аромат жаркого был настолько силен, что гномы не сговариваясь встали и направились к костру с единственной мыслью — получить хотя бы кусочек мяса. Но едва они ступили на поляну, все огни погасли. Очутившись в непроглядном мраке, гномы принялись искать друг друга. Блуждали наугад, падали, натыкались на деревья, кричали так, что наверняка перебудили весь лес, но все-таки сошлись и убедились на ощупь, что все в сборе.

К тому времени, понятное дело, они совсем забыли, в какой стороне тропа, и поняли, что безнадежно заблудились — по крайней мере, до утра.

Уходить среди ночи с поляны было бы сущим безумием, поэтому решили спать прямо здесь. Но стоило Бильбо задремать, как Дори, которому выпало первым стоять в дозоре, громким шепотом возвестил:

— Опять огни! Еще больше!

Все вскочили. И правда, поблизости опять светились огни, слышались голоса и смех. Путники выстроились цепочкой, каждый ухватился рукой за плечо стоявшего впереди, и пошли на свет.

— На рожон не лезьте! — предупредил Торин. — Мы пошлем господина Торбинса. Уж его-то не

испугаются. («Верно, — подумалось Бильбо, — кто испугается такого малыша?») Надеюсь, ему ничего не сделают.

Вероятно, Бильбо просто подтолкнули в спину, и он вывалился из кустов на залитую светом поляну, не успев надеть кольцо. Все огни разом погасли, и воцарилась кромешная тьма.

Опять поднялся крик. Гномы никак не могли найти хоббита. Сколько ни пересчитывали, у них все время выходило тринадцать вместо четырнадцати.

— Бильбо Торбинс! — кричали они. — Эй, хоббит! Ты, добытчик несчастный! Чтоб тебе пусто было, где ты? — И так далее.

Когда им стало казаться, что хоббит сгинул без следа, Дори просто-напросто споткнулся об него. Сперва гном решил, что налетел на бревно, и лишь чуть погодя сообразил, что это — свернувшийся калачиком и крепко спящий господин Торбинс. Совместными усилиями Бильбо разбудили, что ему совсем не понравилось.

— Мне снился чудесный сон! — пробурчал он. — Столько еды!

— Великое небо! Хватит с нас одного Бомбура! Что толку в твоей еде — ведь ее не попробуешь.

— Все равно приятно, — откликнулся Бильбо,

укладываясь рядом с гномами. — Хоть во сне поесть.

Толком поспать не удалось, огни в лесу вспыхнули в третий раз. Среди ночи Кили растолкал товарищей со словами:

— Я видел свет! Вон там! Слышите, поют?

Послушав некоторое время, путники не смогли удержаться и решили вновь попытать счастья. Но удача, как видно, совсем от них отвернулась.

На поляне пировали эльфы, и этот пир был роскошнее двух предыдущих. Во главе пирующих сидел лесной король. Его золотистые волосы украшал венец из листьев, и он был очень похож на короля из сновидений Бомбура. Эльфы передавали из рук в руки чаши с вином. Одни играли на арфах, другие пели. На воротниках и перевязях сверкали самоцветы, в волосы были вплетены цветы, на лицах играли улыбки. И вот, под звуки эльфийской мелодии, на поляну вступил Торин Дубовый Щит.

Музыка оборвалась. Факелы потухли. Костер полыхнул черным дымом и тоже погас. В глаза гномам полетели уголья и зола, и лес вновь огласился воплями.

Немного погодя Бильбо понял, что бегает по поляне (как ему показалось, кругами) и зовет:

— Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Фили, Кили, Бифур, Бофур, Бомбур, Балин, Двалин, Торин Дубовый Щит!

Гномы, которых он не видел в темноте, изредка кричали:

— Бильбо!

Но их крики постепенно отдалялись. Бильбо еще почудилось, что кто-то зовет на помощь, а потом все стихло, и он остался в темноте один.

* * *

Положение — хуже не придумаешь. Впрочем, Бильбо быстро убедил себя, что, пока не рассветет, о поисках гномов нечего и думать, а значит, бегать в темноте по лесу — занятие совсем бессмысленное. Хоббит сел, прислонившись спиной к дереву, и предался воспоминаниям о своей уютной норке с ее изобильными кладовыми. Грудинка, яичница, хлебцы с маслом… И тут он ощутил чье-то прикосновение. Что-то опутало его левую руку, да и ноги оказались связанными. Это Бильбо выяснил, когда попытался вскочить — и упал.

На него бросился огромный паук, исподтишка подкравшийся в темноте. Самого паука Бильбо, конечно, не различал — видел лишь бледно-

зеленые глаза да чувствовал омерзительные прикосновения волосатых лап. По счастью, хоббит вовремя очнулся от грез, иначе вскоре он вообще не смог бы пошевелиться. Завязалась битва не на жизнь, а на смерть. Бильбо отбивался кулаками, а паук норовил укусить хоббита.

Так продолжалось довольно долго — покуда Бильбо не вспомнил про меч. Стоило хоббиту обнажить клинок, мерзкий паучище попятился. Бильбо разрезал паутину на своих ногах, вскочил и ринулся в атаку. По всей видимости, паук никогда не имел дела с существами, которые носят жало на боку. Хоббит поразил злобную тварь прямо в глаз. Паук задергался всем телом, запрыгал, вскидывая лапы, точно обезумевший; Бильбо нанес еще один удар — и рухнул в беспамятстве навзничь.

В себя он пришел уже утром. Рядом с ним возвышалась громадная паучья туша, клинок был весь в чем-то черном. Победа над гигантским пауком, одержанная в одиночку, без чьей-либо помощи, придала господину Торбинсу уверенности. Ему ни капельки не было страшно; вытирая об траву меч, он понял, что готов сразиться с целой ордой пауков.

— Я дам тебе имя, — сказал хоббит мечу, вкла-

дывая его в ножны. — Я назову тебя Жало.

И он отправился на разведку. Лес был мрачен и тих; поблизости гномов не оказалось. Должно быть, они попали в плен к эльфам. Хорошо, если к эльфам; а если к кому похуже? Аукать, пожалуй, не стоит… Бильбо остановился, прикидывая, в какой стороне тропа.

— Говорили же нам Беорн с Гэндальфом! — пробормотал он. — А мы таки попались! Бедный я, бедный! Один-одинешенек в этом жутком лесу!

Наконец он худо-бедно определился и решил двигаться в ту сторону, откуда ночью как будто донесся крик о помощи (могу сказать откровенно — он не ошибся в своих предположениях; точнее, ему повезло). Бильбо надел кольцо и крадучись тронулся в путь. Вы уже знаете, что хоббиты, когда захотят, умеют передвигаться почти беззвучно. Вот поэтому пауки его и не заметили.

Впереди вдруг возникла густая тень, необычная даже для Лихолесья, сущий обрывок ночного мрака. Подкравшись поближе, хоббит разглядел, что тень образуют громадные, сплетенные в одно целое тенета паутины. На ветвях деревьев восседали здоровенные пауки. Кольцо кольцом, но Бильбо вздрогнул при одной только мысли о том, что будет, если эти гнусные твари его заметят.

Он укрылся за деревом и стал прислушиваться к паучьим разговорам. Да, пауки разговаривали, точнее, шипели — тонкими визгливыми голосами. Многих слов было не разобрать, но говорили они о гномах.

— Драка была приличная, но дело того стоило, — сказал один. — Шкуры у них, конечно, жесткие, зато внутри, бьюсь об заклад, вкусный сладкий сок.

— Вот еще немножко подвянут, — мечтательно протянул второй.

— Главное — не передержать, — вставил третий. — Не такие уж они жирные. Верно, не слишком хорошо их кормили.

— Убить, и все дела, — заявил четвертый. — Прямо сейчас, и пусть себе висят, дохленькие.

— Да они и так дохлые, — отозвался первый паук.

— Да? Я своими глазами видел, как один трепыхался. Очухался, видать, ну и задергался. Гляди!

Жирный паук побежал по нити, тянувшейся к толстому суку, с которого свисала дюжина мешков. Бильбо ужаснулся — он только теперь заметил, что из мешков торчат ноги, концы бород, носы и гномьи колпаки.

Паук подошел к самому большому мешку («На-

верняка это бедный старый Бомбур», — подумал хоббит) и щелкнул по торчавшему из горловины носу. Раздался приглушенный вопль, мешок зашевелился и ловко пихнул паука. Зашипев, как проколотый мяч, разъяренный паук свалился с ветки и повис на своей нити. Бомбур был жив!

Остальные пауки загоготали.

— Ты был прав, приятель! Гляди-ка, а мясцо-то пинается!

— Я ему попинаюсь! — прошипел разгневанный паук, забираясь обратно на ветку.

* * *

Бильбо понял — нужно что-то срочно предпринять. Но вот что? Нападать с мечом на такую ораву было глупо, стрелять не из чего; оглядевшись, он заметил в русле пересохшего ручья россыпь камней. Бильбо с мальчишеских лет славился среди хоббитов своей меткостью; белки, кролики и птицы, едва завидев его, разбегались и разлетались в разные стороны. Да и войдя в возраст, он не забросил детскую забаву — кидал дротики, стрелял из лука, играл в кегли, словом, наращивал глаз. У него многое получалось — он умел не только выпускать кольца дыма, загадывать загадки и вкусно готовить; я все собираюсь

рассказать о нем поподробнее, да как-то недосуг. Короче говоря, Бильбо подобрал гладкий камешек точно по руке и, когда паук добрался до Бомбура, метнул изо всех сил. Камень угодил пауку промеж глаз. Тварь рухнула наземь и замерла в неподвижности.

Следующий камень со свистом рассек паутину и насмерть поразил сидевшего в ее центре паука. Прочие твари забеспокоились и на время забыли о гномах. Они не могли видеть Бильбо, но быстро определили, откуда летят камни, и начали окружать хоббита, выпуская свои клейкие нити. Бильбо поспешно сменил укрытие. Он задумал увести разъяренных пауков как можно дальше от гномов. Около пятидесяти тварей собралось у того дерева, за которым он прятался раньше. Бильбо забросал их камнями, а потом, пританцовывая, запел — чтобы сильнее разозлить пауков и чтобы дать гномам знать о себе. Пел он вот что:

Эй ты, старый паучище-толстобрюх,
Не лови ты, паучище, дохлых мух!
Паучина! Паучина!
Не страшна мне паутина!
Вот он – я! Беги за мной во весь дух!

Эй ты, старый паучок-дурачок,
Не поймаешь ты меня, паучок.
Паучина! Паучина!
Дурачина! Дурачина!
Не повесишь ты меня на сучок!

Конечно, песенка получилась неказистой, но не судите слишком строго — ведь Бильбо сочинил ее сам, да еще в такой обстановке! Как бы то ни было, своего он добился. Пауки бросились за ним. Одни соскользнули на землю, другие перепрыгивали с дерева на дерево, выпуская все новые нити. Они клюнули на приманку гораздо быстрее, чем того ожидал хоббит, потому что пришли в дикую ярость. Кому это понравится, когда в тебя кидаются камнями, потешаются над тобой и называют «дурачиной»?

Бильбо метнулся в сторону, однако пауки разбежались по всей поляне и принялись заплетать паутиной проходы между стволами деревьев. Должно быть, они рассчитывали заманить невидимого врага в сети. И тут Бильбо, набравшись храбрости — или дерзости? — запел новую песенку:

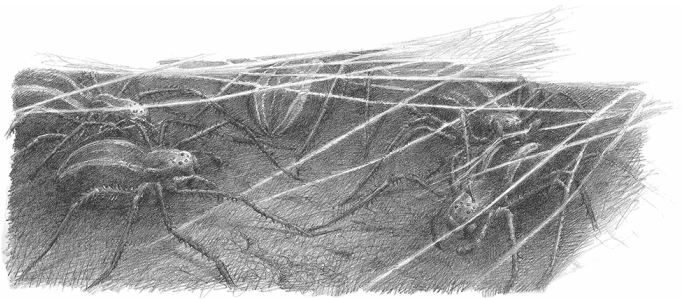
Остолоп и Дурошлеп

Ловят меня в сетки, –
А я очень, очень сочен! –
Только сетки редки!

Эй! Давайте, не зевайте,
Вы, простофили!
Не поймать вам эту птаху,
Сколько б ни ловили!

Обернувшись, он увидел, что пауки заплели и последний свободный проход. По счастью, паутина была хлипкой — всего лишь две или три толстые нити. Хоббит легко перерубил их мечом и убежал с поляны, продолжая распевать свою песенку.

Меч пауки заметили, хотя и вряд ли поняли, что это такое. Целая свора ринулась вслед за хоббитом по земле и по деревьям: волосатые лапы так и мелькали, челюсти клацали, глаза сверкали от ярости. А хоббит, ускользнув от погони, тихонько вернулся обратно, предоставив паукам разыскивать его по всему Лихолесью.



Времени у него было в обрез — пока пауки не разобрались, что к чему, и не возвратились в свое логово. Но он твердо решил, что должен освободить гномов. Труднее всего оказалось взобраться на то дерево, на котором висели мешки. Вряд ли у Бильбо это получилось бы, когда б не паучья нить, толстая и прочная; по ней он и вскарабкался, содрав себе кожу на ладонях. На дереве его встретил старый и злобный толстопузый паук, которого оставили стеречь пленников. Это гнусное существо ощупывало гномов, проверяя, кто из них сочнее, — видимо, оно хотело попировать на воле в отсутствие остальных. Прежде

чем сторож успел что-либо сообразить, господин Торбинс нанес удар, и паук бездыханным рухнул наземь. Теперь следовало прикинуть, как вытащить гномов из мешков. Если перерубить веревки, несчастные гномы попросту попадают на землю, до которой совсем не близко. Бильбо прополз по ветке — мешки с гномами внутри закачались, точно спелые плоды — и осторожно подобрался к первому мешку.

«Наверно, Фили или Кили, — подумал он, глядя на торчавший из мешка кончик голубого колпака, из-под которого высовывался нос. — Вон какой нос длинный. Скорее всего, Фили».

Скорчившись в три погибели, хоббит осторожно разрезал опутывавшую гнома паутину. Извиваясь ужом, Фили кое-как выбрался из мешка. Боюсь, Бильбо не смог удержаться от смеха при виде гнома, словно кукла на веревочках дрыгающего затекшими руками и ногами. В скором времени Фили достаточно оправился и принялся помогать хоббиту; впрочем, толку от него было немного — паучий яд еще действовал. Чтобы сорвать с бровей остатки паутины, ему потребовалась целая вечность, а бороду он просто обкорнал своим мечом.

Вдвоем дело пошло быстрее. Освобожденные

гномы, все до единого, едва стояли на ногах — кто от усталости, а кто от слишком сильной дозы яда.

Освободить успели шестерых — Кили, Бифура, Бофура, Бомбура, Дори и Нори. Бедного Бомбура, самого толстого из всей компании, пауки так исщипали, что его не держали ноги — он плюхнулся на кучу листвы под деревом и остался на ней лежать.

Оставалось еще пять мешков. Но тут возвратились разгневанные пауки.

Бильбо успешно отразил первый натиск, сбросив тех, кто пытался влезть по стволу. К несчастью, он забыл надеть кольцо, которое снял, вытаскивая Фили, и теперь пауки увидели, кто их так долго дурачил.

— Вот ты какой, коротышка! — зашипели они. — Погоди, мы до тебя доберемся! Повисишь пару дней на ветке, сразу отучишься шутки шутить! И жало твое тебе не поможет!

Пока они шипели на Бильбо, гномы освободили из мешков своих товарищей, разрезая паутину ножами. Ясно было, что готовиться надо к худшему. Одно хорошо — светло, не то что ночью, когда их застали врасплох.

Вдруг хоббит заметил, что несколько пауков

собрались вокруг бедняги Бомбура и вновь опутывают гнома своими нитями. С громким криком он кинулся на тварей, цеплявшихся за ствол. Те отпрыгнули, а Бильбо напал на пауков, окруживших Бомбура. Его меч так и сверкал, словно радуясь битве! Полдюжины врагов пало, прочие отступили, оставив Бомбура хоббиту.

— Спускайтесь! — крикнул Бильбо гномам. — Скорее, не то вас схватят! — Он вовремя заметил пауков, которые вскарабкались на соседние деревья и уже исподтишка подбирались к ничего не подозревающим путникам.

Гномы поспешили последовать его совету. Кто слез, кто спрыгнул, кто попросту свалился. Бильбо понял, что, покуда они не придут в себя, на помощь особенно рассчитывать не приходится. Бифур и Бофур заботливо поддерживали Бомбура, а Бильбо сновал туда-сюда, размахивая клинком и отгоняя слишком уж ретивых пауков, которые окружили их со всех сторон.

Выбор был невелик — либо победа в сражении, либо плен и страшная смерть. Кое у кого из гномов были ножи и палки, все они умели метать камни, а у Бильбо был эльфийский кинжал. Пауки наступали, их отбрасывали, они наступали снова, не обращая внимания на погибших. Дол-

го так продолжаться не могло. Бильбо совсем выбился из сил, а из гномов лишь четверо достаточно твердо стояли на ногах. Пауки заметили, что противник слабеет, и, предвкушая торжество, принялись ткать паутину.

Хоббит понял, что ему придется посвятить гномов в тайну кольца. Другого выхода не было.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Я постараюсь увести пауков подальше, а вы бегите в другую сторону. Лучше налево — по-моему, как раз там мы в последний раз видели костры эльфов.

Одуревшие от паучьего яда, смертельно уставшие гномы не сразу сообразили, к чему их призывают, но объяснять все снова времени не было — пауки приближались. Бильбо надел кольцо на палец — и пропал, к великому изумлению своих товарищей.

Вскоре справа послышалась песенка. Пауки взбеленились настолько, что дружно повернулись в ту сторону, откуда доносился голос. Тогда Балин, лучше других усвоивший план Бильбо, дал сигнал, и на пауков обрушился град камней. Гномы устремились вперед — и прорвали окружение!

Пауки сообразили, что их провели, и бросились в погоню, тем более что невидимый обидчик

перестал петь. Бежать быстро гномы не могли, а пауки наседали. То и дело приходилось останавливаться и сражаться с особо настырными. Некоторые твари вновь взобрались на деревья и выпускали оттуда длинные нити паутины.

Вдруг откуда ни возьмись появился Бильбо и напал на изумленных пауков с фланга.

— Бегите! — крикнул он. — Я их чуток пожалю!

Хоббит сдержал обещание. Он то появлялся, то исчезал, перерубал нити и лапы, протыкал паучьи животы, выкалывал глаза. Пауки раздувались от ярости, шипели, захлебывались слюной, омерзительно бранились — но меч Бильбо так их напугал, что они не осмеливались подступать слишком близко. Тем временем гномы медленно, мучительно медленно удалялись. Сражение длилось не час и не два. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что уже не может удержать в руке меч, пауки неожиданно отстали от них и направились к своему логову.

Лишь тогда хоббит заметил, что они с гномами добрались до поляны, на которой прошлой ночью жгли свой костер эльфы. Чудилось, будто поляна эта — зачарованная, что ею правит доброе волшебство, и паукам оно вовсе не по нраву. Во

всяком случае, на поляне было немного светлее, да и ветви деревьев выглядели чуть тоньше, чем в остальном лесу.

Теперь можно было и отдохнуть. Все попадали наземь, не в силах вымолвить ни слова. А когда слегка отдохнули, гномы принялись расспрашивать Бильбо. Им хотелось узнать во всех подробностях, что это за кольцо и откуда оно взялось. Балин настаивал на том, чтобы хоббит заново рассказал про Голлума и про игру в загадки.

Впрочем, вскоре стали сгущаться сумерки, и гномы вспомнили о своем незавидном положении. Как отыскать тропу? Где раздобыть еду? Как выбраться из Лихолесья? Эти вопросы они задавали снова и снова, обращаясь к маленькому хоббиту. Как и предсказывал Гэндальф, их мнение о господине Торбинсе сильно изменилось к лучшему. Гномы словно ждали, что хоббит возьмет и предложит им какой-нибудь чудесный план спасения.

Они даже не ворчали, ибо прекрасно понимали, что обязаны Бильбо жизнью. Хоббита благодарили много-много раз, даже пытались кланяться, после чего падали и долго не могли подняться. Их уважение к Бильбо ничуть не уменьшилось,

когда он рассказал им о своем кольце. Подумаешь, кольцо! Такой штуковиной еще надо суметь воспользоваться! Тут ум нужен!

Словом, они так восхваляли хоббита, что он чуть было не возомнил себя бесстрашным искателем приключений. Точнее, наверняка возомнил бы, если было бы чем утолить голод. На сытый желудок, как говорится, чего только не пригрезится! А так — мысли Бильбо все время возвращались к утерянной тропе. Он сидел, глядя перед собой, и потихоньку клевал носом от усталости. Следом начали засыпать и остальные.

Не спалось лишь Балину. Его товарищи уже храпели, а он все хихикал и бормотал себе под нос:

— Нет, ну надо же! Голлум! Вот, выходит, как он проскочил мимо меня. А я-то, старый дурак! Хитрец ты, господин Торбинс, ой хитрец! Говоришь, пуговицы потерял? Хитрюга Бильбо… Бильбо… бо… бо…

Заснул и Балин. Все было тихо и спокойно. Вдруг Двалин открыл глаза, сел и огляделся.

— Где Торин? — спросил он.

Вот ужас! Ну конечно же, их всего тринадцать — двенадцать гномов и хоббит. А должно быть четырнадцать! Куда мог деться Торин, какая

злая судьбина его постигла? Гадали и вспоминали долго, но так ничего и не вспомнили. Потом усталость взяла свое, они заснули, и всем снились страшные сны.

С вашего разрешения мы оставим их спящими на лесной поляне, слишком измученных, чтобы выставить дозор.

Торина поймали раньше остальных. Помните, как Бильбо ввалился в круг света, как погасли огни и как хоббит заснул? В следующий раз Торин решил потолковать с эльфами сам. Его тоже постигла неудача, и он тоже заснул и не слышал ничего — ни криков, ни шума битвы. А потом на него наткнулись лесные эльфы и унесли в свои пещеры.

Да, существа, пировавшие ночью в лесу, были лесными эльфами. Злыми их никак не назовешь, просто они настороженно относятся к чужакам, несмотря на то что весьма сведущи в магии. Они приходятся дальними родичами Вышним Эльфам, но уступают тем в мудрости. Свой род они ведут от древних племен, никогда не покидавших Срединный Мир ради чудесной страны, что лежит на крайнем западе. В той стране некогда обосновались три племени эльфов — светлые эльфы, подземные и морские; из поколения в

поколение эти племена накапливали мудрость, создавали свою магию и учились творить прекрасные вещи. Некоторые из них со временем вернулись в Срединный Мир. А лесные эльфы никогда его не покидали. Им светили луна и солнце, но они больше любили звезды и часто бродили по ночам в лесах, которых ныне уже не найти. Селились они обычно на опушках, а в глубь лесов забирались, чтобы поохотиться; но с появлением людей вынуждены были уйти в чащобы и буреломы. Как бы то ни было, эльфы всегда остаются эльфами, и злыми они попросту не бывают.

В большой пещере в нескольких милях от восточной опушки Лихолесья пребывал верховный король лесных эльфов. У высоких каменных врат его обители текла река, бравшая начало в северных холмах и впадавшая в болото. Огромная пещера со множеством ответвлений уходила глубоко под землю; ее перегородили и разделили на залы. В ней было куда светлее и дышалось куда легче, нежели в подземелье гоблинов. Вообще-то подданные короля жили не в пещере, а в лесных хижинах или на деревьях, чаще всего — на буках. Королевская же пещера служила дворцом, крепостью и сокровищницей.

А еще — тюрьмой. Именно в пещеру приво-

локли Торина. Обходились с ним не слишком вежливо, ибо эльфы недолюбливают гномов. В былые дни они частенько ходили на гномов войной, утверждая, что те крадут их сокровища. Гномы, понятное дело, не соглашались с этим. «Мы только берем свою долю, — утверждали они. — Ваш король делал большие заказы, а потом отказался платить за работу». Надо сказать, король эльфов питал слабость ко всяким сокровищам, в особенности к серебру и самоцветам. Ему хотелось иметь столько же сокровищ, сколько было у эльфийских князей древности. А еще любому гному было известно, что эльфы — бездельники, только и умеют, что потешаться да горланить песни: самоцветов не добывают, торговать не торгуют, землю не пашут.

Торин все это отлично знал, но все равно не ожидал, что с ним станут обращаться как с мелким воришкой: он-то думал, что Торина Дубового Щита примут с подобающим уважением — ведь его род никогда не враждовал с эльфами. Поэтому он сильно разгневался и решил не отвечать ни на какие вопросы (тем более что так проще будет скрыть от короля истинную цель похода к Одинокой Горе).

Торина подвели к королю. Тот сурово поглядел на гнома и принялся расспрашивать. На любой вопрос Торин отвечал, что умирает с голоду.

— Почему ты и те, кто был с тобой, трижды пытались напасть на моих подданных? — спросил король.

— Мы всего лишь хотели попросить еды, потому что умирали с голоду.

— Где теперь твои дружки?

— Не знаю. Наверно, умирают с голоду в лесу.

— Что вы делали в нашем лесу?

— Мы умирали с голоду и решили поискать еду.

— А что вас вообще сюда привело?

Торин не ответил.

— Вот и прекрасно, — сказал король. — Посадите его в темницу и не выпускайте, пока не станет поразговорчивее. Ты упрям, но мы еще упрямее.

Эльфы заковали Торина в кандалы и посадили его в одну из нижних пещер за крепкие дубовые двери. Пленника не преминули накормить и напоить, и неудивительно, ведь эльфы — отнюдь не гоблины, они заботятся о своих врагах, когда те попадают к ним в плен. Единственные, кого они убивают без жалости, — это гигантские пауки.

Итак, Торин очутился в королевской темнице.

Поблагодарив за хлеб с мясом и воду, он погрузился в размышления, гадая, что сталось с его спутниками. Вскоре он все узнал, но это уже новая глава, где речь пойдет о новом приключении, в котором Бильбо Торбинс опять доказал, на что способен маленький хоббит.

Глава IX
Верхом на бочонке

* * *

На следующее утро двенадцать гномов и хоббит снова двинулись в путь, понимая, что если вскоре не найдут тропу, то наверняка умрут с голоду. Восьмеро из тринадцати считали, что тропа лежит вон в той стороне; туда и пошли, едва переставляя ноги. Однако выяснить, верно ли это, так и не удалось: под вечер, когда сгустились

сумерки, вокруг десятками алых звездочек замерцали факелы. Из-за деревьев выступили лесные эльфы с луками и копьями в руках.

Пришлось остановиться. Сопротивляться никто и не думал. Наоборот, гномы устали настолько, что восприняли плен как долгожданное избавление — ведь известно было, что эльфы хорошо относятся к своим пленникам; и потом, куда было гномам с их ножами против эльфийских стрел и копий? Поэтому они покорно дали себя связать. Но Бильбо был другого мнения. Он поспешно надел кольцо, и даже эльфы, видевшие в темноте, как совы, не заметили хоббита.

Пленным завязали глаза (непонятно зачем — гномы и без того совершенно не представляли себе, в какой части Лихолесья находятся) и погнали через лес. Бильбо шел следом, стараясь не отставать — и не попасть невзначай в круг света, отбрасываемого факелами. Потом он все же отстал и нагнал отряд уже у моста, перекинутого через темную бурную реку. Этот мост вел к королевскому дворцу, и на дальнем его конце, в склоне высокого лесистого холма, виднелись ворота. Перед мостом выстроились огромные буки, их корни спускались к самой воде.

Эльфы перегнали пленников через мост. Биль-

бо помедлил — уж очень ему не понравились ворота, живо напомнившие вход в подземелье гоблинов. Но он сумел преодолеть страх и кинулся за товарищами, которых уводили в глубь пещеры. Как раз вовремя — едва хоббит проскочил в проем, громадные створки с лязгом захлопнулись.

В извилистых гулких коридорах горели факелы; эльфы запели, и по коридорам пошло гулять эхо. Это подземелье оказалось ничуть не похожим на логово гоблинов: оно было гораздо меньше и уютнее, и дышалось в нем легко. Пленников привели в просторную залу с каменными колоннами. Там стоял резной трон, на котором сидел король эльфов. На голове у него был венец из ягод и багряных листьев (это означало, что наступила осень; по весне королевский венец сплетали из лесных цветов), а в руке он держал резной дубовый жезл.

Сурово поглядев на пленников, король велел развязать их.

— Никуда они не убегут. Только посмотрите на них — они ведь едва живые от усталости. Да и наши зачарованные врата их не выпустят.

Король долго и настойчиво расспрашивал гномов — кто они такие, куда и зачем идут, но узнал не больше, чем от Торина. Гномы были настолько

рассержены, что не стеснялись в выражениях.

— Чем мы провинились, государь? — спросил Балин на правах самого старшего. — Разве заплутать в лесу — преступление? Или мы виноваты тем, что чуть не умерли с голоду? А может, это ты натравил на нас проклятых пауков?

Разумеется, король разгневался.

— Вы посмели войти в мой лес без дозволения! — промолвил он. — Лес, река, дорога, по которой вы шли, — все здесь принадлежит мне. На вашем месте мне было бы стыдно! Разве не вы позапрошлой ночью трижды нападали на моих подданных? Разве не вашими стараниями сюда сбежались все окрестные пауки? Владыка Лихолесья требует ответа — что привело вас в его владения? Молчите? Ну что ж, темница и не таких, как вы, учила уму-разуму и хорошим манерам!

Он велел накормить гномов, развести их по камерам и не выпускать, пока хоть один не образумится и не станет сговорчивее.

Как вы, должно быть, заметили, король ни словом не обмолвился о том, что Торин Дубовый Щит — тоже в плену у эльфов. Но гномы недолго оставались в неведении. Их выручил Бильбо.

* * *

Бедный господин Торбинс! Сколько утомительно долгих дней провел он во дворце короля эльфов, изнывая от одиночества и страха! Кольца он не снимал, даже в самых темных закоулках подземелья, и почти не смыкал глаз. Чтобы хоть чем-то заняться, хоббит бродил по дворцу или выбирался порой за ворота — что называется, размяться (бросать гномов в беде он не собирался, да и не представлял себе, что будет без них делать). Конечно, ворота были зачарованы, но эльфы во главе с королем время от времени отправлялись на охоту или куда-либо еще, и проворному хоббиту удавалось выскользнуть наружу следом за ними. Это было опасно, несколько раз Бильбо едва не прищемило створками — ведь он держался позади, чтобы никто не заметил его тени или случайно об него не споткнулся. Впрочем, вылазки удовольствия не доставляли. Бегать по пятам за эльфами не хватало сил; отставая, Бильбо начинал плутать, и ему стоило немалых трудов снова отыскать вход во дворец. Вдобавок охотиться он не умел, поэтому на воле голодал, а во дворце всегда можно было стащить что-нибудь вкусненькое из кладовой или, при случае,

прямо со стола.

«Я как вор, который никак не может выбраться наружу и потому, бедняга, вынужден день за днем грабить один и тот же дом, — думал господин Торбинс. — Пожалуй, это самое противное, самое ужасное из всего, что со мной до сих пор приключалось. Вот бы оказаться сейчас дома, у камелька! И зачем я только послушался Гэндальфа и связался с гномами!» Он горько жалел о том, что не может отправить магу весточку с мольбой о помощи. Как ни крути, по всему выходило, что рассчитывать господину Торбинсу не на кого — придется выпутываться самому.

Недели через две, обшарив весь дворец и ни разу не попавшись на глаза эльфам, Бильбо выяснил, где сидит каждый из гномов. Двенадцать камер — двенадцать пленников; каково же было удивление хоббита, когда из случайно подслушанного разговора он узнал, что в самой глубокой темнице король держит еще одного гнома! Хоббит сразу догадался, что речь идет о Торине. И он сумел отыскать эту темницу, улучил благоприятный момент, когда рядом никого не было, и через дверь дал о себе знать предводителю гномов.

Торин пребывал в подавленном настроении — подумывал даже о том, не открыть ли королю

эльфов истинную цель похода к Одинокой Горе. Сами видите, он совсем пал духом — и тут из-за двери послышался писклявый голосок Бильбо! Торин едва поверил своим ушам. Впрочем, он быстро справился с изумлением, подобрался к двери, и они с хоббитом долго и обстоятельно побеседовали.

По поручению Торина Бильбо переговорил с остальными гномами, рассказал им, что их предводитель здесь и что он запрещает о чем-либо толковать с королем эльфов. Услыхав голос хоббита, Дубовый Щит снова стал самим собой и наотрез отказался от мысли выкупить себя и своих товарищей у эльфов за долю драконьих сокровищ. (Надо сказать, гномы рассуждали о сокровищах так, словно уже победили дракона и завладели его кладом.) К чему это малодушие, если господин Торбинс на свободе? Гномы все сильнее восхищались хоббитом и ни капельки не сомневались: тот что-нибудь да придумает.

Иными словами, случилось именно то, о чем говорил Гэндальф: мол, вы меня еще благодарить будете за то, что я привел господина Торбинса. Возможно, маг предвидел, как повернутся события, и уехал еще и для того, чтобы не мешать хоббиту показать себя во всей красе.

Бильбо, однако, не разделял надежд гномов. Ему вовсе не нравилось быть палочкой-выручалочкой. В конце концов, он же не Гэндальф! Ах, если бы маг был сейчас рядом! Но ищи его свищи, этого Гэндальфа. Ускакал небось неведомо куда; эка невидаль — Лихолесье, у магов полно других забот… Бильбо думал и думал, да так, что голова чуть не лопнула, но ни единой стоящей мысли не приходило. Спору нет, кольцо, которое делает владельца невидимым, штука замечательная; но на полтора десятка пленников одного кольца маловато. В общем, хоббит весь извелся.

Вы, конечно, догадываетесь, что он все-таки спас своих товарищей. Вот как это случилось.

Блуждая по закоулкам пещерного дворца, Бильбо выяснил очень любопытную вещь: оказывается, ворота за мостом были не единственным входом в пещеру! У лесной реки был приток, вытекавший из пещеры чуть восточнее крутого склона, в котором располагались ворота. Там, где подземный поток вырывался наружу, имелось отверстие, перекрытое решеткой. Но эту решетку частенько поднимали, ибо эльфы предпочитали не возить грузы через лес, а сплавлять их по реке. Вдоль русла подземного потока, по темному подземному коридору, можно было проникнуть

в недра холма. В сводах этого коридора имелись дубовые люки, открывавшиеся в королевские винные погреба, где стояли сотни, если не тысячи, бочонков с вином. Лесные эльфы вообще, а их король — в особенности, были большими охотниками до вина. Однако в здешних краях виноград не рос, поэтому вино, вместе с другими товарами, приходилось доставлять издалека — покупать у южных эльфов или у людей.

Притаившись за одним из бочонков, Бильбо присматривался и прислушивался. Вскоре он рассмотрел, как открываются задвижки на люках, а из болтовни королевских слуг понял, каким образом вино попадает в пещеру. Его доставляют по воде или по суше к Долгому озеру, где стоит на сваях, далеко от берега, город людей — вода защищает его от всевозможных врагов, в первую очередь — от коварного Смога. Оттуда бочонки везут вверх по лесной реке на плотах или на плоскодонных лодках. Порожние бочки эльфы сбрасывают в подземный поток, затем открывают ворота, и вода несет тару к скалистому мысу у восточной опушки Лихолесья. Там бочки сбивают в плоты и гонят к Эсгароту — именно так называется город на воде, стоящий поблизости от того места, где лесная река впадает в Долгое озеро.

Прикинув так и этак, Бильбо понял, что бежать из пещеры все-таки можно; осталось лишь дождаться подходящего случая.

* * *

Однажды вечером эльфы накормили пленников и ушли, забрав факелы; коридоры погрузились во тьму, и Бильбо услышал, как королевский виночерпий пожелал доброй ночи командиру стражи.

— Пошли со мной, — пригласил виночерпий. — Тут на днях привезли свежее винцо. Я как раз собирался его отведать. Сам понимаешь, когда выпьешь, любая работа спорится. А мне сегодня нужно очистить погреб — слишком уж много пустой тары в нем накопилось.

— Пошли, — охотно согласился командир стражи. — Заодно проверим, годится ли это вино для королевского стола. А то нынче пир, не хотелось бы пить всякую дрянь.

Услыхав эти слова, Бильбо затрепетал от радости. Как удачно все складывается! Самое время бежать отсюда! Он пошел следом за эльфами. Те направились в маленький погребок, уселись за стол, на котором стояло два кувшина с вином, и, посмеиваясь, принялись за дело. Бильбо мыс-

ленно торжествовал. Чтобы одурманить лесного эльфа, вино должно быть достаточно крепким; «винцо» же, которым виночерпий потчевал командира стражи, прибыло из Дорвиниона и предназначалось для королевских пиров, а не для увеселений простых солдат и челяди, и пить его следовало маленькими чашами, а уж никак не кувшинами.

Вскоре командир стражи стал клевать носом, потом упал лицом на стол и крепко заснул. Виночерпий продолжал смеяться и болтать сам с собой, не обращая внимания на спящего собеседника; постепенно сон сморил и его. Хоббит прокрался внутрь. Хоп! — и командир стражи остался без ключей. Бильбо со всех ног бросился к камерам. Тяжелая связка оттягивала руки, сердце бешено колотилось — увидеть хоббита никто не мог, но ключи то и дело позвякивали, и Бильбо всякий раз обливался холодным потом.

Первым он выпустил Балина. Можете себе представить, как тот изумился и сколькими вопросами засыпал хоббита!

— Потом, потом, — отмахнулся Бильбо, вновь запирая дверь камеры. — Надо освободить остальных. Не отставай. Мы должны держаться вместе. Другой возможности бежать не будет.

Если нас поймают, я просто не знаю, что король эльфов с нами сделает! Будь паинькой, не спорь, пожалуйста.

Он двинулся дальше, перебегая от двери к двери. В конце концов все двенадцать гномов, кроме Торина, очутились на свободе. Стоило кому-нибудь из них наткнуться в темноте на другого, тут же сыпались проклятия, слышался раздраженный шепот, и сердце Бильбо уходило в пятки. «Вот ведь олухи! — подумалось ему. — Ну неужели нельзя вести себя потише!» По счастью, обошлось — никого из стражников они не встретили. Как и говорил начальник стражи, король эльфов устроил пир — великое осеннее пиршество, и почти все его подданные веселились сейчас в лесу.

После долгих блужданий добрались до темницы Торина.

— Ну и ну! — воскликнул Дубовый Щит, когда Бильбо шепотом пригласил его выходить. — Гэндальф, как обычно, оказался прав! Господин Торбинс, вам попросту нет равных в вашем ремесле. Что бы ни случилось, мы навсегда у вас в долгу. Но к делу! Куда мы идем?

Настало время поведать гномам план бегства. Бильбо опасался, что они его не одобрят,

и опасения оправдались. Гномы ни в какую не соглашались. Они настолько разволновались, что заговорили, ничуть не понижая голоса.

— Мы разобьемся! — твердили они. — Ты что, хочешь нас утопить? Мы-то думали, ты и вправду нашел выход! Это же безумие!

— Хорошо, — сердито заявил Бильбо. — Раз так, возвращайтесь в свои уютные темницы, я вас снова там запру, и придумывайте план получше, сколько вам угодно! Но учтите — в другой раз ключей у меня может и не оказаться.

Слова хоббита заставили гномов слегка утихомириться. В самом деле, что им еще оставалось — ведь через зачарованные ворота наружу не выбраться, а прятаться в самой пещере просто бессмысленно — рано или поздно все равно поймают. Следом за Бильбо гномы спустились в нижний погреб, пройдя мимо клетушки, где дружно храпели королевский виночерпий и начальник стражи. Они улыбались во сне — вино Дорвиниона навевало приятные сновидения. Должно быть, наутро лицо начальника стражи приобрело иное выражение, несмотря даже на то, что Бильбо вернул эльфу ключи.

— Все же так будет лучше, — рассудил господин Торбинс. — Эльф он неплохой и пленных

не обижал, посему, судари мои, не судите его слишком строго. Ну и шум завтра поднимется! Решат, видно, что мы — чародеи, все как один, раз сумели удрать. Вот именно, что удрать. Давайте поторапливайтесь, покуда нас не заметили!

* * *

Балина оставили на часах — следить за спящими эльфами: если те хотя бы шевельнутся, он должен был крикнуть. Остальные пробрались в погреб. Времени было в обрез; Бильбо знал, что скоро сверху явятся другие эльфы — помочь виночерпию сбросить пустую тару в воду. Посреди погреба стояли винные бочки. Они, к сожалению, не годились: открыть их было трудно, а закрыть — и того труднее. Впрочем, рядом выстроились бочонки поменьше; в них доставляли к королевскому столу масло, яблоки и прочую снедь.

Разыскали тринадцать бочонков, в каждом из которых мог поместиться гном. Некоторые оказались даже слишком просторными, и гномы принялись ворчать: дескать, теперь мы набьем себе шишек, — но Бильбо позаботился обо всем и ухитрился разыскать где-то солому. Наконец двенадцать гномов забрались внутрь, оставался

лишь Торин, который никак не мог устроиться, кряхтел и ворочался, точно большой пес в крохотной конуре. Едва Торин угомонился, как пришлось успокаивать Балина — тот заявил, что задыхается, хотя Бильбо еще не успел закрыть его бочонок крышкой. Хоббит заткнул дырки — те, которые заметил, — приладил крышки и стал прикидывать, не упустил ли он чего-нибудь важного. Да вроде нет, теперь остается только надеяться на лучшее…

Через несколько минут после того, как Бильбо закончил, послышались голоса, в коридоре замерцал свет. Смеясь и болтая между собой, в погреб вошли эльфы. Им явно не терпелось поскорее вернуться на веселый пир.

— Где старый Гэлион? — воскликнул один. — За столом его не было. Куда он подевался?

— Ему бы лучше объявиться, — отозвался другой. — Уж вы как хотите, а я тут не задержусь. Наверху гораздо веселее.

— Ха! — крикнул кто-то в коридоре. — Вот он, старый разбойник! У них тут с командиром стражи свое веселье! Напились и оба дрыхнут!

— Растолкай его! Нашел время спать! — нетерпеливо зашумели эльфы.

Гэлиону вовсе не понравилось, что его разбуди-

ли, и того меньше — что над ним потешаются.

— Вы опоздали, ребята, — проворчал он. — Я уж думал, вы вообще не придете, ну и заснул — от усталости.

— Немудрено заснуть после целого кувшина! — ответили ему. — Плесни-ка нам своего снотворного, чтобы лучше работалось! А твой дружок пускай спит, с него взятки гладки.

Пустили чашу вкруговую. Вино пришлось по вкусу, и эльфы развеселились пуще прежнего, однако головы не потеряли.

— Эй, Гэлион! Ты ничего не перепутал спросонок? Бочонки-то не пустые, вон какие тяжелые!

— Хватит языками молоть! — рассердился виночерпий. — Отвыкли работать, вот и мнится вам всякая ерунда! Тоже мне, тяжелые! Давайте, пошевеливайтесь!

— Как скажешь. — Эльфы принялись скатывать бочонки к люкам. — Если что, все равно тебе отвечать. Думаешь, королю понравится, если его яства достанутся людям?

Кати-кати-катите их,
Катите их, и вниз – бултых!
За одной еще одну –
Пусть идут, да не ко дну!

Так они напевали, скидывая бочонки один за другим в темный проем, в глубине которого тускло поблескивала вода. Бочонки с грохотом ударялись друг о друга, отскакивали от стен, плюхались в воду и уплывали вниз по течению.

Только тут Бильбо сообразил, что и вправду кое-что упустил в своих расчетах. Вы-то наверняка уже давно догадались, где он дал маху, и посмеиваетесь над бедным хоббитом; однако я вовсе не уверен, что вы на его месте сумели бы ничего не забыть. Разумеется — сам-то он остался в погребе, а гномы уже почти все отправились в путешествие по подземной реке! (Впрочем, даже заберись он заблаговременно в бочонок, кто бы приладил крышку?) Похоже, на сей раз Бильбо окончательно и бесповоротно остался в одиночестве. Ну, выберется он через верхние ворота, а дальше что? Как отыскать дорогу к Эсгароту на Долгом озере? Да, дела-делишки… И гномам не позавидуешь — без него с ними может случиться все, что угодно.

Между тем эльфы взялись за канаты, поднимавшие решетку в склоне холма. Как только все бочонки окажутся на плаву, их выпустят на волю. Эльфам было весело, они запели новую песню:

Неси вас темная струя

От нас в родные вам края,
Из наших подземельных зал,
От северных суровых скал,
Где широка лесная сень,
Где даже днем густая тень.
Ночная вас неси река
Сквозь лес и шепот ветерка,
А там по сторонам реки
Пойдут болота, тростники,
И от земли до звезд, бела,
Над топями клубится мгла,
А ночь темна и холодна,
И в небе звездочка одна.
Когда же над рекой заря
Взойдет, всю землю озаря,
Вы поверните-ка на юг!
На юг, на юг! Там зелен луг,
Стада пасутся у воды,
И на холмах цветут сады,
У ягод красные бока,
И солнце светит свысока.
Неси вас темная струя

На юг, в родные вам края!

К люку подкатывали последний бочонок. Теперь или никогда! Бильбо в отчаянии ухватился за него и вместе с ним ухнул — бултых! — в ледяную воду.

Хоббит вынырнул, а бочонок тут же, рядом, но как бедняга ни старался, взобраться на него не получалось: пустой и легкий, как пробка, бочонок кренился в разные стороны и крутился на месте, не давая себя оседлать. Еще какое-то время были слышны голоса эльфов, потом люк с грохотом захлопнулся, и Бильбо очутился в кромешной тьме, один-одинешенек — что проку в друзьях, когда все они сидят по бочкам?

Впереди возникло серое пятно, раздался скрежет — это поднималась решетка. Бочонки сбились в кучу у отверстия; Бильбо то и дело приходилось нырять, чтобы его не расплющило. Наконец затор рассосался. Один за другим бочонки проплывали под каменным козырьком и устремлялись вниз по течению. И тут Бильбо заметил нечто такое, от чего его бросило в дрожь: заберись он на свой бочонок — и поминай как звали, господин Торбинс: слишком уж узеньким, даже для хоббита, было свободное пространство между каменным козырьком и поверхностью

воды.

Течением тару вынесло под нависавшие над самой водой ветви деревьев. Бильбо гадал, как себя чувствуют гномы, сильно ли они промокли. «Надеюсь, я плотно приладил крышки», — подумал хоббит. Некоторые бочонки так глубоко сидели в воде, что сразу становилось ясно: в них что-то — или кто-то — есть.

Вода была ледяная, и вскоре у Бильбо уже зуб на зуб не попадал. Он совсем забыл о гномах, настолько его беспокоила собственная участь. Может, бросить бочонок и поплыть самому? Берег-то вроде близко… А если судорога? А если он замерзнет до смерти?

Ему вновь повезло: несколько бочек зацепились за прибрежную корягу и сбились в кучу. Воспользовавшись тем, что его бочонок на какой-то миг застыл в неподвижности, Бильбо наконец-то смог на него взобраться и — точно насквозь промокшая крыса — распластался на нем, раскинув руки, чтобы не потерять равновесие. Хотя ветер дул холодный, на бочонке было все же теплее, и хоббиту оставалось лишь надеяться, что он не свалится обратно в воду. Скоро бочонки оторвались от коряги и поплыли дальше. Как того и опасался Бильбо, удержаться было трудно, бочонок всячески норовил выскользнуть из-под хоббита. К счастью, господин Торбинс почти ничего не весил, а бочонок был довольно большой; вдобавок сквозь неплотно пригнанную крышку внутрь просочилось немного воды, и осадка худо-бедно помогала хоббиту. Но все равно это напоминало попытку прокатиться без узды и стремян на крутобоком пони, которому очень хочется поваляться в траве.

Мало-помалу завеса листвы по берегам становилась реже, сквозь нее проглянуло небо. И вдруг поток раздался вширь, слившись с лесной рекой, что катила свои воды мимо дворца, в котором частенько задавал пиры король эльфов. На тусклой

поверхности воды дробились отражения звезд и облаков. Течением всю флотилию бочек принесло к северному берегу, в который река врезалась широкой излучиной. Крутые склоны ниспадали к полосе гальки у самой воды, на востоке вдавался в реку скалистый мыс. Бочки выбросило на гальку, лишь некоторые по-прежнему болтались в воде.

Эльфы, поджидавшие на берегу, быстро перетащили всю эту тару на мелководье, пересчитали, связали вместе — и оставили до утра. Бедные гномы! Между тем господин Торбинс, успевший слегка согреться, соскользнул со своего норовистого «коня» и крадучись направился к домишкам, стоявшим неподалеку. Он настолько проголодался, что не раздумывая стащил бы прямо со стола первое, что подвернется под руку, — тут, наверное, сказывалась уже привычка, приобретенная за время путешествия. Кроме того, вблизи домов горел костер, у которого можно было обсушиться и обогреться.

* * *

О ночных похождениях Бильбо подробно рассказывать вряд ли стоит (ведь мы приближаемся к концу нашего повествования, и основная наша задача поведать о том, чем же завершился ве-

ликий поход гномов к Одинокой Горе), а в двух словах — на берегу произошло вот что: разумеется, при помощи кольца хоббиту поначалу все сходило с рук, но его присутствие очень скоро обнаружилось — по мокрым следам на полу и по громкому чиху, который он безуспешно старался подавить. И тогда в селении начался настоящий переполох. Бильбо сумел удрать и остаток ночи провел в лесу наедине с караваем хлеба, пирогом и кожаной флягой вина. Костер был далеко, но вино помогло согреться; хоббит даже прикорнул на груде палой листвы, и ночная прохлада не была ему в том помехой.

Проснувшись еще затемно оттого, что все-таки замерз, он чихнул громче прежнего. На реке весело гомонили эльфы-плотогоны, собиравшиеся гнать плот, составленный из бочек, вниз по течению, к Эсгароту. Бильбо со всех ног бросился туда. В общей суматохе ему удалось взобраться на плот незамеченным — солнце пока не взошло, значит, и тени не было, а желание чихать, неизвестно по чьей милости, вдруг пропало.

Эльфы дружно налегли на шесты. Бочки упорно не желали отходить от берега.

— Ну и тяжеленные! — проворчал кто-то из плотогонов. — Уж больно глубоко они сидят.

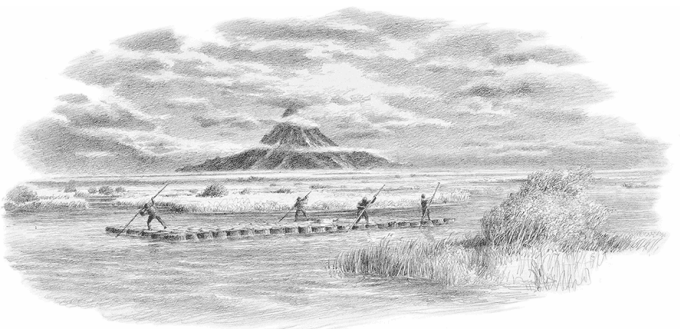
Заглянуть бы внутрь — может, там что вкусное…

— Некогда! — отрубил старший плотогон. — А ну, навались!

Наконец бочонки оторвались от берега, медленно миновали мыс (на мысу тоже стояли эльфы с шестами — на случай если плот окажется в опасной близости от камней), а потом поплыли все быстрее и быстрее, вошли в главное течение реки и устремились к Эсгароту.

Гномы сбежали из темницы эльфийского короля и выбрались из Лихолесья! Но живые или мертвые — этого пока никто не знал.

Глава X
Радушный прием



* * *

Плыли и плыли; потихоньку светало и становилось все теплее. Река обогнула крутой утес слева по течению, у подножия этого утеса пенились буруны. Вот утес остался позади, и вдруг поросшие лесом берега куда-то пропали! И тут Бильбо увидел!

Река словно распалась на сотни крохотных извилистых ручейков, на озерца и омуты, испещренные островками; впрочем, основное русло

сохранилось. От края до края раскинулась беспредельная равнина. А далеко впереди темным острием упиралась в облака гора. Ее ближайших соседей на северо-востоке отсюда видно не было, и она одиноко вздымалась над равниной. Одинокая Гора! Казалось бы, хоббит должен был обрадоваться, завидев цель путешествия — ведь он забрался в такую даль, преодолел столько препятствий, чтобы добраться до этой горы, — но она ему с первого взгляда не понравилась (и это еще мягко сказано).

Прислушиваясь к болтовне плотогонов, Бильбо понял: ему очень повезло, что он видит Одинокую Гору — хотя бы с такого расстояния. Выходило, что им с гномами (бедные, бедные гномы!) счастье улыбнулось гораздо шире, чем они о том догадывались. Плотогоны говорили о речной торговле, о том, что рекой пользуются все подряд — ведь дороги через Лихолесье исчезли или по ним не пройти; толковали о тяжбе людей с лесными эльфами — кому кто должен платить пошлину за речную торговлю. О том, что все здесь совсем изменилось с тех времен, когда под Горой обитали гномы (ныне для многих те времена казались всего лишь бабушкиными сказками). И даже вести о здешних делах, которые получал в

последние годы Гэндальф, уже изрядно устарели. Дожди замутили реку, случилось несколько землетрясений (некоторые утверждали, что во всем виноват дракон; кстати сказать, дракона поминали не иначе как с проклятием, кивая головой в сторону Горы), болота по берегам становились все обширнее, тропы исчезали одна за другой; пешие и конные, отправлявшиеся торить новые пути, пропадали без вести. Эльфийской тропой, той самой, которую Торин и компания избрали по совету Беорна, уже почти никто не пользовался. Одна лишь река служила безопасным путем от опушки Лихолесья к равнине в тени Одинокой Горы — пока реку охранял король эльфов.

Господин Торбинс, как видите, сам того не подозревая, выбрал единственную дорогу, не сулившую особо крупных неприятностей. Стучавший зубами от холода Бильбо наверняка был бы рад, узнав, что вести о судьбе гномов достигли ушей Гэндальфа и тот, спешно завершив все свои дела (нас они не касаются, поэтому говорить о них не будем), спешит на выручку Торину. Однако ничего этого хоббит не знал.

Известно же ему было вот что: он голоден и ужасно продрог, а река себе течет и течет, и никакого города не видно, а видно одну только Гору,

мрачную, жуткую Гору. Река повернула к югу, и Гора, по счастью, несколько отдалилась.

Уже под вечер все ручьи и ручейки снова слились в один могучий поток, который с ревом устремился вперед меж крутых каменистых берегов.

На закате, в последний раз плавно повернув на восток, лесная река ворвалась в Долгое озеро. Устье оказалось широким, на обоих берегах возвышались, подобно утесам, каменные ворота, у их подножия была насыпана галька. Долгое озеро! Бильбо и представить себе не мог, что оно окажется поистине необъятным — как море. Противоположный берег едва угадывался, дальнего, северного конца вообще не было видно. Бильбо вспомнил карту: вон в той стороне, там, где мерцают звезды Повозки[5], впадает в озеро река Бегущая; ее воды вместе с водами лесной реки и питают Долгое озеро, возникшее на месте глубокого ущелья. У южной оконечности озера вода вновь вырывается на простор и мчится в незнаемые края. Оттуда, с юга, доносился в вечерней тишине приглушенный гром — то грохотали водопады.

---

[5] Сноски: 5
Созвездие Большой Медведицы.

Неподалеку от устья лесной реки, в бухте, защищенной скалистым мысом, стоял диковинный город, о котором и упоминали эльфы в разговоре, подслушанном хоббитом в винных погребах королевского дворца. На берегу, на суше, ютилось всего несколько домов, а сам город поставлен был на воде — точнее, на деревянном помосте, который поддерживало множество толстых свай; на берег был переброшен длинный мост. В городе жили люди. Это были отважные люди, которые не устрашились дракона. Они торговали с эльфами, жившими в верховьях реки, продавали им поступавшие с юга товары, но торговля ныне была уже не та, что в прежние дни, когда на севере процветал богатый город Дол. В те времена сюда частенько приходили целые флотилии, одни корабли доставляли золото, а другие — воинов в доспехах; в те времена велись войны и творились дела, давно ставшие преданиями. Теперь в засуху из воды выступали гнилые столбы старого помоста — ничего больше от великого когда-то города не осталось.

Впрочем, жители озерного города редко вспоминали обо всем этом. Правда, некоторые, случалось, пели песни о гномах Троре и Траине из племени Дарина, о драконе, о разрушении

славного Дола. Находились и такие, кто слагал песни о грядущем возвращении Трора и Траина: дескать, из горных врат тогда потоком хлынет золото, и на равнине вновь поселятся люди и зазвучит смех. Разумеется, это были всего лишь песенки, красивые сказания, и относились к ним соответственно — только бы делу не мешали.

* * *

Едва из города заметили плот, сразу появились лодки, с которых приветствовали плотогонов. Вскоре бочки вывели из основного течения и отогнали в бухту, к причалу. Часть тары должны были забрать люди с востока, а оставшуюся горожане вновь наполнят товарами, и эльфы доставят их в свою пещеру в лесу. Пока же плот просто привязали к причалу, а плотогоны вместе с встречавшими отправились в город на пиршество.

Когда б им довелось увидеть, что случилось на берегу с наступлением ночи, они бы наверняка изумились, если не перепугались. Бильбо выволок на мелководье первый из тех бочонков, что особенно глубоко сидели в воде. Изнутри слышались стоны; когда крышка упала в воду, из бочонка вылез измученный гном. В растрепанной бороде торчала мокрая солома, взгляд

был дикий, как у пса, которого посадили на цепь, а потом целую неделю не обращали на него внимания; ноги гнома подкашивались — кое-как добравшись до берега, он со стоном рухнул навзничь. Это оказался Торин Дубовый Щит, но узнать его можно было только по золотой цепи да по колпаку с серебряной кисточкой, некогда небесно-голубому, а теперь грязному и рваному. Путешествие в бочонке настолько изнурило Торина, что он не сразу понял, кто перед ним стоит, и его первые слова были не слишком вежливыми.

— Вы живы или нет, сударь мой Торин? — рассердился Бильбо. Наверное, он просто забыл, что сам-то успел перекусить и вдоволь надышаться свежим воздухом, что у него руки и ноги не затекли. — Поймите наконец, мы на свободе! Коли вы по-прежнему хотите добыть свой клад — он ведь ваш, а не мой, — разотрите-ка ноги и подсобите мне освободить остальных, покуда нас никто не видит.

Разумеется, Торин внял голосу разума, со стоном поднялся и начал помогать хоббиту. Вдвоем они довольно быстро отыскали нужные бочонки. На стук и окрики отозвались только шестеро. Барахтаясь в холодной воде, Бильбо с Торином

выпустили их, и гномы поплелись на берег. За спасение благодарить явно никто не собирался.

Балину с Двалином досталось больше других, и на них рассчитывать не приходилось. Бифур с Бофуром хоть и пострадали меньше, однако попросту улеглись на берегу и отказались что-либо делать. А вот Фили и Кили улыбались — кряхтели, но улыбались. Должно быть, молодым все нипочем (ведь для гномов эти двое были совсем еще молодые); а может, в их бочонках соломы оказалось в достатке и они почти не ушиблись — так, пара синяков да тройка царапин.

— Наверное, раньше в этом бочонке были яблоки, — сказал Фили. — Я весь ими пропах. Что за издевательство — ты голодный как собака, весь продрог и даже не можешь пошевелиться, а тут тебе яблочками пахнет! Да я теперь до конца дней на яблоки смотреть не смогу!

Фили и Кили пришли на подмогу Торину с Бильбо. Вчетвером дело пошло быстрее. Вскоре нашлись и остальные шестеро. Бедняга Бомбур то ли спал, то ли был без чувств; Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин едва не захлебнулись в своих посудинах. Одного за другим их осторожно перенесли на берег.

— Ну вот, все в сборе, — проговорил Торин. —

Похоже, мы родились под счастливой звездой; к тому же нам не мешает поблагодарить господина Торбинса. Он вправе надеяться на нашу благодарность, хотя лично я предпочел бы более… гм… покойный способ передвижения. К вашим услугам, господин Торбинс! Сейчас неплохо было бы поесть и отдохнуть… Кстати, что будем делать?

— Пойдем в город, — ответил Бильбо. — Не сидеть же на берегу.

Оставив прочих набираться сил, Торин, Бильбо, Фили и Кили двинулись по берегу к мосту. У входа на мост стояла сторожевая будка, но дозор в ней несли не очень-то бдительно, ибо охранять город, по большому счету, было не от кого. С лесными эльфами жители Эсгарота дружили, и разногласия — вроде тяжбы, кто кому должен платить пошлину — на этой дружбе почти не сказывались. Больше поблизости никто не обитал; доходило даже до того, что некоторые юнцы во всеуслышание заявляли — они, дескать, не верят этим байкам насчет дракона — и потешались над стариками, утверждавшими, будто в молодости видели Смога. Неудивительно поэтому, что стражники веселились в своей будке и не слышали ни как гномы выбирались на берег, ни

как четверо разведчиков приблизились к мосту. Вообразите же их изумление, когда Торин переступил порог будки.

— Эт-то кто такой? Что тебе нужно? — закричали стражники, хватаясь за оружие.

— Я Торин, сын Траина, сына Трора, Короля Подгорного королевства! — гордо ответил гном. Несмотря на изодранную одежду и грязный колпак, он и вправду выглядел по-королевски. На его груди сверкала золотая цепь, взгляд был мрачен и тверд. — Я вернулся и хочу видеть вашего градоправителя.

Что тут началось! Стражники забегали, засуетились, самые бестолковые выскочили наружу, ожидая увидеть ставшую вдруг золотой Гору и окрасившиеся желтым воды озера.

Капитан стражи шагнул вперед.

— А это кто? — спросил он, указывая на Фили с Кили и на Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фили и Кили из племени Дарина, а также господин Торбинс, пришедший вместе с нами с запада.

— Если вы пришли с миром, — сказал капитан, — оставьте ваше оружие здесь.

— У нас нет оружия, — отозвался Торин. Это

было правдой: эльфы отобрали все — и ножи, и Оркрист. Бильбо на всякий случай не стал упоминать о своем клинке. — Оно нам не нужно, мы пришли не с враждою, а как друзья. И потом, сражаться с целым городом было бы безумием. Отведи нас к градоправителю.

— Он на пиру, — объяснил капитан.

— Тем более! — вмешался уставший от церемоний Фили. — Разве ты не видишь — мы едва стоим на ногах от усталости и голода! А на берегу ждут наши товарищи, у которых даже не хватило сил встать. Веди, не то градоправитель потом задаст тебе взбучку.

— Идите за мной, — приказал капитан. В сопровождении шестерых стражников гномы и хоббит проследовали по мосту на городское торжище. Оно находилось в центре города. Дома на высоких помостах выстроились дугой, окружая водную гладь; от них к воде спускалось множество лесенок; вдоль набережной тянулись деревянные парапеты. Один из особняков сверкал огнями, оттуда доносился гул голосов. Отряд направился туда. Переступив порог, все замерли, ослепленные ярким светом.

Прежде чем капитан стражи успел вымолвить хотя бы слово, Торин воскликнул:

— Я Торин, сын Траина, сына Трора, Короля Подгорного королевства! Я вернулся!

Все вскочили. Градоправитель спрыгнул со своего преогромного кресла. Сильнее всех изумились эльфы-плотогоны, сидевшие на нижнем конце стола. Протолкавшись к градоправителю, они заговорили наперебой:

— Это пленники нашего короля! Мы посадили их в темницу за то, что они без спроса расхаживали по нашему лесу и всячески нам досаждали. И как они ухитрились бежать?

— Это правда? — спросил градоправитель у Торина. Сам он охотнее поверил бы эльфам, чем какому-то бродяге, который объявляет себя наследником Подгорного королевства. Да существовало ли оно вообще, это самое королевство?

— Почти, — ответил Торин. — Король эльфов задержал нас по ложному обвинению. Но ни решетки, ни засовы — не помеха правому делу! И потом, с каких это пор на Долгом озере хозяйничают эльфы? Я обращаюсь к градоправителю Эсгарота, а не к плотогонам эльфийского короля!

Градоправитель переводил взгляд с Торина на эльфов и обратно. Ему вовсе не хотелось ссориться с эльфийским королем, который был могущественным владыкой; он не слишком прислушивался ко всяким песенкам, благо у него были другие дела, поважнее, — торговля, пошлины, товары с юга и тому подобное. Но жители города думали иначе, и вскоре все решилось само собой, без участия градоправителя. Весть о возвращении гномов в мгновение ока разлетелась по Эсгароту. Повсюду раздавались возбужденные возгласы, на улицах собирались толпы. Кто-то запел древнюю песню о возвращении короля; никого не волновало, что вернулся внук Трора, а никак не сам Трор. Другие подхватили, и песня

полетела над озером:

Придет король законный,
Серебряных фонтанов князь,
С престолом и короной
Воспримет власть, возвеселясь.

В златых своих палатах
Настроит арфу на старый лад,
И песни среди злата,
Как древле, снова зазвучат.

Бор вырастет по склонам,
Трава, как прежде, высока,
Бьет серебро фонтаном,
И золота течет река.

И от Горы до моря
Возрадуется вся земля,
Не зная больше горя
С приходом короля!

Вообще-то песня была гораздо длиннее, пели ее под звуки арф и скрипок и под громкие крики. Все перемешалось. Такой суматохи, по правде сказать, не припомнил бы и самый дряхлый дед

в Эсгароте. Лесные эльфы призадумались и даже немножко испугались. Может быть, их король и впрямь ошибся? Градоправитель понял, что ему не остается ничего иного, как подчиниться общему мнению и притвориться, будто он верит, что Торин — тот, за кого себя выдает. Поэтому он усадил Торина в свое кресло. Фили и Кили расположились рядом. Бильбо тоже нашлось местечко за столом; его, как ни странно, ни о чем не расспрашивали, и никто не требовал гномов объяснить, что это за коротышка.

Чуть погодя в Эсгарот привезли остальных гномов. Их встретили с неменьшим восторгом. Всех сначала накормили, затем смазали снадобьями царапины и синяки, а потом поселили в просторный дом — словом, прием оказали самый радушный. К услугам Торина и компании всегда были готовы лодки с гребцами, а под окнами дома дни и ночи напролет бурлила огромная толпа: люди веселились, распевали песни и прямо ревели в упоении, стоило кому-либо из гномов показаться в окне.

Песни были разные — и старые, и совсем новые. В новых говорилось о гибели дракона и о спешащих вниз по реке кораблях с богатыми дарами от нового Короля-под-Горой. Эти песни сочиняли

в основном по настоянию градоправителя; гномам они не очень-то нравились, но приходилось терпеть. С путниками носились как с писаной торбой. За неделю гномы как следует отъелись и отдохнули, подстригли и расчесали бороды, надели платья своих любимых цветов и расхаживали гордой поступью. Торин выглядел так, словно уже обрел свое наследное королевство, порубив Смога на мелкие кусочки.

К маленькому хоббиту гномы день ото дня относились все лучше. Они пили за его здоровье, дружески хлопали по спине, больше не ворчали и не шпыняли за каждый пустяк — словом, всячески о нем заботились, что было весьма кстати, поскольку Бильбо было не до веселья. При одной мысли о жуткой Горе, под которой к тому же залег дракон, его бросало в дрожь; вдобавок он ужасно простыл. Три дня подряд хоббит не выходил на улицу, а все его речи на пирах состояли из одной фразы:

— Баое паибо!

* * *

К тому времени плотогоны успели вернуться в Лихолесье, и в королевском дворце начался настоящий переполох. Не знаю, что сталось с ко-

мандиром стражи и с виночерпием, но думаю, им крепко влетело. Разумеется, гномы из осторожности ни словом не обмолвились о похищенных ключах и о путешествии в бочонках, а Бильбо благоразумно не надевал кольца. Догадки и слухи множились, но ничего не было известно наверняка; разве что никто из эльфов не сомневался в причастности загадочного господина Торбинса к побегу. Как бы то ни было, теперь эльфийский король узнал, куда и зачем идут гномы.

— Великолепно, — сказал он сам себе. — Посмотрим, посмотрим. Без моего согласия никто никаких сокровищ через лес не пронесет. И по-моему, гномы не вернутся. Дракон сожрет их с потрохами — и поделом! — Король ни капельки не верил в то, что гномы всерьез хотят сразиться с драконом. Скорее уж они замыслили ограбить Смога или что-нибудь вроде этого. И все это лишний раз доказывает, насколько эльфы мудрее людей! (Впрочем, вы скоро убедитесь, что король был не совсем прав в своих подозрениях.) Владыка эльфов разослал по Глухоманью лазутчиков и стал ждать.

* * *

К концу второй недели пребывания гномов в Эсгароте Торин стал подумывать о продолжении похода. Пока восторг горожан не успел остыть, надо попросить помощи. Медлить не следует. Потому, улучив подходящий момент, Торин сообщил градоправителю и его советникам, что вскоре он вместе со спутниками отправляется к Горе.

Градоправитель несказанно удивился. А вдруг, подумал он, Торин и вправду потомок древних королей? Ведь он не верил, что пришельцы на деле собираются проникнуть под Гору и одолеть Смога, он считал их мошенниками, которые рано или поздно себя обнаружат. Но мы-то с вами знаем, как он ошибался. Торин подлинно был внуком Трора, а что касается похода к Одинокой Горе — никому не ведомо, на что способен гном, пылающий жаждой мести или жаждущий вернуть свое добро.

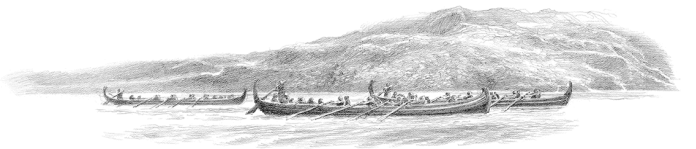
Впрочем, об уходе гномов градоправитель не сожалел. Содержать их было обременительно; и к тому же появление незваных гостей превратило жизнь горожан в нескончаемый праздник, отчего все дела замерли. «Пускай себе идут, — думал

он. — Поглядим, как их встретит Смог».

— Конечно, о Торин, сын Траина, сына Трора, — сказал градоправитель. — Я прекрасно тебя понимаю. Раз ты говоришь, что близок срок, когда исполнится древнее пророчество, значит, так оно и есть. Мы окажем вам посильную помощь и верим, что вы не забудете об этом, когда ты обретешь свой трон.

И вот, несмотря на позднюю осень с ее пронизывающими ветрами, в Эсгароте снарядили три корабля, чтобы двинуться на веслах вверх по Бегущей реке. На борту были гномы, господин Торбинс и солидные запасы провизии. Лошадей и пони отправили кружным путем, договорившись встретиться с погонщиками в условленном месте. Градоправитель и его советники со ступеней ратуши пожелали путникам удачи. Горожане запели, замахали руками.

Белые весла с плеском погрузились в воду, и корабли медленно отошли от причала. Так начался последний отрезок пути до Одинокой Горы. Все шумно радовались, и только Бильбо не разделял общего веселья.



Глава XI
На пороге

* * *

По Долгому озеру плыли два дня. Наконец корабли вошли в Бегущую, и путники снова увидели Одинокую Гору, сурово вздымавшуюся вдалеке. Под вечер третьего дня, поднявшись, сколько могли, против течения, высадились на

левом, западном берегу реки. Лошади и пони уже дожидались в условленном месте. И тут выяснилось, что снаряжения с провизией слишком много и всего не увезти; часть пришлось оставить на берегу, под наспех устроенным навесом. Но вот охранять добро было некому — горожане, сопровождавшие компанию, наотрез отказались задержаться хотя бы до утра.

— Когда сбудутся песни, тогда и потолкуем, — говорили они, боязливо поглядывая на Гору. И то сказать, в этих местах гораздо проще было поверить в дракона, чем в какого-то наследника древних королей. Повсюду царило запустение, наводившее на самые мрачные мысли. Правда, в этакой глуши вряд ли кто-нибудь покусится на оставленные припасы. Поэтому гномы не сильно огорчились, когда горожане распрощались — одни уплыли на кораблях, другие ушли пешком по берегу.

Ночь выдалась холодной, путники изрядно замерзли, рвения в них поубавилось, но утром они все же двинулись дальше.

Бильбо с Балином, замыкавшие отряд, приглядывали за двумя навьюченными по самую холку пони; остальные путники высматривали дорогу понадежнее. Направлялись на северо-запад,

наискось от берега, мало-помалу приближаясь к Горе, огромной подковой распахивавшейся им навстречу.

День тянулся томительно долго; смеяться не смеялись, петь не пели и за арфы не брались — ведь в такой близости от логова дракона нужно соблюдать осторожность! Надежды и упования, возродившиеся было в озерном городе, увяли вновь. До цели путешествия было подать рукой, но это нисколько не радовало; скорее наоборот — вселяло неуверенность и страх. Нигде не росло ни деревца, ни даже кустика, хотя, по словам Торина, в прежние времена эта местность радовала глаз буйной зеленью. Унылую картину оживляли разве что редкие пятна травы да обугленные пни — единственное напоминание о сгоревших в драконьем пламени лесах. Вот так, поздней осенней порой, на закате года, путники въехали в Раздраконье.

* * *

До предгорий добрались без приключений. Дракон не показывался. Черная Гора вблизи внушала уже не просто страх, а самый настоящий ужас. Первый лагерь устроили на западном склоне громадного южного отрога, чья вершина была

обозначена на карте как Враний Пик. На нем когда-то стояла сторожевая башня. Взбираться на вершину отрога не отважились — от Парадных Врат она была видна как на ладони и укрыться на ней было негде.

Прежде чем приступить к поискам потайной двери, на которую возлагались все надежды гномов, Торин отправил разведчиков на юг, к Парадным Вратам. Пошли Балин, Фили, Кили и, разумеется, Бильбо. Оставив за спиной тоскливые серые скалы, поднялись к подножию Вранього Пика и вновь увидели реку. Огибая широкой дугой горную долину, Бегущая поворачивала на юг и, бурля и пенясь среди множества валунов, устремлялась к Долгому озеру. С крутого скалистого берега, поросшего кустарником, виднелась в тени Горы широкая долина с развалинами древних башен, домов и крепостных стен.

— Вот и все, что осталось от славного Дола, — проговорил Балин. — А ведь когда-то в нем звонили колокола, склоны Горы покрывал лес и все вокруг цвело и радовалось солнцу. — Взгляд гнома был печален и суров: должно быть, Балину вспомнилось, как они с Торином в бессильной ярости взирали на учиненное драконом побоище.

Идти до ворот по берегу не осмелились. Вместо этого добрались до конца южного отрога, укрылись за валуном и стали разглядывать черный зев пещеры в каменной стене между отрогами Горы. Из пещеры вырывались воды Бегущей, там курился черный дым и клубился пар. Гора затаилась в грозной неподвижности, лишь бежала вода, вился дым да пролетали изредка над рекой зловещие вороны. Их хриплый крик да клекот воды — вот и все, что было слышно.

— Пошли обратно, — сказал Балин, поеживаясь. — Тут у нас ничего не получится. Да еще эти птички — уж больно они похожи на соглядатаев. Того и гляди донесут на нас Смогу.

— Дракон-то жив, — проговорил хоббит. — Лежит себе небось в своем логове, на сокровищах. Вон сколько от него дыму!

— Пожалуй, ты прав, — отозвался Балин, — но не будем торопиться с выводами. Он вполне мог куда-нибудь улететь или притаиться на склоне. А дым — что дым? Ныне там, под Горой, дыма полным-полно — надышал, проклятый червяк!

* * *

Преследуемые хриплым карканьем, одолеваемые мрачными мыслями, разведчики вернулись

к своим товарищам. Подумать только, еще в июне они отдыхали в Последней Приветной Обители, у щедрого и великодушного Элронда! Казалось, это было давным-давно, хотя прошло всего несколько месяцев. Компания очутилась в незавидном положении. Цели путешествия достигли, но до исполнения заветных желаний по-прежнему было ох как далеко! На помощь рассчитывать не приходилось, оставалось полагаться лишь на собственные силы — а те уже почти иссякли.

Как это ни удивительно, лучше других чувствовал себя господин Торбинс. Он даже попросил у Торина карту и придирчиво ее изучал, гадая, как правильно истолковать загадочную надпись лунными рунами на пергаменте. Именно Бильбо своими беспрестанными понуканиями вынудил гномов приняться за поиски потайной дверцы. Лагерь перенесли в узкий распадок севернее ворот. С обеих сторон возвышались нижние отроги Горы; два из них длинными и крутобокими скалистыми гребнями протянулись на запад к равнине. На западных склонах этих отрогов следов драконьего лиходейства было поменьше, росла трава — значит, было чем кормить пони. Разбившись по двое — по трое, путники день за днем, с утра и до заката, когда солнце начинало

клониться к далекому Лихолесью, обшаривали склоны, разыскивая обозначенный на карте потайной ход. И день за днем возвращались в лагерь несолоно хлебавши.

Им повезло, когда они уже утратили всякую надежду. Фили, Кили и хоббит забрели однажды на каменную осыпь в южном конце распадка. Около полудня Бильбо забрался за громадный валун, торчавший, точно указующий перст, и наткнулся на что-то вроде вырубленных в скале ступенек, уводивших вверх. Все трое поспешно поднялись по лесенке и обнаружили узкую извилистую дорожку, едва различимую — так давно по ней никто не ходил; дорожка привела сначала на вершину южного отрога, а дальше — на неширокий скалистый карниз, тянувшийся вдоль северного склона Горы. Под карнизом, на дне распадка, раскинулся их собственный лагерь!

Никто не проронил ни слова. Опираясь о скалу справа, миновали гуськом карниз, и вдруг скалы словно разошлись и взглядам открылась уютная, поросшая травой лощина. Снизу этот проход заметен не был из-за карниза; издалека же казался всего лишь одной из многочисленных расщелин. Лощина упиралась в каменную стену, поверхность которой у самой земли была столь гладкой,

будто ее долго и любовно обтесывали, — гладкой и ровной, ни щелки, ни тебе трещинки.

В стене не было ничего такого, по чему можно отличить дверь, — ни косяка, ни засова, ни замочной скважины. Но все трое были уверены, что наконец-то отыскали потайной ход.

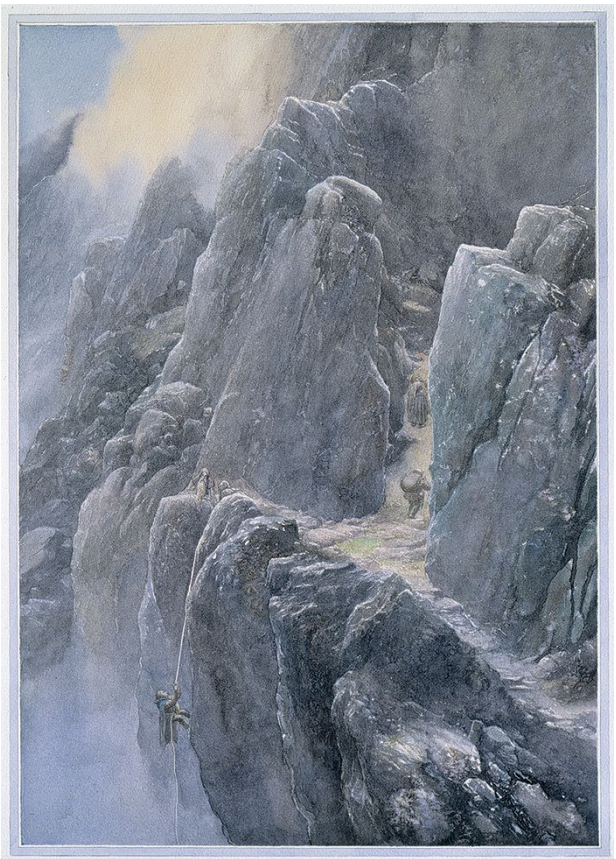
Они стучали по стене кулаками, пинали ее ногами, нажимали и толкали, читали все обрывки древних заклинаний, какие только приходили на память. Но стена не поддавалась. В конце концов, обессилев, решили попытать счастья в другой раз, уже всей компанией. Передохнули на травке и под вечер вернулись в лагерь.

* * *

Лагерь не утихал всю ночь. Всех снедало нетерпение. Утром все было готово к выступлению. Бофур и Бомбур остались охранять лагерь и приглядывать за пони, а прочие прихватили с собой по мотку доброй веревки, поднялись по лесенке в скале и вскоре достигли каменного карниза. По нему прошли цепочкой, бросая боязливые взгляды под обрыв — до земли было футов сто пятьдесят; вдобавок внизу торчали острые камни. Но обошлось без неприятностей, до травянистой лощины добрались целыми и невредимыми.

Там разбили верхний лагерь и мало-помалу подняли в него на веревках свое снаряжение. Порой какой-нибудь покладистый гном — к примеру, Кили — спускался вниз, чтобы узнать новости или подменить Бофура. Что касается Бомбура, тот наотрез отказался подниматься — ни на веревке, ни пешком.

— Пузо у меня не то, чтобы по кручам лазить, — объяснил толстяк. — Вот закружится у меня голова, наступлю я себе на бороду и упаду в пропасть, и останется вас тринадцать. А веревки — да какая веревка выдержит этакую тумбу?



Скажу вам по секрету: очень скоро Бомбуру доказали, что он ошибался.

* * *

Гномы обследовали карниз и выяснили, что он ведет мимо лощины куда-то вверх, но подняться по нему не отважились и вообще старались далеко от лагеря не уходить (впрочем, куда уходить, коли дверь — вот она, совсем рядом). Наверху было тихо, не слышалось даже вороньего крика, лишь посвистывал в расщелинах ветер. Говорили вполголоса, а песен не пели вовсе — чудилось, будто за каждым валуном притаилась неведомая опасность.

Дверь упорно не желала открываться. Гномы прихватили с собой из Эсгарота множество самых разных инструментов, но толку от них было чуть. Деревянные ручки раскалывались и ломались, оставляя в ладонях занозы, а стальные насадки слетали или гнулись, будто свинцовые. К тому же от ударов начинало гулять по лощине эхо, и гномы испуганно втягивали головы в плечи, ожидая, что из-за гребня вот-вот вымахнет дракон. Хотели было подкопать стену, но вовремя сообразили, что заклятие, наложенное на дверь, не позволит зарыться сколько-нибудь глубоко.

Им так не терпелось проникнуть в потайной ход, что они начисто забыли о надписи на карте и о сроке, который назначили лунные руны.

Бильбо изрядно утомляло это бесцельное «сидение на пороге» — на самом-то деле, конечно, никакого порога не было и в помине, так, узкая полоска травы между каменной стеной и горловиной лощины; гномы же прозвали ее порогом потому, что кто-то вспомнил давнишние слова хоббита, сказанные на вечеринке в его норе: «Нужно просто посидеть на пороге, пораскинуть мозгами». Этим они и занимались, когда не пытались открыть дверь или не бродили бесцельно по лагерю, день ото дня становясь все угрюмее.

Впрочем, гномы опускать руки не собирались. Но хоббит уже утратил всякую надежду. Целыми днями он сидел, прислонившись спиной к скале, и глядел на запад — за отроги Одинокой Горы, за черное Лихолесье; и ему казалось, будто он смутно различает вдалеке очертания Мглистых гор. Когда же гномы спрашивали, чем он занимается, Бильбо отвечал:

— Сами же говорили, мое дело — думать. Вот я и думаю.

Мне почему-то кажется, что господин Торбинс думал в основном о вещах посторонних, с потай-

ным ходом в недра Горы никак не связанных, — о тихой зеленой Хоббитании, о милой Круче и о своей уютной норке.

Порой Бильбо отводил взгляд от безбрежных далей и принимался мрачно рассматривать серый валун, лежащий посреди лощины, или наблюдал за улитками — большими, жирными улитками, которые облюбовали каменные стены лощины и медленно, с трудом переползали с места на место.

* * *

— Завтра начнется последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за осенью придет зима, — прибавил Бифур.

— И наступит новый год, — закончил Балин. — Сдается мне, прежде чем мы чего-нибудь добьемся, по нашим бородам можно будет спускаться вместо веревок. Что-то наш прославленный добытчик совсем от дела отбился. У него есть колечко-невидимка, верно? Так пусть наденет его, проберется через Парадные Врата в пещеру и узнает, как там обстоят дела.

Услышав эти слова — гномы беседовали в двух шагах от него, — Бильбо пришел в ужас. «Кош-

мар! — мелькнуло у него в голове. — Друзья, называется! И почему я вечно должен их выручать? Разве я похож на мага? Что делать, что мне делать? Ведь как знал, что под конец со мной обязательно случится какая-нибудь неприятность! Да если меня и вправду зашлют под Гору, я же никогда оттуда не выберусь!»

Ночью он не сомкнул глаз — настолько ему было плохо. Наутро гномы разошлись в разные стороны: кто спустился в нижний лагерь проведать пони, кто отправился бродить по склонам Горы, кто снова взялся за дверь. А Бильбо опять уселся на пороге; он то пристально смотрел на серый валун, то вглядывался в голубые просторы на западе. У него почему-то возникло странное ощущение — что-то должно произойти. «Может, соизволит вернуться Гэндальф?» — мрачно подумал он.

Поднимая голову, хоббит видел далекий лес. Когда солнце начало клониться к западу, лиственный полог Лихолесья вдруг окрасился желтым, будто солнечный свет отразился от пожухлой листвы. Солнце между тем опускалось все ниже. Вот оно оказалось на одном уровне с глазами Бильбо. Хоббит встал, подошел к каменному карнизу. Над окоемом поднимался бледный серпик

новорожденной луны.

Вдруг за спиной что-то словно хрустнуло. Бильбо обернулся. На сером валуне сидел огромный дрозд, иссиня-черный, с желтой грудкой в черных крапинках. Хрум! Дрозд поймал улитку и теперь пытался расколоть о камень ее раковину. Хрум! Хрум!

И тут Бильбо догадался! Забыв о том, что его могут услышать соглядатаи дракона, он выбежал на карниз, закричал и замахал руками. Гномы поспешили к нему, гадая, что такое могло стрястись; те, кто находился внизу, стали требовать, чтобы их подняли (а Бомбур сладко спал).

Бильбо поспешил все объяснить. Наступила тишина. Хоббит стоял у серого валуна, а гномы смотрели на него, недоверчиво качая головами. Солнце опускалось все ниже и ниже, и вместе с закатом таяли надежды. Вот дневное светило скрылось в огненно-красных облаках. Гномы застонали от отчаяния. Но Бильбо и не подумал отойти от серого валуна. Серпик луны подобрался к нему, пали сумерки. И, когда угасла последняя надежда, последний солнечный луч, рдяно-красный, выскользнул сквозь прореху в облаках и вонзился указующим перстом в гладкую стену. Черный дрозд, глаза-бусинки которого внима-

тельно следили за происходящим, громко пропел. Послышался треск, от стены отломился и упал наземь осколок. В скале, футах в трех от земли, появилось отверстие — замочная скважина!

Гномы бросились к стене и дружно навалились на нее. Тщетно! А время стремительно уходило.

— Ключ! — воскликнул Бильбо. — Ключ! Где Торин?

Гном подбежал к хоббиту.

— С картой Гэндальф отдал вам ключ. Попробуйте его вставить! Только поскорее, не то будет поздно!

Торин снял с шеи цепочку с ключом, вставил ключ в замочную скважину, повернул… Щелк!

Свет померк. Солнце село, луна куда-то пропала, небо потемнело.

На сей раз навалились все вместе. Каменная стена наконец-то начала поддаваться. По ней побежали трещины, затем обрисовалась дверь — пяти футов высотой и трех шириной. Медленно, беззвучно дверь распахнулась вовнутрь. За ней открывался проход в глубь Горы — казалось, это из него выползает непроглядная ночная тьма.

Глава XII
Вести изнутри

* * *

Гномы долго спорили, кому идти на разведку. Наконец Торин заявил:

— Приспело время нашему уважаемому господину Торбинсу, хоббиту смелому и выносливому — нам бы его терпение! — надежному спутнику и, да простится мне это выражение,

любимчику удачи, — так вот, приспело время и ему заняться делом. Свою долю сокровищ нужно еще заслужить.

Вы уже знаете, как изъяснялся Торин Дубовый Щит в особо торжественных случаях, поэтому пересказывать всю его речь нет ни малейшей надобности. Без сомнения, повод у него был самый что ни на есть подходящий, но Бильбо невежливо перебил гнома, ибо сразу понял, куда тот клонит.

— Слушайте, сударь мой Торин Дубовый Щит, сын Траина, да удлинится ваша борода! — воскликнул он. — Коли вы разумеете, что я должен забраться в подземелье, то благодарю покорно! Вспомните, я не подряжался опекать гномов. Не было такого уговора, верно? И что же — без меня вы дважды точно бы погибли! Сколько можно? Совесть надо иметь! По-моему, свою долю я заслужил давным-давно. Ну да ладно, — прибавил Бильбо более спокойным тоном. — Любимчик не любимчик, но в свою удачу я верю гораздо больше, нежели в былые дни. (Он разумел ту казавшуюся бесконечно далекой весну, когда покинул уютную норку на Круче.) Как говаривал мой папаша, «по третьему разу всяко сладится». Я иду. Кто со мной?

Добровольцев не оказалось; впрочем, Бильбо

на них и не рассчитывал. Фили и Кили смущенно потупились, все прочие притворились, что не слышат. Только старый Балин, искренне привязавшийся к маленькому хоббиту, сказал, что готов проводить Бильбо и даже пройти с ним немного в глубь Горы — на случай, если понадобится какая помощь.

Не судите гномов строго. Они вовсе не обманывали хоббита и собирались по-честному оплатить его услуги — когда он сделает то, ради чего, собственно, и нанимали добытчика. Гномы всегда старались выручить Бильбо и спешили ему на помощь (как в начале пути, когда им встретились тролли) — по крайней мере, до тех пор, пока уже хоббит не стал их вызволять из неприятностей. Но гномы — вовсе не герои, ими движут жадность и расчет; конечно, среди них попадаются лгуны и негодяи, но достойных гномов, вроде Торина и компании, гораздо больше. Главное — не предъявлять к ним слишком высоких требований.

* * *

Когда Бильбо проскользнул в потайную дверь, на бледном, отороченном тьмой небе выступили первые звезды. Хоббит не ожидал, что идти окажется настолько легко. Этот ход в каменной

толще прорубили гномы в дни расцвета своего королевства, и он был не чета пещерам гоблинов и лесных эльфов: прямой, как линейка, с гладким полом и не менее гладкими стенами, он вел под уклон, забираясь все глубже в недра Горы.

Скоро Балин пожелал Бильбо удачи и остался там, откуда мог разглядеть сереющий на фоне неба дверной проем. По проходу гуляло эхо, и было слышно, о чем шепчутся гномы, оставшиеся снаружи. Бильбо надел кольцо и двинулся дальше, стараясь ступать совершенно беззвучно. Гулкое эхо вынуждало блюсти сугубую осторожность. Вниз, вниз, вниз… Он дрожал от страха, но лицо его выражало твердую решимость. Нынешний Бильбо Торбинс мало чем напоминал того хоббита, который когда-то выбежал из Торбына-Круче без носового платка в кармане. Он уже давным-давно не имел при себе носового платка. Бильбо вытащил из ножен кинжал, затянул пояс и продолжил путь.

* * *

— Ну что, Бильбо Торбинс, — сказал он себе. — Сам впутался, сам и выпутывайся. И кто тебя за язык тянул на той злополучной вечеринке? Вот и расплачивайся теперь! Олух ты, олух! — Бильбо

заговорил как в старые добрые времена. — Пускай дракон себе сторожит свои сокровища хоть до скончания века, а мне бы очутиться в моей маленькой уютной норке — и все, и никаких сокровищ не надо.

Но это скромное желание, разумеется, было неосуществимо. Хоббит крался по казавшемуся бесконечным коридору; дверной проем за спиной давно исчез из виду. Понемногу становилось теплее.

«Мерещится мне, или я и вправду вижу впереди какой-то свет?» — спросил себя хоббит. Глаза его не обманывали. В дальнем конце коридора возникло алое свечение. Чем ближе Бильбо подходил, тем ярче оно разгоралось и тем становилось жарче. Хоббит вспотел. Под потолком клубился пар, откуда-то доносился странный звук, будто кипел на огне громадный котел — или мурлыкал огромный котище. Немного погодя стало ясно, что на самом деле это храп: в недрах Горы громко храпело спящее чудовище.

Бильбо застыл как вкопанный. Следующий шаг был величайшим подвигом в его жизни. Все то, что случилось потом, ни шло ни в какое сравнение с этим шагом. Хоббит пережил во мраке пещеры настоящую битву с самим собой,

пережил и победил! Переведя дух, он двинулся дальше и вскоре заметил отверстие, точно такого же размера и формы, как и первое, в начале потайного хода. Подкравшись к отверстию, он осторожно просунул в него голову. Взгляду открылась исполинская пещера — должно быть, в старину у гномов тут был винный погреб или темница. Потолок и стены пещеры смутно угадывались в алом свечении, а свечение это исходило от Смога!

* * *

Огромный красно-золотой дракон крепко спал, порыкивая во сне и выпуская из ноздрей струи дыма. Крылья его были сложены, и это придавало ему сходство с чудовищной летучей мышью. Он возлежал на груде сокровищ, обхватив ее лапами и придавив длинным, свернувшимся в кольцо хвостом. Пол пещеры ковром устилали самоцветы, золотые украшения, поделки из серебра, отливавшие красным в алом свечении.

Смог лежал так, что можно было разглядеть его бледное брюхо, все в золоте и самоцветах, вросших в него за долгие годы, проведенные драконом в подземелье. На стене около дракона висели доспехи и оружие — кольчуги, шлемы, топоры,

мечи и копья; вдоль стены выстроились бочонки и бочки, битком набитые драгоценностями.

Сказать, что дыхание Бильбо пресеклось, значит не сказать ничего. Нет слов, чтобы передать изумление и восторг хоббита (а нет этих слов потому, что ныне они попросту забылись, ведь люди изменили тот язык, которому научились у эльфов в дни, когда чудеса были делом обыкновенным). Конечно, хоббит слыхал предания и песни о драконьих кладах, но этакой роскоши, этакого великолепия он никак не ожидал. Голова шла кругом, сердце вдруг пронзила та самая жажда богатства, которая сгубила не одного гнома. Бильбо забыл, зачем пришел — стоял и любовался на сокровища, и ему не были страшны никакие драконы на свете.

* * *

Минула целая вечность. Наконец хоббит с великой неохотой, будто против собственной воли, стряхнул с себя оцепенение и соскользнул на пол пещеры. Подскочив к ближайшей куче сокровищ, он схватил большой, тяжелый кубок, бросил испуганный взгляд на дракона, грозного даже во сне, и кинулся обратно. Смог пошевелил крылом, вытянул когтистую лапу; храп стал немного тише.

Бильбо припустил со всех ног. Но дракон и не думал просыпаться. Ему снились побоища и грабежи, а маленький хоббит тем временем стремглав летел по проходу. Сердце Бильбо бешено колотилось, ноги едва держали, но хоббит не останавливался и не выпускал из рук кубка. «Получилось! — ликовал господин Торбинс. — Получилось! Кто там говорил, что я больше похож на бакалейщика, чем на добытчика? Ха! Теперь-то я всем утру нос!»

Балин страшно обрадовался, вновь увидев хоббита, а когда заметил кубок, изумлению гнома не было предела. Схватив Бильбо в охапку, Балин побежал к выходу из потайного хода. Господина Торбинса встретили как героя. Гномы наперебой

восхваляли его, хлопали по спине и говорили, что они, гномы, у него в неоплатном долгу, а Бильбо лежал на земле с закрытыми глазами, наслаждаясь ночной свежестью и лишь вполуха прислушиваясь к похвалам.

* * *

Гномы передавали кубок из рук в руки, восхищенно его разглядывая, и оживленно толковали о сокровищах, как вдруг Гору сотряс чудовищный грохот, словно пробудился древний, давно потухший вулкан. Дверь в стене чуть было не захлопнулась; по счастью, вовремя успели подложить камень. Из потайного хода доносились жуткие звуки — рык и топот, от которого дрожала земля.

Тут уж стало не до сокровищ. Гномы припали к земле. Смог проснулся и явственно напомнил о себе дерзким созданиям, посмевшим забыть, что он еще жив.

Как правило, драконы не пользуются своим богатством, зато прекрасно помнят каждую крупинку золота, каждый самоцвет, в особенности — если владели сокровищами достаточно долго, и Смог не был исключением. Проснулся он от дурного сна, в котором сражался с каким-то

отважным коротышкой, вооруженным острым мечом, и сразу учуял посторонний запах. Откуда? Может, вон из той дырки в стене? Дракон с подозрением уставился на отверстие. Давно пора заделать его наглухо. Помнится, из этой дыры доносились странные звуки; он еще решил, что ему померещилось… Смог пошевелился, вытянул шею — и тут заметил пропажу кубка!

Воры! Пожар! Убивают! Ничего подобного не случалось с тех самых пор, как он обосновался под Горой. Ярость дракона не поддается описанию. Ее можно сравнить только с бешенством какого-нибудь толстосума, привыкшего к своим богатствам и нежданно утратившего что-то, чем он почти не пользовался или чего вообще не трогал в течение многих лет. Смог выпустил из пасти струю пламени; пещера наполнилась дымом, Гора сотряслась от макушки до основания. Дракон попытался просунуть голову в отверстие. Убедившись, что оно слишком маленькое, Смог взревел — под землей словно прогремел гром — и ринулся по подземным коридорам к Парадным Вратам.

Его ограбили! Ну, они за это поплатятся! Смог собирался обшарить склоны Горы сверху донизу, поймать мерзкого вора и разорвать на мелкие

кусочки! Вылетев из ворот — от огненного дыхания дракона вода мгновенно превратилась в пар, — он взмыл в небо, покружил над Горой и опустился на вершину в отблесках ало-зеленого пламени. Гномы, затаившиеся в лощине, съежились за камнями в надежде, что яростный взор дракона скользнет мимо.

Но надежды не оправдались, и несдобровать бы гномам, когда бы вновь не Бильбо.

— Скорее внутрь! — воскликнул хоббит. — В потайной ход! Тут нам не отсидеться!

Все дружно кинулись к потайному ходу и уже собирались укрыться в нем, когда Бофур закричал:

— А мои братья! Бифур и Бомбур! Мы совсем про них забыли! Они же погибнут!

— И пони тоже, — страдальчески отозвался кто-то, — и все припасы! Мы ничего не можем сделать!

— Ерунда! — возразил Торин, обретая утраченное было достоинство. — Мы не можем их бросить! Господин Торбинс, Балин, Фили и Кили — внутрь! В случае чего хоть четверо да уцелеют. Остальные — за мной! К веревкам!

Все висело на волоске. Дракон, озиравший отроги Горы и яростно ревевший, в любое мгновение

мог их заметить. А если он взмоет в воздух или если ему вздумается облететь Гору — тут уж он заметит гномов наверняка. Торин с товарищами подбежал к карнизу, все принялись неистово тянуть. Первым благополучно подняли Бофура. Потом — и как только веревки выдержали? — втащили отдувающегося Бомбура. Успели даже поднять инструменты и кое-что из поклажи, и тут началось…

Земля под ногами содрогнулась, по камням заметались блики пламени. Дракон прилетел!

Едва последний гном, волоча за собой поклажу, укрылся в потайном ходе, Смог примчался с севера, поливая огнем склоны. Его крылья со свистом рассекали воздух. Огненное дыхание дракона опалило траву перед дверью в каменной стене; язык пламени сквозь щель между стеной и дверью проник в потайной ход и лизнул затаившихся гномов. На мгновение в коридоре стало светло как днем, а затем вновь наступила тьма. Послышалось испуганное ржание. Гномы видели, как дракон развернулся и полетел прочь — должно быть, в погоню за оборвавшими привязь пони.

— Мы остались без пони, — сказал Торин. — Если Смог кого заметил, пощады не будет. Ладно,

будем сидеть и ждать. Или кому-нибудь хочется прогуляться к реке?

Желающих не нашлось. Забрались поглубже в потайной ход и улеглись прямо на полу, стуча зубами — вовсе не от холода, в потайном ходе было жарко и душно. Дракон кружил над Горой всю ночь, его яростный рев не затихал.

Смог обнаружил следы лагеря и догадался, что неведомые воришки пришли с Долгого озера, а на Гору поднялись из того распадка, где паслись пони. Но потайного хода он так и не заметил, а высокие стены лощины приняли на себя огненное дыхание. Рассвет слегка остудил ярость дракона, и он вернулся на свое золотое ложе — отсыпаться и набираться сил. Воровства он не забывал и не прощал, но чтобы отомстить, готов был ждать сколько угодно — ведь драконий век необычайно долог, и сотня-другая лет для этих тварей не срок. Смог медленно заполз в логово, вытянулся на груде сокровищ и прикрыл глаза.

С наступлением утра гномы приободрились. Ночное нападение напомнило им, что главная опасность впереди, но отступаться от задуманного они не собирались. Однако путь наружу был пока заказан; пони или убежали, или погибли, так что, подытожил Торин, остается сидеть и

ждать, когда Смог успокоится и ослабит бдительность. К счастью, они успели поднять съестные припасы, так что смерть от голода компании не грозила.

Долго обсуждали, как быть и что делать. Но как ускользнуть от разъяренного дракона, никто не знал, и в этом было слабое место всех планов отступления. Окончательно запутавшись, не нашли ничего лучшего, как напуститься на Бильбо — дескать, нечего было брать кубок. Глядишь, дракон спал бы до сих пор (гномы и забыли, что еще накануне бурно радовались этой вещице).

— А что я должен был делать? — огрызнулся Бильбо. — Я добытчик или нет? Драконов пускай убивают воины, мое дело — воровать, за тем я и нанимался. По-моему, золотой кубок для начала очень даже неплохо. Или вы ждали, что я приволоку на спине весь клад? Да я на вашем месте, между прочим, помалкивал бы. Тут нужна целая армия добытчиков, а вы все взвалили на одного! Могли бы заранее предупредить, сколько там всего лежит. Конечно, ваш Трор был великим королем, но мне от этого не легче. Да будь Смог ручным, как кролик, и то понадобилась бы добрая сотня лет, чтобы вынести все сокровища в одиночку!

Его отповедь подействовала. Гномы извинились и заговорили иначе.

— И что предлагает господин Торбинс? — спросил Торин.

— Покуда ничего. Зависит от того, как пойдут дела и сумеем ли мы избавиться от Смога. Пожалуй, я попробую что-нибудь придумать, хотя особой надежды у меня нет… Эх, очутиться бы сейчас дома!

— Это мы все не прочь, — буркнул Торин. — Но что нам делать сейчас?

— Вам и вправду нужен мой совет? Пожалуйста! Сидите и не высовывайтесь. Днем, наверное, можно будет выбраться наружу. Кого-нибудь отправим к реке за припасами. Ну а вечером снова укроемся в потайном ходе. Что же касается сокровищ… У меня есть мое кольцо, я могу спуститься в пещеру и проверить, чем занят Смог. Как говаривал мой папаша, у каждого червяка своя слабина; ума не приложу, где он мог это узнать.

Гномы с воодушевлением приняли предложение хоббита. Если раньше они его уважали и только, то теперь готовы были признать Бильбо своим предводителем.

А у того в голове роились грандиозные планы. К полудню он был готов ко второму спуску в

недра Горы. Разумеется, идти ему не очень-то хотелось, он по-прежнему боялся, но уже не так сильно. Правда, знай Бильбо побольше о коварстве драконов, он бы не слишком надеялся на то, что застанет Смога спящим.

Когда хоббит двинулся в путь, снаружи вовсю светило солнце. Но в потайном ходе было темно и страшно. Солнечный луч, проникавший в щель между дверью и стеной, не мог разогнать тьмы. Хоббит ступал неслышно, точно не шел, а плыл над полом. Впереди замерцал алый огонек, совсем-совсем тусклый. Бильбо все сильнее гордился собой и не мог нарадоваться собственной изобретательности.

«Старина Смог утомился и спит без задних ног, — подумал он. — Увидеть он меня не может, услышать не услышит. Выше голову, Бильбо!»

Хоббит забыл — а может, никогда и не знал, — сколь острый у драконов нюх. Вдобавок, если дракон чем-то обеспокоен, он даже и спит вполглаза.

А Бильбо думал, что Смог спит крепко. Чудовище лежало неподвижно, дыхание его было тихим и ровным. Бильбо высунулся из дверного проема, огляделся и хотел было спрыгнуть в пещеру, как вдруг заметил алый зрачок под левым веком Смо-

га. Дракон лишь притворялся спящим! Он следил за отверстием! Бильбо отпрянул. Какое счастье, что он надел кольцо! И тут Смог заговорил.

* * *

— Ну, вор? Выходи, я учуял тебя. Я слышу твое дыхание. Давай покажись. Смотри, сколько здесь всего ценного — бери что пожелаешь.

Уж в чем в чем, а в осторожности Бильбо основательно поднаторел (пускай и не всегда о ней вспоминал), так что Смогу не удалось его провести.

— Благодарю тебя, Смог Ужаснейший, — откликнулся хоббит, — но я пришел не за сокровищами. Мне всего лишь хотелось взглянуть на тебя. Я не верил, что ты такой огромный, как говорится в преданиях.

— Теперь веришь? — спросил дракон, слегка польщенный, но по-прежнему исполненный подозрительности.

— Никакие песни и предания не сравнятся с тобой живым, о Смог, Величайшее из Бедствий, — отозвался Бильбо.

— Для вора и лжеца у тебя неплохие манеры, — одобрительно громыхнул дракон. — Тебе известно мое имя, но вот я твоего запаха не при-

поминаю. Позволь узнать, кто ты и откуда.

— Конечно, конечно. Я пришел из-под кручи, и моя дорога вела по кручам и через кручи. А еще по воздуху. Я Тот, Кто Идет Незримо.

— Замечательно. А как тебя зовут на самом деле?

— Ищущий Следы, Рвущий Паутину, Жалящая Муха. Вместе со мной получилось Счастливое Число.

— Сколько у тебя прозвищ! — усмехнулся дракон. — Между прочим, учти на будущее — счастливые числа не всегда приносят счастье.

— Я — похоронивший друзей заживо, утопивший их и извлекший живыми из воды. Я вышел из торбы, да торбы не взял.

— Вот тут ты оплошал, — хмыкнул дракон.

— Я Друг Медведей и Гость Орлов, — продолжал Бильбо, постепенно входя во вкус. — Я Кольцедобытчик, Любимчик Удачи и Всадник Бочонка.

— Это уже лучше, — одобрил Смог. — Но не слишком увлекайся, а то запутаешься.

* * *

Конечно, именно так и следует разговаривать с драконом, коли вы не хотите открывать ему свое-

го имени (и это правильно!) и боитесь рассердить его прямым отказом (а вот это и правильно — и мудро). Ни один дракон не удержится от соблазна поиграть в загадки. Многое в словах Бильбо Смог попросту не понял (но вы-то поняли наверняка — ведь вам известно все то, о чем упоминал хоббит); однако дракон полагал, что узнал достаточно.

«Так и думал! — усмехнулся он про себя. — Озерники! Тут явно не обошлось без этих мерзких людишек, или я обыкновенная ящерица! Давненько я к ним не заглядывал. Ну ничего, это дело поправимое».

— Отлично, Всадник Бочонка, — проговорил дракон. — Бочонком, верно, звали твоего пони, самого толстого из всех? Разумеется, невидимым ты можешь бродить сколько тебе вздумается, но вот топать пешком до реки — то еще удовольствие. К твоему сведению, прошлой ночью я съел шестерых пони, и остальные никуда не денутся. Оч-чень вкусно было! В награду за угощение я готов дать тебе добрый совет: не водись с гномами.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивленным.

— Не перебивай, — одернул дракон. — Гномов я знаю на запах и на вкус — отличная еда. Неужели ты думаешь, что я могу съесть пони, на котором

ездил гном, и не учуять гномьего запаха? Учти, воришка, с такими приятелями ты плохо кончишь. Можешь так им и передать. — Смог умолчал о том, сколь сильно его заинтересовал новый, совершенно незнакомый запах — запах хоббита. — За сколько ты загнал мой кубок, а? Сколько тебе заплатили? Совсем ничего? Узнаю гномов. Сдается мне, незавидная у тебя участь — рвешь в одиночку жилы, тащишь все, что подвернется под руку, а они бездельничают снаружи, дожидаясь добычи. Много обещали? Не верь! Еще спасибо скажешь, коли выберешься живым.

* * *

Бильбо весь извелся. Когда на него падал пытливый взор Смога, высматривавшего невидимого воришку, он начинал дрожать, его охватывало почти неодолимое желание снять кольцо, встать перед Смогом и выложить тому все как есть. Хоббит и не догадывался, что это действуют чары дракона.

Набравшись мужества, Бильбо продолжил разговор.

— Тебе ведомо многое, но не все, о могучий Смог, — сказал он. — Не только сокровища привели нас сюда.

— Ага! Попался! — расхохотался Смог. — Почему бы тогда не сказать «нас четырнадцать» и не покончить с этим, господин Счастливое Число? Я рад, что вам нужно что-то еще, кроме моего золота. Все-таки не совсем впустую потратите время.

Понимаешь ты или нет, глупец, что, даже если ты украдешь все мое золото — а на это тебе потребуется лет сто, если не больше, — далеко вам с ним не уйти? Думаешь, никто не позарится на него в горах или в лесу? Дубина ты, дубина! На чем вы собираетесь везти сокровища? Кто их будет охранять, и как насчет пошлины? Кстати сказать, ты уверен, что тебя не обманывают? А вдруг твоя доля — пшик?

Коварный Смог гулко захохотал. Он знал, что недалек от истины; впрочем, дракон по-прежнему был уверен, что во всем виноваты жители озерного города и что основная часть добычи непременно осядет в Эсгароте.

Вы, наверное, удивитесь, но бедняга Бильбо чуть было не поверил Смогу. До сих пор он помышлял только о том, как добраться до Горы и отыскать потайной ход. О том же, как увезти сокровища и как доставить свою долю в Торбуна-Круче, хоббит и не задумывался.

У него зародилось ужасное подозрение — а что, если гномы и вправду замыслили обмануть его и все это время втихомолку посмеивались над простаком Торбинсом? Нет, этого не может быть! Гномы — друзья, настоящие друзья!

Как видите, драконьи чары продолжали действовать. И то сказать, редко кому удается против них устоять.

— Золото — не главное, — проговорил хоббит. — Мы пришли, чтобы отомстить. Мы шли по-над кручами, плыли по водам, летели по воздуху, чтобы поквитаться с тобой, о богатейший Смог! Ты ведь знаешь, что у тебя есть кровные враги?

Дракон оглушительно расхохотался. Бильбо припечатало к стенке потайного хода, а гномы, услышав этот грохот, решили, что господин Торбинс обрел мучительную кончину.

— Отомстить! — фыркнул дракон. Он поднял веки, и его зрачки, будто светильники, озарили пещеру от пола до потолка. — Поквитаться! Король Подгорного королевства мертв, и где его жаждущие мести родичи? Гирион, владыка Дола, тоже мертв, и где сыновья его сыновей, где прочие мстители? Они боятся меня, воришка, боятся! Я убиваю там, где хочу и кого хочу, и никто не

осмеливается мне сопротивляться. Я повергал великих бойцов прошлого, а нынешние им не чета. Тогда я был молодым и незрелым, а ныне я стар и могуч, могуч, могуч!!! Вот так-то, глупый воришка! — злорадствовал Смог. — Моя чешуя толще десятка щитов, мои зубы — мечи, мои когти — копья, удар моего хвоста — раскат грома, крылья поднимают бурю, а дыхание сеет смерть!

— Я всегда думал, — пискнул перепуганный хоббит, — что на брю… э-э… на груди у драконов чешуи нет. Или я что-то напутал?

Дракон оборвал похвальбу.

— Твои сведения устарели, — громыхнул он. — Сверху я покрыт чешуей, а снизу у меня камни. Никакой клинок их не пробьет.

— Мне бы догадаться, — сокрушенно вздохнул Бильбо. — Верно, верно — никто не сравнится со Смогом Непробиваемым! Как, должно быть, приятно иметь жилет из самоцветов!

— Еще бы! — самодовольно согласился Смог. Ему было невдомек, что в прошлый раз хоббит успел увидеть его каменное брюхо, а теперь хочет повнимательнее все разглядеть. Он перевернулся на бок. — Смотри! Ну, что скажешь?

— Изумительно! Невероятно! Потрясающе! Чудеса! — рассыпался в восторгах Бильбо, а сам

подумал: «Старый болван! Интересно, что это за впадинка слева на груди? Голая, как улитка без раковины...»

Решив, что наговорился и насмотрелся достаточно, господин Торбинс собрался уходить.

— Не смею больше беспокоить Ваше Великолепие, — сказал он. — Отдыхайте. Вы, наверно, подустали, гоняясь за пони. И за воришками, — прибавил хоббит и опрометью кинулся вверх по проходу.

Его последние слова задели Смога. Дракон вытянул шею, приблизил свою чудовищную морду к узкому отверстию в стене пещеры и выдохнул струю пламени. Бильбо еще повезло — он успел убежать далеко, поэтому обжегся не сильно, но все же чувствительно. Да, не стоило насмехаться над драконом; ошибка чуть не стоила ему жизни.

— Бильбо, ты балбес! — сказал себе хоббит. — Никогда не смейся над живым драконом! — Впоследствии эта фраза стала его любимой присказкой и даже превратилась в поговорку. — Приключение еще не кончилось!

И это была чистая правда.

* * *

Уже под вечер хоббит наконец выбрался наружу — выпал из потайного хода прямо на руки гномам. Друзья смазали ему ожоги целебной мазью, но прошло много времени, прежде чем запекшиеся и приставшие к коже волосы на голове Бильбо и шерстка на стопах отросли вновь. Гномы как могли старались развеселить его, им не терпелось услышать, что произошло в логове дракона и что там грохотало.

Однако хоббит рассказывал не слишком охотно. А дело было вот в чем: он, по зрелом размышлении, понял, что поведал дракону кое-что лишнее, и не хотел выслушивать упреки гномов. Достаточно было того, что он сам корил себя на чем свет стоит.

Долго так продолжаться не могло, и в конце концов Бильбо не выдержал.

На сером валуне посреди поляны сидел дрозд. Он словно прислушивался к разговорам. Хоббит подобрал с земли камень и швырнул в птицу. Дрозд отлетел на несколько шагов, а потом вернулся на прежнее место.

— Проклятая птица! — рассердился Бильбо. — Она подслушивает, я уверен! И вообще она мне

не нравится!

— Не городите чепухи, — отозвался Торин. — Дрозды — птицы добрые и дружелюбные, а этот, похоже — из той стаи, которую кормили когда-то с рук мои отец и дед. Дрозды ведь живут долго. Помнится, люди Дола сумели выучить их язык и частенько посылали дроздов гонцами в Эсгарот и в другие места.

— Ну, коли вы хотите отправить весточку в Эсгарот, — сказал хоббит, — тогда пускай слушает на здоровье. Хотя вряд ли кто сейчас понимает птичий язык…

— Да что стряслось? — вскричали гномы. — Давай выкладывай!

Бильбо рассказал все, что помнил, и признался: его беспокоит, что дракон, по-видимому, о многом догадывается.

— Смог наверняка сообразил, что мы приплыли из озерного города и что горожане нам помогли. Боюсь, он собирается слетать туда. Какой же я болван! И надо мне было назваться всадником бочонка! Даже последний тупица сообразит, что тут не обошлось без жителей Эсгарота.

— Не вини себя, — промолвил Балин. — Все равно, что сказано, то сказано, да и трудно не проболтаться в разговоре с драконом, так мне

говорили. Если хочешь знать, я думаю, ты молодец — сумел выведать очень важную вещь и выбраться живым. Улизнуть от дракона не так-то просто. А еще ты выяснил главное: теперь мы знаем, что Старый Червяк не такой уж неуязвимый, что у него на брюхе есть прореха.

Принялись вспоминать, кто и как убивал драконов и каким оружием. Приводили множество случаев — достоверных, сомнительных и вовсе вымышленных; обсуждали, какой удар лучше и надежнее; толковали о различных хитростях и уловках, которые могут помочь. Сошлись на том, что застать дракона врасплох почти невозможно, да и нападать на него спящего равносильно самоубийству — уж лучше безрассудная атака в лоб. Дрозд внимательно слушал, а когда на небе высыпали звезды, сорвался с камня и улетел.

Гномы продолжали разговор. Бильбо между тем не находил себе места, ему было неуютно и страшно.

— Послушайте, — вмешался он наконец. — Давайте спрячемся, а? Все равно трава сгорела, земля холодная, да и поздно уже. Я нутром чую — дракон снова сюда прилетит. Он теперь знает, как я спустился в пещеру, и, будьте уверены, отыщет верхнее отверстие. Если потребуется, Смог спа-

лит весь склон Горы, разнесет стену на кусочки, а если вместе со стеной на кусочки разлетимся и мы, он ни капельки не расстроится.

— Что-то вы мрачно настроены, господин Торбинс, — отозвался Торин. — Смогу гораздо проще заделать нижнее отверстие, но он почему-то не торопится его забить. Слышите, все тихо?

— Не знаю, не знаю… Может, он ждет, когда я вернусь… Или просто не хочет менять что-либо в своем логове. Ну пожалуйста, не спорьте со мной! Того и гляди может появиться Смог! Давайте спрячемся в потайном ходе и закроем дверь.

Хоббит выглядел настолько обеспокоенным, что гномы послушались. Правда, дверь закрывать не стали — неизвестно было, смогут ли они открыть ее изнутри, а пробираться потом на волю под носом у дракона никому не хотелось. Вдобавок по-прежнему было тихо — никаких подозрительных звуков. Так что гномы еще долго сидели у полуоткрытой двери потайного хода, продолжая разговор.

Всех возмутили слова дракона, что гномы обманывают хоббита. Бильбо горько жалел о том, что вообще услышал эти слова; они заронили в сердце сомнение, а ему очень хотелось верить, что друзья и вправду его не обманывают.

— Для нас главное — добыть сокровища, — заявил Торин, — а там уже решим, что с ними делать. Не будем делить шкуру неубитого медведя. Но что касается вас, господин Торбинс, мы вам глубоко признательны, и вы получите свою долю, как только сокровища окажутся в наших руках. Кроме того, мы постараемся помочь с доставкой вашей доли в Хоббитанию, — что и говорить, места здесь дикие. В общем, хотите — верьте, хотите — нет, дело ваше.

Разговор перекинулся на сокровища в драконьем логове. Торин с Балином гадали, уцелела ли хотя бы малая толика из того, что они помнят: копья, выкованные гномами для войска Бладортина, великого короля прошлых лет, — каждое с наконечником-трезубцем и с древком, украшенными позолотой (Бладортин так и не выкупил эти копья); щиты давно почивших воинов; огромный золотой кубок Трора с двумя ручками — на нем была замечательная резьба, птицы с глазами-самоцветами и цветы с лепестками из

драгоценных каменьев; смарагдовое ожерелье Гириона, владыки Дола (в этом ожерелье было пятьсот смарагдов, зеленых, как трава; Гирион подарил его своему старшему сыну в придачу к кольчуге, выкованной гномами из чистейшего серебра, втрое превосходившего прочностью сталь, — другой такой кольчуги на свете не было и быть не могло). Но чудеснее всего был большой алмаз, который гномы отыскали в самом сердце Горы, — Завет-камень Траина.

— Завет-камень, Завет-камень, — бормотал Торин словно в забытьи. Гном сидел, опершись подбородком о колени, и глядел прямо перед собой. — Он как шар с тысячью граней, он светится, как серебро в пламени, как вода на солнце, как снег под звездами, как капли дождя в лунном свете!

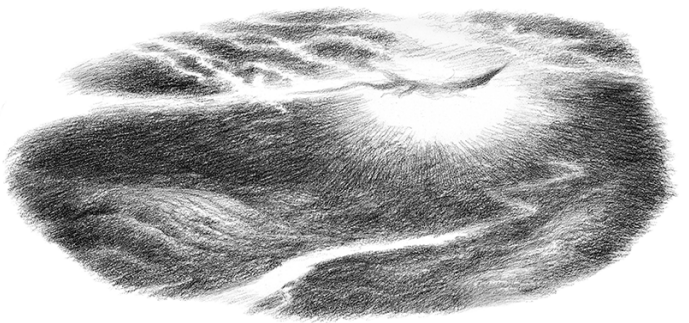
Однако Бильбо, сидевшему у самой двери, было не до сокровищ. Хоббит не вступал в разговор; он напряженно прислушивался, чтобы невзначай не пропустить мало-мальски странный звук снаружи.

Сумерки густели, и хоббит беспокоился все сильнее.

— Закройте дверь, — попросил он гномов. — От этого дракона можно ожидать чего угодно. Боюсь,

Смог замыслил какую-то каверзу. Уж лучше бы гремело и грохотало, как вчера. Закройте дверь, пока не поздно.

Торин перестал бормотать себе под нос, пристально поглядел на хоббита, молча поднялся и откинул камень, мешавший двери закрыться. Потом навалился на нее всем телом. Дверь захлопнулась, заперев компанию в потайном ходе.



И вовремя! Едва гномы с хоббитом отошли чуть глубже, как Гора содрогнулась от удара, будто в нее бил тараном какой-то великан. По

стенам потайного хода зазмеились трещины, с потолка на головы посыпались камни. Если бы дверь оставалась открытой — брр! не хочу даже думать об этом. Гномы кинулись бежать, а снаружи доносился яростный рев Смога. Размахивая огромным хвостом, дракон крушил скалы, и вскоре выжженная трава, валун, на котором сидел дрозд, каменная стена с улитками, узкий карниз — все превратилось в груду обломков, лавиной рухнувшую в распадок.

Смог и вправду решил застать этих проклятых грабителей врасплох. Он тихонько выбрался из своего логова и полетел к западному склону Горы, надеясь отыскать верхний выход из потайного хода и заодно полакомиться гномами. Промедли гномы хоть немного — и дракон добился бы своего. А так ему осталось бушевать в бессильной ярости, ибо он никого не нашел.

Смог покружил над распадком, в который сошла каменная лавина. Что ж, отсюда его больше не потревожат. Можно заняться другими делами.

— Всадник Бочонка, — фыркнул дракон. — Ты пришел от воды, это вода принесла тебя сюда. Твой запах мне незнаком, ну и ладно. Если ты и не из озерников, они наверняка тебе помогали.

Пора им напомнить, кто у нас настоящий Король-под-Горой!

Дракон взмыл в воздух, выпустил струю пламени и полетел на юг, к Долгому озеру.

Глава XIII
Кто дома, а кого и нет

* * *

В потайном ходе было темно и так тихо, что даже шепот казался громким криком. Перекусили и легли спать. Засыпали, просыпались, а вокруг было все то же — непроглядный мрак и тишина. Никто не знал, сколько прошло времени; казалось, минули не одни сутки. Так недолго и задохнуться или сойти с ума; хотя бы глоток свежего воздуха! Пусть даже возвратился бы в свое логово дракон — и то стало бы легче: вот он,

тут, под боком; а тишина наводила на неприятные мысли о том, что Смог затаился где-нибудь неподалеку и замышляет что-то ужасное. В конце концов терпение истощилось.

— К двери! — велел Торин. — Хоть надышимся вволю перед смертью. Уж лучше погибнуть в бою с драконом, чем задохнуться в темноте.

Несколько гномов поплелись вверх по проходу. Их ожидало разочарование. В потайном ходе случился обвал, и до двери теперь было не добраться.

— Мы в ловушке! — закричали гномы. — Все, мы погибли! Нам отсюда не выбраться!

Они причитали и рвали на себе волосы, а Бильбо вдруг ощутил несказанное облегчение — словно с груди его наконец-то сняли камень.

— Успокойтесь, — сказал он. — Как говаривал мой папаша, пока живу — надеюсь. Пора мне прогуляться вниз. Я уже дважды ходил в гости к дракону, схожу и в третий раз, тем паче что хозяин, по-моему, благополучно отсутствует. По третьему разу всяко сладится. В любом случае, другой дороги нет. И на сей раз, по-моему, вам всем, судари мои, лучше пойти со мной.

Отчаяние заставило гномов согласиться.

— Теперь тихо, — прошептал Бильбо встав-

шему рядом Торину. — Сдается мне, дракона в пещере нет, но кто его знает, этого Смога! Лучше не рисковать.

На ощупь двинулись вниз. Хоббит то и дело замирал и настороженно прислушивался. А гномы пыхтели и шаркали ногами — они просто не умели ходить по-хоббитовски; эхо разносило звуки по коридору, но снизу, как ни странно, не слышалось ни шороха. Наконец Бильбо решил, что они почти пришли, и надел кольцо. Впрочем, предосторожность была излишней: тьма стояла хоть выколи глаз, и различить что-нибудь было невозможно. Хоббит пошарил руками вокруг, нащупал пустоту, от неожиданности не устоял на ногах и кубарем скатился на пол пещеры.

Он упал и остался лежать лицом вниз, едва осмеливаясь дышать. Но никто его не трогал, никто с ним не заговорил. Хоббит медленно поднял голову. В пещере было темно, лишь мерцал в отдалении тусклый огонек, ничуть не похожий на пламенный зрачок дракона. Но в том, что это — пещера Смога, сомневаться не приходилось: в ней стоял густой драконий дух, на языке ощущался горьковатый привкус дыма.

Господин Торбинс не выдержал.

— Смог! — взвизгнул он. — Ты, проклятый чер-

вяк! Хватит прятаться! Посвети-ка, слышишь? А потом можешь меня есть — коли поймаешь, конечно.

Ответом ему было только эхо, обежавшее пещеру. Бильбо поднялся и вдруг понял, что не знает, в какой стороне потайной ход.

— Знать бы, что затеял Смог, — сказал сам себе хоббит. — Похоже, нынешним вечером (или днем — что там у нас на дворе?) он отправился на прогулку. Вот и славно. Еще бы свету подбавить. Может, Оин с Глоином запаслись в Эсгароте новыми огнивами? Эй! — крикнул хоббит. — Эй, кто-нибудь! Огоньку не найдется?

* * *

Услышав, с каким шумом упал Бильбо, гномы, разумеется, испугались, сбились в кучку и затаились у отверстия.

— Шш! — зашипели они, услыхав голос хоббита. Это помогло Бильбо худо-бедно определить направление, в котором располагалось отверстие, но прошло немало времени, прежде чем гномы пришли на выручку господину Торбинсу. Лишь когда он пронзительно завопил: «Огня!» и принялся топать ногами, Торин наконец разрешил помочь хоббиту. Оина с Глоином отправили

наверх, к завалу, где оставались мешки с припасами и инструментами.

Вскоре они вернулись. Сперва показался алый огонек, а затем стали видны и гномы: Оин с маленьким зажженным факелом в руке и Глоин со связкой факелов под мышкой. Бильбо подскочил к дверному проему и схватил факел. Правда, гномы не до конца избавились от страха и наотрез отказывались зажечь другие факелы или присоединиться к хоббиту. Как доходчиво объяснил Торин, господин Торбинс может лезть на рожон сколько ему вздумается; если уж на то пошло, добытчик — он, а добытчику виднее. Мол, ступайте, господин Торбинс, а мы посидим, подождем и посмотрим, что у вас получится.

Хоббит не стал настаивать. Подняв факел над головой, он двинулся в обход пещеры. Время от времени гномы слышали звяканье — это Бильбо спотыкался об очередную золотую поделку. Хоббит уходил все дальше. Внезапно алый огонек факела, уже почти неразличимый во мраке, начал подниматься. Бильбо взобрался на груду сокровищ, на мгновение застыл и над чем-то наклонился.

То был Завет-камень, Сердце Одинокой Горы, в точности такой, каким его описывал Торин.

Впрочем, Бильбо узнал бы этот камень из тысячи других, ибо двух таких камней попросту не могло быть. Это Завет-камень тускло светился во мраке пещеры. Подобравшись ближе, Бильбо увидел светящийся изнутри шар. Блики пламени дробились на его бесчисленных гранях, приобретая самые невероятные оттенки. У хоббита захватило дух. Алмаз мерцал и искрился, и в его сиянии мерцали и искрились несметные сокровища вокруг.

Неожиданно для себя самого Бильбо протянул к камню руку. Ладонь хоббита оказалась слишком маленькой, чтобы охватить алмаз. Бильбо зажмурился, поднял камень обеими руками и сунул его в самый глубокий из своих карманов.

«Вхожу во вкус, — подумалось ему. — Надо будет рассказать гномам — но не сейчас. Они ведь говорили, что я сам могу выбрать свою долю. Хорошо, тогда я беру камень, а они пускай забирают все остальное».

Так рассуждал хоббит, но все же его грызли сомнения — он догадывался, что гномы не одобрят такого выбора.

Бильбо двинулся дальше, спустился с груды сокровищ, и гномы потеряли факел из виду. Но вскоре огонек появился вновь — Бильбо пересекал пещеру наискосок. Вот он добрался до

громадного проема в дальнем конце, и порыв ветра снаружи чуть было не погасил факел. Хоббит робко заглянул в проем: из темноты проступали широкие коридоры, можно было различить нижние пролеты уводивших куда-то вверх лестниц. Смога нигде не было. Пожалуй, пора возвращаться. Бильбо повернулся, и тут над ним прошмыгнула черная тень, что-то коснулось лица. Он взвизгнул, покачнулся — и рухнул навзничь. Факел выпал из руки и погас.

Впрочем, хоббит быстро опомнился.

«Наверно, летучая мышь, — сказал он себе. — Вот незадача! Как же мне теперь быть? Где восток, где север, где юг и где запад?»

— Торин! Балин! Оин! Глоин! Фили! Кили! — закричал хоббит. В огромной пещере его отчаянный крик прозвучал шепотом. — Кто-нибудь! Помогите, найдите меня! — На мгновение от мужества Бильбо не осталось и следа.

Гномы расслышали крик, но разобрали одно только «помогите».

— Что с ним стряслось? — проворчал Торин. — Ясно, что это не дракон, иначе он бы и пикнуть не успел.

Немного подождали, но никаких подозрительных звуков не доносилось — слышался лишь

взывавший о помощи голос Бильбо.

— Эй, зажгите-ка факелы! — велел Торин. — Похоже, пора подсобить нашему добытчику.

— С великой охотой, — откликнулся Балин. — Сколько раз он нас выручал, теперь наша очередь. Поторопимся же, покуда нам ничто не угрожает.

Глоин зажег факелы, гномы один за другим спустились в пещеру и торопливо двинулись на голос хоббита. Далеко идти не пришлось — Бильбо пошел им навстречу, едва завидев огоньки.

— А, летучая мышь пролетела, да факел погас, — небрежно отмахнулся он в ответ на вопросы гномов. Как ни странно, гномы не стали ворчать — мол, чего же ты тогда вопил, будто тебя режут. А все дело в том, что они очутились рядом с сокровищами и ни о чем другом думать уже не могли. Ведь и самый осторожный гном при виде золота становится отважен и свиреп, и никакая опасность его не пугает. Представляете, что было бы, знай гномы, что в кармане у Бильбо лежит Завет-камень?!

Уговаривать их необходимости не было. Все как один рвались осмотреть пещеру — раз уж представилась возможность и коль скоро Смога, по-видимому, нет дома. Похватали факелы и разбрелись в разные стороны, забыв о всякой

осторожности. Громко разговаривали, перекликались, поднимали сокровища с пола, снимали со стен доспехи и оружие, пристально разглядывали, ощупывали и любовно поглаживали.

Фили и Кили настолько увлеклись, что, отыскав золотые арфы с серебряными струнами, немедля принялись играть. Дракон музыкой не интересовался, поэтому струны оказались в порядке и своих голосов арфы не потеряли. Под мрачными сводами поплыла древняя мелодия. Другие гномы занимались более важным делом — набивали карманы самоцветами, со вздохом оставляя на полу те, которые в карманы не лезли. Торин обшарил всю пещеру, явно разыскивая нечто особенное (конечно, он искал Завет-камень, но его поиски были тщетны).

Потом гномы принялись вооружаться. Торин облачился в золотую кольчугу и прицепил к отделанному яхонтами поясу секиру с серебряным древком. Теперь он и вправду выглядел по-королевски.

— Господин Торбинс! — позвал он. — Вот вам первая награда. Снимите свой плащ и наденьте-ка это.

Он накинул на плечи хоббиту кольчужную рубашку, выкованную в давние времена, должно быть, для эльфа небольшого роста. Эта рубашка была из чудесного металла, который эльфы называют *мифрил*; к рубашке замечательно подошел пояс, расшитый жемчугами и горным хрусталем. На голову Бильбо водрузили легкий кожаный шлем со стальными ободьями изнутри, также искрившийся драгоценными каменьями.

«Здорово! — обрадовался хоббит. — Но выгляжу я, наверное, нелепее не придумаешь. Вот посмеялись бы надо мной дома! Хоть бы зеркальце дали, что ли».

Гномы продолжали рыться в сокровищах, а Бильбо это быстро надоело. Он отошел в сторонку, сел и стал прикидывать, как быть и что делать дальше. «Какой толк ото всех этих кубков, ведь они пустые, — подумалось ему. — Эх, глотнуть бы

сейчас из Беорновой чаши!»

— Торин! — окликнул Бильбо. — Что будем делать? Против Смога никакое оружие не поможет. Да забудьте вы про сокровища! Мы ведь пришли не за золотом, нам надо выбраться наружу. Удача — штука капризная, не стоит ее искушать.

Гном с трудом отвлекся от блеска драгоценностей.

— Верно, — согласился он. — Надо идти, и теперь поведу я. Даже за тысячу лет мне не забыть коридоров этого дворца!

Торин подозвал остальных. Подняв факелы над головами, они пересекли пещеру и миновали огромный проем. Пока сокровища не скрылись из виду, гномы все оглядывались и бросали назад исполненные сожаления взгляды.

Сверкающие кольчуги спрятались под плащами, шлемы — под драными колпаками. Двигались гуськом, то и дело останавливаясь и прислушиваясь.

Хотя древние укрепления гномов внутри Горы были разрушены, хотя Смог ухитрился разломать даже то, что строилось на века, Торин уверенно вел компанию к выходу. Взбирались по длинным лестницам, поворачивали, шли по гулким коридорам, снова поворачивали и снова карабкались

по гладким, вырубленным в скале ступенькам. Им не попалось навстречу ни единого живого существа, лишь шарахались прочь, завидев свет, крохотные черные тени.

Для хоббита ступеньки были слишком высоки, и ему начало казаться, что дальше идти он уже не в силах, как вдруг потолок пещеры словно исчез — факелы не могли рассеять сумрак. Откуда-то сверху сочился тусклый свет, воздух заметно посвежел. Впереди виднелись огромные дверные створки, покореженные и обугленные.

— Это Великая палата Трора, — сказал Торин. — Здесь король пировал и держал совет. Мы почти пришли.

Пересекли разгромленную палату. Перевернутые столы, переломанные, обугленные скамьи и табуреты, осколки кувшинов, чаш и рогов, черепа и кости, и на всем — толстый слой пыли. Миновав еще одну дверь, услыхали клекот воды. Стало гораздо светлее.

— Исток Бегущей, — показал Торин. — Отсюда она течет к Парадным Вратам. Нужно идти вдоль реки.

Из отверстия в каменной стене вырывался бурный поток, попадавший в узкий, глубокий и прямой, как стрела, канал, проложенный древни-

ми мастерами. По берегу шла мощенная камнем дорога, широкая настолько, что по ней могли пройти в ряд несколько воинов. Гномы побежали, обогнули скалистый выступ у речной излучины — и в глаза им ударил ослепительно яркий дневной свет. Перед ними возвышалась арка, на которой виднелась древняя резьба, местами обезображенная и почерневшая от пламени. А за аркой, в осенней дымке, сияло меж отрогами Горы солнце, и золотистые лучи светила падали на каменные плиты у ворот!

Стая нетопырей, испугавшись чадящих факелов, кинулась наутек. Гномы двинулись к арке. Ноги скользили по камням, до блеска отполированным драконьим брюхом.

Бросив факелы, стали осматриваться. Неподалеку из подземелья вырывалась река и, пенясь, устремлялась в долину. На равнине за Парадными Вратами лежали развалины Дола.

— Ну, — проговорил Бильбо, — я и не надеялся это увидеть. И никогда не думал, что можно так радоваться солнышку и ветру! Однако до чего же он холодный!

Ветер и вправду был холодным, пронизывал до костей, возвещал о приближении зимы. Резкие порывы заставляли ежиться, и вскоре все

продрогли.

Внезапно Бильбо понял, что не только замерз, но и проголодался.

— Сейчас у нас позднее утро, не правда ли? — сказал он. — Не мешало бы перекусить — ежели, конечно, найдется чем. И, разумеется, не тут. Надо поискать какое-нибудь укрытие.

— По-моему, я знаю подходящее место, — отозвался Балин. — Древний сторожевой пост на юго-западном склоне.

— А далеко до него? — спросил хоббит.

— Думаю, идти часов пять, и путь предстоит не из легких. Та дорога, что на левом берегу реки, давным-давно заброшена. Зато посмотри вниз. Видишь, у развалин река поворачивает на восток? В том месте когда-то был мост, а от него можно было подняться по лестнице на дорогу к Враньему Пику. Там должна быть тропа, ведущая прямиком к посту.

— Это же надо! — всплеснул руками хоббит. — Снова идти, снова куда-то лезть — и все натощак! Интересно, сколько завтраков и обедов мы пропустили, покуда сидели в этой дыре?

Он потерял счет времени, ему казалось, что миновала по крайней мере неделя. А ведь обвал в потайном ходе случился всего два дня назад.

— Пошли, пошли, — засмеялся Торин, настроение которого заметно улучшилось. Он засунул руки в карманы и загремел самоцветами. — И не смей называть мой дворец дырой! Подожди, вот его отделают…

— Сначала не мешало бы отделать Смога, — угрюмо возразил Бильбо. — И куда он, кстати, подевался? Тому, кто мне это скажет, я отдам свой завтрак. Надеюсь, он не высматривает нас из поднебесья?

Гномы всполошились. Все дружно сошлись на том, что Бильбо с Балином правы.

— Пора уносить ноги, — сказал Дори. — У меня такое ощущение, будто за мной кто-то следит.

— Тут холодно и пусто, — проворчал Бомбур. — Воды хватает, а вот есть нечего. Вот почему дракон всегда голоден…

— Хватит! Хватит! — закричали остальные. — Веди, Балин!

* * *

На правом берегу возвышалась отвесная каменная стена, поэтому идти пришлось по левому, и вскоре царившее в окрестностях Горы запустение отрезвило даже Торина, по-прежнему грезившего о Завет-камне. Мост, о котором упоминал Балин,

давно рухнул, лишь торчали из воды опоры. Перешли реку вброд, поднялись по крутому склону, передохнули в глубоком распадке и слегка перекусили лепешками крэма — иначе сытниками, запивая их водой. (Вам наверняка интересно, что такое сытники. Рецепта я не знаю, а по виду они похожи на печенье, хранятся долго и придают сил. Сытники не глотают, а жуют, как вяленое мясо, пока весь кусок не изжуется. Жители Эсгарота обычно запасаются ими, собираясь в дальнюю дорогу.)

Потом двинулись дальше, забирая к западу, в сторону от реки, мало-помалу приближаясь к южному склону горного отрога. Наконец нашли тропу, ведущую к сторожевому посту. Построились гуськом и медленно побрели вверх; и лишь только к вечеру, когда солнце стало клониться к закату, взобрались на гребень и обнаружили там ровную площадку, открытую с трех сторон. Лишь с севера ее защищала от ветра скала, в которой виднелось отверстие. От скалы открывался замечательный вид на юг, запад и восток. Окрестности Горы были как на ладони.

— Тут сидели дозорные, — пустился в объяснения Балин. — Этот ход ведет в вырубленную в скале сторожку. Таких сторожек тогда было

несколько. Но мы, должно быть, слишком уж разнежились и дозор несли спустя рукава. Ах, если бы тогда дракона заметили загодя! Все, все могло бы быть иначе! Ну да ладно. Здесь мы можем укрыться и многое увидеть, сами оставаясь незамеченными.

— Коли Смог видел, как мы сюда лезем, чего прятаться, — пробурчал Дори. Он все поглядывал на Гору, словно ожидая увидеть там дракона, примостившегося на вершине, точно птичка на ветке.

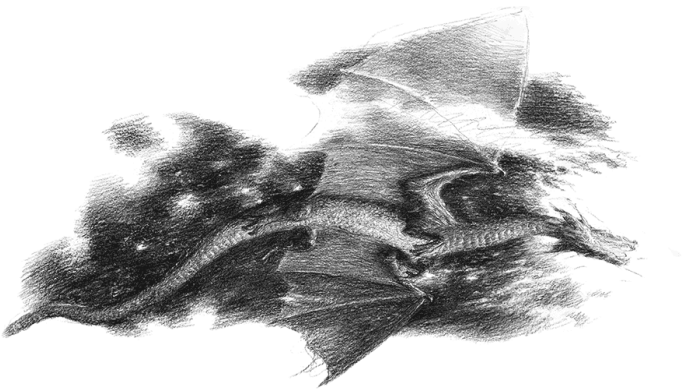
— Будем надеяться, что нас никто не видел, — откликнулся Торин. — В любом случае дальше мы сегодня не пойдем.

— Ура! — завопил Бильбо, плюхаясь наземь. — Вот мудрые слова!

В сторожке могла разместиться добрая сотня гномов. К главному залу примыкал другой, поменьше, и в нем было теплее. Похоже, сюда не забредали даже дикие звери — в сторожке было чисто. Свалили поклажу; некоторые гномы буквально попадали на пол и тут же заснули, а остальные уселись у входа и принялись строить планы. Однако быстро отвлеклись; всех волновало одно — где Смог? Ни на западе, ни на востоке ничего похожего на летящего дракона видно не

было; на юге — тоже, однако там почему-то кружила громадная стая птиц. Стали гадать, что бы это значило, и все толковали и толковали, а на небе уже появились первые звезды.

Глава XIV
Вода и пламень



* * *

Если вам, как и гномам, очень хочется узнать, куда пропал Смог, мы должны будем вернуться на двое суток назад и вспомнить тот вечер, когда дракон завалил верхнее отверстие потайного хода и полетел к Эсгароту.

Жители Эсгарота сидели по домам, ибо с востока задувал холодный ветер. Лишь некоторые,

любители вечерних прогулок, прохаживались по набережным, поглядывая на звезды в небе и на отражения звезд в воде. Одинокой Горы из Эсгарота было не видно, ее скрывала гряда холмов у дальнего конца озера (сквозь проход в этих холмах несла свои воды Бегущая); только в ясный день можно разглядеть самую вершину зловещей Горы. А сейчас и она скрылась в сгустившихся сумерках.

И вдруг вершина возникла из мрака, будто охваченная пламенем, возникла — и вновь пропала.

— Глядите! — воскликнул кто-то. — Снова этот огонь! Дозорные говорят, что прошлой ночью он полыхал до самого рассвета. Что-то там происходит?

— Король вернулся и кует золото, — ответили ему. — Сколько уже времени прошло с тех пор, как они ушли на север? Пора бы и сбыться пророчеству.

— Какой такой король? — пробурчал другой. — Разве не видите, это бесчинствует Смог, истинный хозяин Горы!

— Вечно ты каркаешь! — упрекнули его. — То наводнение у тебя, то рыба отравленная! Придумай что-нибудь новенькое!

Внезапно над холмами вновь взметнулось пламя, и северная часть озера на миг стала золотой.

— Не оттого ль светла Гора, что плавит золото король; давным-давно ушел он вдаль, и сбыться песням уж пора! Золотая река течет с Горы! — восклицали люди.

Распахивались окна, отовсюду слышался топот. Горожане радовались, как дети. Лишь один из них — тот самый, который назвал Смога «истинным хозяином Горы», — сохранил ясную голову.

— Или я глуп как пробка, или сюда летит дракон! — крикнул он, подбегая к градоправителю. — Рубите мост! К оружию! К оружию!

Запели сигнальные рожки, над скалистым берегом прокатилось эхо. Всеобщее веселье сменилось паникой. Но все же дракону не удалось застать горожан врасплох.

Он стремительно приближался к городу. Крохотная тусклая искорка, которой Смог казался издалека, быстро увеличивалась и сверкала все ярче. Вскоре даже самые бестолковые из горожан убедились в том, что пророчество и не думало сбываться. Времени оставалось мало, однако люди успели подготовиться: наполнили водой бочки и ведра, вооружились, облачились в доспехи — у кого они были; мост, соединявший город

с берегом, обрушили прежде, чем ушей коснулся рев дракона, прежде, чем по воде побежали волны от чудовищного ветра, поднятого крыльями Смога.

Под людские крики, вопли и плач дракон устремился было к мосту, но моста уже не было! Смог понял, что его перехитрили, и разъярился пуще прежнего. Враги укрылись в своем городе, как на острове посреди бездонной пучины. Конечно, можно опуститься в озеро, тогда над водой поднимется пар, под покровом которого не составит труда проникнуть в Эсгарот; но что, если он утонет — ведь озеро глубокое, темное и холодное, ведь оно даже могущественнее, чем дракон?

Смог развернулся и с яростным ревом рванулся к городу. Его встретили громкими криками и тучей стрел, забарабанивших по чешуе. Ни одна не причинила дракону вреда; древки стрел загорались и с шипением падали в воду. Скажу вам напрямик — такой огненной потехи вы никогда не видели! Стрелы и звуки горнов разозлили дракона настолько, что он почти обезумел от бешенства. Давным-давно никто не осмеливался ему сопротивляться!

По правде говоря, вряд ли кто из горожан нашел бы в себе мужество выйти против дракона,

когда бы не тот самый человек, призывавший к оружию. Его звали Бард. Он неустанно подбадривал остальных, советовал лучникам, как лучше целиться, требовал от градоправителя приказа сражаться до последней стрелы.

Из пасти Смога вырвалось пламя, и воды озера словно окрасились багрянцем на фоне ночного неба. Дракон покружил над городом, освещая поле сражения своим огнем; деревья на берегу сверкали, точно позолоченные, по ним струились огненные блики, кроваво-красные на фоне ночных теней; дракон покружил — и вдруг ринулся вниз, не обращая внимания на стрелы, отскакивавшие от его боков.

Он поджег город. Пламя перекидывалось с крыши на крышу, и, хотя все крыши заранее как следует окатили водой, дома занимались один за другим. Люди бросились тушить пожар, сотни рук разом выплескивали воду из сотни ведер, и тут Смог налетел снова. Ударом огромного хвоста он разнес в щепки крышу Большого Дворца. Теперь пламя было уже повсюду, а Смог оставался невредим, неуязвимый в своей ярости, и стрелы доставляли ему беспокойства не больше, чем укус болотного комара. Свирепый и ужасный, он летал над Эсгаротом, сея разрушение и смерть.

* * *

Горожане прыгали в воду. Женщин и детей сажали в лодки. Мужчины бросали оружие и бежали куда глаза глядят. На набережных, где совсем недавно распевали песни о возвращении короля Подгорного королевства, слышались стоны и рыдания. Многие во всеуслышание проклинали гномов, навлекших на город такую напасть. Градоправитель поспешно забрался в свой золотой челн и велел гребцам отплывать, рассчитывая, что в суматохе никто не заметит его бегства. Пожираемый пламенем Эсгарот стремительно пустел.

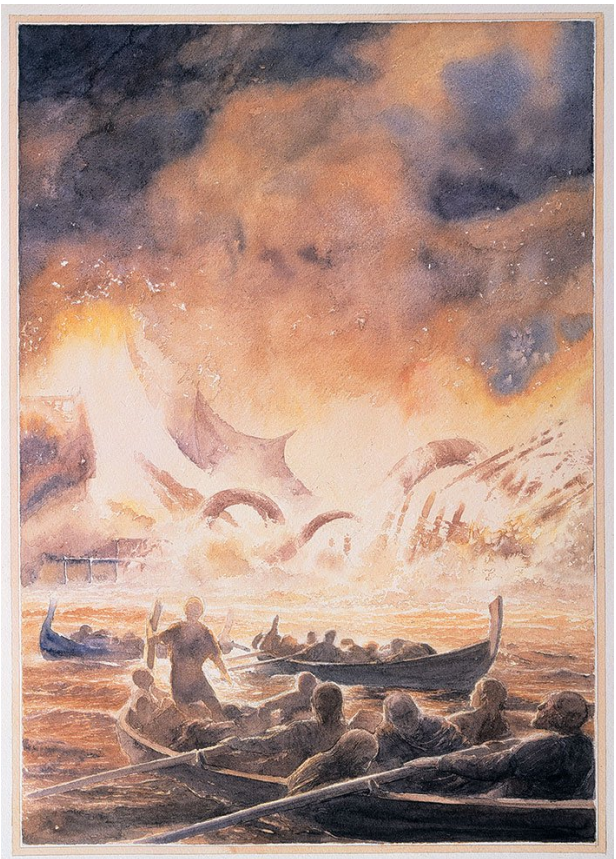
А дракон развлекался. Все шло, как он задумал. Пускай эти негодные людишки лезут в лодки! То-то будет потехи, когда он пустится за ними в погоню! А кто не хочет, может оставаться на пепелище и умирать с голоду. До берега не доберется никто, уж в этом можно не сомневаться. Покончив с городом, он спалит все прибрежные леса, поля и пастбища! В общем, людишки поплатятся за то, что посмели помогать гномам.

Но несколько лучников еще продолжали стрелять. Среди них был и Бард, мрачный, суровый человек; друзья прозвали его «ходячим несча-

стьем» — за то, что он постоянно предрекал всякие беды: то наводнения, то еще что-нибудь. Впрочем, все знали, что Бард умен и храбр. Он был дальним потомком Гириона, владыки Дола (жена и дети владыки после гибели Дола нашли себе пристанище в Эсгароте). Бард стрелял из своего большого тисового лука до тех пор, пока у него не осталась одна-единственная стрела.

Пламя надвигалось. Товарищи один за другим покидали Барда. Он наложил на тетиву последнюю стрелу и согнул лук.

Вдруг из ночного сумрака выпорхнул дрозд и уселся ему на плечо. Бард даже вздрогнул от неожиданности. Дрозд, похоже, ни капельки не боявшийся людей, защебетал, словно о чем-то рассказывая, и Бард изумился — оказывается, он понимает птичий язык! (На самом деле ничего удивительного в этом нет — ведь Бард вел свой род от владык Дола.)



— Жди! Жди! — твердил дрозд. — Вот-вот взойдет луна. Найди у дракона на брюхе ямку, слева на груди. — И птица пересказала Барду все то, что услышала от гномов и Бильбо на Горе.

Дракон возвращался. Он летел ниже, чем прежде; в тот миг, когда он вновь подлетел к гибнущему городу, над восточным берегом озера взошла луна, посеребрившая огромные крылья. Бард натянул тетиву.

— Стрела! — воскликнул лучник. — Черная стрела! Я сохранил тебя напоследок! Ты никогда меня не подводила! Ты досталась мне от отца, а ему — от наших предков. Коль тебя и вправду выковали в кузнях Горного короля — порази лиходея, не промахнись!

Дракон развернулся и вновь устремился на город. Его брюхо искрилось драгоценными каменьями в лунном свете, лишь слева на груди виднелось темное пятнышко. Коротко треньк-нула тетива, черная стрела взмыла ввысь и вонзилась точно в цель — прямо в ямку на драконьем брюхе. Столь могуч был выстрел, что стрела целиком погрузилась в драконью плоть, вместе с древком и оперением. Смог содрогнулся всем телом, перевернулся брюхом вверх и с ревом, от которого оглохли люди, повалились деревья на

берегу и раскололись камни, рухнул на город.

Сваи подломились, не выдержав такой тяжести. Вода закипела, заклокотала, над озером заклубился пар, ослепительно белый в неожиданно павшем мраке. И вдруг все стихло. Так погиб Эсгарот и пришел конец Смогу — но не Барду.

* * *

Молодая луна поднималась все выше. Ветер разгулялся не на шутку. Завывая, он скручивал клубы пара в причудливые фигуры, подхватывал их и гнал на запад, где разрывал в клочья над болотами у границ Лихолесья. На воде качалось множество лодок, над озером разносились возбужденные голоса. Жители Эсгарота оплакивали свой город, загубленные товары и сгоревшее добро. Они пока не понимали, насколько им повезло; как-никак три четверти горожан осталось в живых, почти все лодки уцелели, пожар не затронул ни полей с лесами, ни пастбищ. А самое главное — дракон мертв! Но этого они еще не осознали.

Мало-помалу собрались на западном берегу. Среди спасшихся, дрожащих от холода людей был и градоправитель. Ох и досталось же ему за то, что он едва ли не первым бежал из Эсгарота,

бросив горожан на произвол судьбы!

— Он у нас мастер устраивать дела, особенно свои собственные! А как что серьезное, сразу в кусты!

Люди принялись восхвалять мужество Барда, сразившего дракона точным выстрелом.

— Жаль, что он погиб. Мы бы провозгласили его королем! Король Бард Убийца Дракона из рода Гириона! Горе нам, ибо он мертв.

И тут из темноты выступил высокий, насквозь промокший человек. Его глаза яростно сверкали из-под прилипших ко лбу черных волос.

— Бард не погиб! — воскликнул он. — Бард сразил дракона и прыгнул в озеро. Я Бард из рода Гириона. Я убил дракона!

— Король Бард! — завопила толпа. — Да здравствует король Бард!

Градоправитель заскрежетал зубами.

— Гирион был владыкой Дола, а вовсе не королем Эсгарота, — прошипел он. — Мы в озерном городе всегда выбирали себе правителей среди старых и мудрых, а всяких там забияк не жаловали. Пускай ваш король Бард возвращается в свое королевство — Долу теперь ничто не угрожает. И те, кому холодные камни в тени Горы милее зеленых берегов озера, могут идти с ним. А мы

останемся здесь и будем отстраивать заново наш чудесный город и наслаждаться достатком и миром.

— Да здравствует король Бард! — продолжали кричать горожане. — Хватит с нас стариков и торгашей!

— Ура лучнику! — воскликнул кто-то. Стоявшие рядом подхватили: — Ура лучнику! Долой толстосумов!

— Я вовсе не хочу обидеть Барда, — вкрадчиво проговорил градоправитель, косясь на стоящего неподалеку лучника. — Он спас множество жизней, и его подвиг будет прославлен в песнях. Но почему, о жители Эсгарота, — голос градоправителя вдруг стал громким и звонким, — почему вы во всем вините меня? Чем я вам не угодил? Разве это я пробудил дракона? Кому мы помогли, кого снабдили припасами, кто заставил нас поверить, будто древние предания могут стать явью? Кто воспользовался нашей добротой, нашим гостеприимством? Гномы! И чем они отплатили? Золотом? Как бы не так! По их милости дракон напал на Эсгарот! По их милости сотни людей остались без крова! Сколько женщин овдовело, сколько детей осиротело!

Теперь вы понимаете, почему градоправитель

стал градоправителем, как он сумел занять свой важный пост? Лукавые речи заронили подозрение в сердца горожан, они тут же забыли о короле Барде и стали проклинать Торина и прочих гномов. Зазвучали горькие, обидные слова; те, кто еще недавно распевал песни о возвращении короля Одинокой Горы, теперь стали утверждать, что гномы нарочно растормошили дракона, чтобы тот уничтожил город на озере.

— Глупцы! — воскликнул Бард. — Нашли на кого свалить! Да эти бедолаги наверняка сложили свои головы первыми! — И тут ему пришла мысль, заставившая призадуматься. Если гномы и вправду погибли, выходит, сокровища под Горой охранять некому. Если их добыть да набрать людей — над лежащим ныне в развалинах Долом вскоре вновь поплывет перезвон колоколов…

Бард отогнал наваждение и продолжил, обращаясь к градоправителю:

— Сейчас не время для перебранок и споров. У нас хватает других дел. Пока еще я должен тебе подчиняться — но однажды я вспомню твои слова и уйду на север со всеми, кто пожелает ко мне присоединиться.

Он повернулся и пошел туда, где ставили шалаши для раненых. Градоправитель проводил

его хмурым взглядом, а потом погрузился в размышления и отвлекся от них лишь затем, чтобы потребовать для себя огня и еды.

Потолковав с горожанами, Бард понял, что весть об оставшемся без охраны кладе распространяется быстрее лесного пожара. Люди рассуждали о том, что сокровища — достойная плата за все их страдания, что теперь будет чем платить за любые товары с юга, ни в чем себе не отказывая, и за подобными разговорами веселели на глазах. Других поводов веселиться не было. В шалашах разместили раненых и один отдали градоправителю, а еды едва хватило на всех (даже градоправителю досталась лишь крохотная порция). Той ночью многие простудились и впоследствии умерли. Только представьте себе — счастливо избежать гибели в битве с драконом, уцелеть при пожаре и умереть от простуды!

День не принес облегчения. Больных становилось все больше; вдобавок еды не хватало и люди голодали.

Бард распоряжался по своему разумению, не забывая, правда, всякий раз напомнить, что действует от имени градоправителя. Ему пришлось нелегко — нужно было позаботиться о жилье, о пропитании, об охране лагеря и о многом, многом

другом. Наверное, мало кто из бывших жителей Эсгарота перенес бы зиму, когда бы не подоспевшие на подмогу эльфы. Гонцы, которых Бард отправил в Лихолесье, столкнулись на берегах лесной реки с целым войском (а ведь прошло всего три дня, как погиб свирепый Смог).

Король лесных эльфов узнал о событиях на озере от своих лазутчиков и от птиц, которые разнесли вести о гибели Смога по всему Дикому Краю. Пернатые разволновались настолько, что никак не могли успокоиться. В небе собирались громадные стаи, крылатые гонцы, не ведая отдыха, сновали туда-сюда. На опушках Лихолесья стоял невообразимый гам. Деревья шелестели листвой, точно прислушиваясь, звери настораживали уши. Беорн в своем доме у Мглистых гор узнал о гибели Смога даже прежде короля эльфов, а гоблины спешно собрались в пещере на совет.

— Боюсь, о Торине Дубовом Щите мы больше никогда не услышим, — сказал король эльфов своим приближенным. — А ведь я предлагал ему не спешить, погостить у меня подольше. Но нет худа без добра. — Он тоже вспомнил о сокровищах Трора, а потому приказал снарядить войско и выступил в поход с множеством копейщиков и лучников, которых и встретили на реке посланцы

Барда. А в небе кружило воронье — кровожадные птицы словно чувствовали, что вот-вот начнется война вроде тех, какие случались в здешних краях в незапамятные времена.

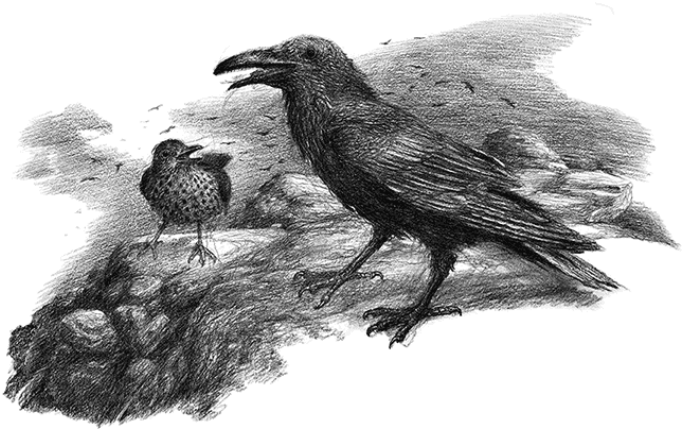
Услыхав о злоключениях жителей Эсгарота, король внял просьбе Барда, свернул с дороги, что вела прямиком к Одинокой Горе, и поспешил вниз по реке к Долгому озеру. Лодок и плотов было мало, поэтому войско пошло по берегу, а вот съестные припасы отправили водой. Эльфы легки на ногу, а потому уже на пятый день после гибели дракона, хотя идти пришлось по не слишком-то знакомой, болотистой местности, они достигли берегов озера и увидели лагерь. Люди во главе с градоправителем так обрадовались, что готовы были обещать своим спасителям любую награду за помощь.

Вскоре составили план. Градоправитель оставался в лагере вместе с женщинами, детьми, старыми и немощными; там же остались мастеровые — и люди, и эльфы. Кто валил деревья, кто вытаскивал из воды приплывавшие по реке бревна. До наступления зимы успели возвести на берегу целое селение. А еще, по настоянию градоправителя, заложили новый город, больше и красивее прежнего. Место выбрали другое,

севернее, и подальше от воды, ибо никому не хотелось жить на озере, на дне которого распростерся мертвый дракон. Неподвижный, словно статуя, Смог лежал на отмели; никогда уже ему не вернуться в свое логово под Горой. Должно быть, и через много столетий в хорошую погоду можно будет разглядеть его скелет среди развалин Эсгарота. Однако и мертвый дракон внушал страх: немногие отваживались проплывать над ним на лодках, и никто не нырял за самоцветами, усеявшими дно озера.

Итак, градоправитель остался в лагере, а воины Барда и войско короля эльфов выступили в поход к Горе. На одиннадцатый день после разрушения Эсгарота передовой отряд перевалил через холмы, переправился через ущелье, по которому несла свои воды Бегущая, и очутился в Раздраконье.

Глава XV
Гроза надвигается



* * *

Вернемся же к Бильбо и гномам.

Ночью поочередно несли дозор, но ничего подозрительного не заметили, вот только над Горой собиралось все больше птиц. Обитавшие на Горе вороны кружились над вершиной с громкими криками, а с юга подлетали другие птицы, стая

за стаей.

— Что-то здесь не так, — сказал Торин. — Осень минула, все перелетные птицы давно должны были улететь в теплые края. И вот на тебе! Тут и скворцы, и зяблики, а за ними целые стаи стервятников. Не иначе где-то поблизости случилась великая битва.

— Глядите! — воскликнул Бильбо, ткнув пальцем. — Вон тот самый дрозд! Верно, удрал, когда Смог принялся крушить все подряд, а теперь вернулся. Хоть один уцелел — улитки-то, боюсь, сгорели заживо.

Старый дрозд уселся на камень недалеко от входа в сторожевую башню, сложил крылья и защебетал. Потом склонил голову набок, словно прислушиваясь, снова защебетал — и снова выжидательно замолчал.

— Кажется, он хочет нам что-то сказать, — проговорил Балин. — Но слишком уж торопится, я его понять не могу. А ты, Торбинс?

— Да, трудновато, — согласился Бильбо, на деле не разобравший в дроздовьей скороговорке ни единого слова. — Но по-моему, он сильно беспокоится.

— Эх, был бы он вороном! — с чувством сказал Балин.

— Ты же не любишь воронов! Когда мы взбирались сюда, ты их проклинал на чем свет стоит.

— То были не вороны, а вороны, твари гнусные, мерзкие и грубые. Ты, верно, слышал, как они ругались нам вслед? Вороны — совсем другие. Мы завели с ними дружбу еще при Троре, они приносили вести из дальних краев, а мы одаривали их всякими блестящими безделушками, которые им так нравились.

Вороны живут долго, и память у них долгая, свою же великую мудрость они передают по наследству. И я был знаком со многими воронами. Знаешь, почему этот пик назвали Враньим? — в честь старого Карка и его супруги. Чудесная была пара! Хорошо бы снова с ними встретиться, да вряд ли они дожили до наших дней: старина Карк уже и тогда был совсем дряхлым.

При этих словах Балина дрозд громко вскрикнул и взмыл в воздух.

— Сдается мне, он понял, о чем мы говорим, — сказал Балин. — Что же, будем ждать; правда, чего — не знаю.

Вскоре послышался шорох крыльев. Дрозд вернулся, а вместе с ним прилетел престарелый ворон — полуслепой и лысый. Он с трудом опустился на землю, медленно сложил крылья и

подковылял к Торину.

— О Торин, сын Траина! О Балин, сын Фундина! — прокаркал он. (Бильбо понимал ворона, ибо тот говорил на всеобщем языке.) — Я Роэк, сын Карка, вашего верного друга. Карк умер, но я не забыл его наставлений. Тому сто и пятьдесят и еще три года, как я вылупился из яйца, и теперь я — вожак стаи. Нас осталось немного, но мы хорошо помним великих королей Горы. Внемлите! Мои подданные принесли мне диковинные вести. Внемлите! И не корите меня, коли вас не все обрадует.

Внемлите! Птицы возвращаются к Горе с юга, с востока и с запада, ибо все уже знают, что проклятый Смог мертв.

— Мертв? — вскричали гномы. — Мертв? Значит, не нужно нам больше прятаться? Значит, сокровища теперь наши?

— Мертв, — подтвердил ворон. — Он погиб на глазах у дрозда — да не выпадут вовек перья этой славной птахи! Три дня назад дракон напал на Эсгарот и погиб, сраженный меткой стрелой.

Гномы буквально запрыгали от радости. И не скоро Торину удалось их утихомирить. Тогда ворон поведал им о битве горожан с драконом и воскликнул:

— Так возрадуйся же, Торин Дубовый Щит! Ибо сей дворец отныне — твой и сокровища тоже твои! Но не долго придется тебе радоваться. Ибо сюда, к Горе, слетаются не только птицы. Окрестные земли полнятся слухами о павшем драконе и бесхозных сокровищах, и многие, многие хотят урвать лакомый кусочек. Войско эльфов уже в пути; его сопровождают стаи стервятников, предвкушающих кровь и смерть. А озерным жителям внушили, что всему виною гномы — мол, это из-за них Смог напал на Эсгарот и спалил его дотла, оставив горожан без крова и пропитания. А раз так, пусть поделятся они своим богатством; а коли не захотят по-доброму, отберем силой.

Да будет ваше решение мудрым, ибо вас всего-то тринадцать! Малая горстка осталась от великого племени Дарина, обитавшего когда-то под Горой! Но прислушайтесь к моему совету: не верьте градоправителю. Говорите лучше с тем, чья стрела сразила Смога. Имя ему — Бард. Он потомок Гириона, владыки Дола, человек суровый, но прямой и не двуличный. Всем на радость был бы мир между гномами, эльфами и людьми, но мир будет стоить золота из сокровищницы Трора. Я все сказал.

— Благодарю тебя, Роэк, сын Карка, — отозвал-

ся Торин. — Мы не забудем твоей услуги. Но ни крупинки нашего золота наглецы не получат — покуда мы живы! Наша благодарность будет еще весомее, если ты станешь сообщать нам о приближении войск. А коли в твоем племени найдутся молодые вороны с сильными крыльями, отправь одного гонцом в северные горы к моим родичам, пускай поведает им о наших делах. Прежде всего нужно известить моего двоюродного брата Даина с Железного Взгорья. Он живет ближе других, и у него много отважных воинов. Попроси гонца поспешить.

— Не знаю, мудро ли ты решил, но сделаю, что смогу, — ответил Роэк. Он взмахнул крыльями и тяжело полетел прочь.

— В Гору! — вскричал Торин. — Времени у нас осталось мало!

— А еды и того меньше, — добавил хоббит. Ведь было бы чем перекусить, а остальное приложится, верно?

Бедный господин Торбинс! Ему-то казалось: дракон погиб — и делу конец! А тут выясняется, что конца по-прежнему не видно. Честно говоря, Бильбо отдал бы половину своей доли, лишь бы все помирились и не надо было ни с кем воевать.

— В Гору! В Гору! — закричали гномы, пропустив слова хоббита мимо ушей. Деваться было некуда, и следом за гномами Бильбо вернулся в пещеру.

* * *

Вам кое-что уже известно, поэтому вы знаете, что в запасе у гномов было несколько дней. Они тщательно облазили пещеру и выяснили, что попасть в нее снаружи можно лишь через Парадные Врата; все остальные ходы завалены, так что о них можно не беспокоиться. Принялись укреплять ворота и заодно прокладывать новую дорогу. В пещере нашлось множество инструментов, оставшихся с давних времен. Гномы трудились не покладая рук, и дело спорилось (еще бы! Гномы — отличные строители); а вороны приносили вести о продвижении вражеских ратей. От птиц узнали, что король эльфов повернул к озеру и можно немного перевести дух; о том, что трое пони спаслись от дракона и ускакали к реке — туда, где на берегу лежали припасы и снаряжение. Фили и Кили, как самые молодые и легкие на ногу, отправились за животными.

Они отсутствовали четыре дня, а когда вернулись, товарищи пересказали им новые вести,

принесенные воронами, — войско короля эльфов и отряды людей с озера движутся к Горе. Однако положение уже не казалось безнадежным: еды было в достатке (конечно, сытники надоели до смерти, но ничего другого все равно нет), а вход в пещеру теперь преграждала высокая и толстая каменная стена. В ней имелись бойницы, сквозь которые можно наблюдать за окрестностями или стрелять, но ворот в стене не было. Спускались с нее и забирались наверх по приставной лесенке, а груз поднимали веревками. Правда, была арка, сквозь которую вытекала река, однако за аркой узкое русло Бегущей слегка изменили, так что теперь речная вода разливалась вширь и между стеной и обрывом, с которого поток срывался в Дол, возникло широкое озеро. Теперь добраться до ворот можно было только вплавь или по узкому гребню — справа от озера, если смотреть со стены. Пони, которых привели Фили и Кили, встретили у обломков старого моста, сняли с них поклажу и отпустили, пожелав удачного возвращения домой, на юг.

* * *

Как-то среди ночи Дол вдруг засверкал мириадами огней — горели факелы, пылали костры.

— Пришли! — воскликнул Балин. — Сколько же их! Должно быть, нарочно дожидались сумерек, чтобы подобраться незамеченными.

В ту ночь гномы не сомкнули глаз. Едва забрезжил свет, вражеское войско выступило из лагеря. Гномы наблюдали со стены, как отряды один за другим втягиваются в долину между отрогов Горы. Вскоре стало возможно кое-что разглядеть. Люди вооружились как на войну, а впереди шли эльфы с луками и копьями. Вскоре передовой отряд миновал пороги, появился на краю обрыва — и застыл в изумлении перед широким озером, за которым возвышалась высокая стена.

Воины переговаривались, указывали на стену и на озеро. Торин решил их окликнуть.

— Кто вы, пришедшие с оружием к Вратам Торина, сына Траина, короля Подгорного королевства? — громко крикнул он. — Что вам нужно?

Ему никто не ответил. Часть воинов сразу же отправилась обратно, другие поглазели еще немного и тоже ушли. Лагерь они разбили к востоку от реки, точно посредине между отрогами Горы. Оттуда доносились клики и песни, чего Гора не слышала давным-давно. Звенели эльфийские арфы, звучала музыка, и от этого гномам чудилось, будто вдруг становится теплее и откуда-то

доносится нежный аромат весенних цветов.

А Бильбо захотелось сбежать, спуститься в долину, присоединиться к царящему в лагере веселью. Кое-кто из гномов не прочь был бы поступить так же. Вполголоса говорили, что воевать не стоит, что наверняка можно договориться миром, однако сурово сведенные брови Торина быстро заставили малодушных примолкнуть.

Тогда принесли арфы и другие инструменты и заиграли и запели, чтобы развеселить короля. Но песня гномов ничуть не напоминала беззаботные эльфийские. Зато очень была похожа на ту, какую они пели в уютной норке Бильбо.

Король вошел, велик и благ,
В свой тронный зал, в подгорный мрак!
Да сгинет так и всякий враг,
Как сгинул Лютый Змей, Червяк!

Стрела скора и меч востер,
И крепок на Вратах запор,
Король наш смел, и клад наш цел!
Нам страх неведом с этих пор!
И деды наши, и отцы
Здесь колдовали, кузнецы,

И в те поры из-под Горы
Будто звенели бубенцы.

Годится звездный – для колец,
Огонь драконий – на венец,
А лунный свет – в любой предмет,
И в струны песнь вплетет певец.

Народ чудесный, о, нам внемли!
Вновь короля мы обрели!
Освобожден Подгорный трон!
Ликуйте, гномы всей земли!

Мы через горы вас зовем:
«Придите, гномы, в древний дом!
Вас ждет у Врат, щедр и богат,
Кто был и будет королем!»

Король вошел, велик и благ,
В свой тронный зал, в подгорный мрак!
Да сгинет так и всякий враг,
Как сгинул Лютый Змей, Червяк!

Судя по тому, что Торин заулыбался, песня ему понравилась. И он принялся подсчитывать, каково расстояние от Одинокой Горы до Железного

Взгорья и как скоро доберется сюда Даин, если выступит немедля, как только получит весточку. А Бильбо, наоборот, нахмурился: уж очень воинственной была песня и ничего хорошего она не предвещала.

На рассвете отряд копейщиков прошел по узкому гребню и остановился под самой стеной. Над отрядом развевались два знамени — зеленый штандарт короля эльфов и голубой стяг Эсгарота.

Торин повторил свой вопрос:

— Кто вы, пришедшие с оружием к Вратам Торина, сына Траина, короля Подгорного королевства?

На сей раз ему ответили.

Вперед выступил высокий темноволосый человек с суровыми чертами.

— Привет тебе, Торин! — крикнул он. — Чего ради ты укрылся за стеной, точно купец в своей кладовой? Мы ведь покуда еще не враги! Не знаю, поверишь ли ты мне, но мы несказанно рады, что вы живы. Мы и не надеялись застать в живых хоть кого-нибудь. А коль скоро довелось нам встретиться, почему бы не потолковать?

— Сперва скажи, кто ты такой, а потом уж решим, стоит ли нам говорить.

— Меня зовут Бард. Моей рукой сражен дракон, а значит, это я вернул вам ваши сокровища. Чем не повод для переговоров? К тому же я — наследник Гириона, владыки Дола, а в твоем дворце много богатств, похищенных проклятым Смогом из Дола и других городов. Вот тебе второй повод. И еще: перед гибелью Смог разрушил Эсгарот, горожане лишились крова. От имени градоправителя я спрашиваю тебя: готов ли ты вернуть долг? Ведь горожане помогли вам, а вы, сами,

конечно, того не желая, отплатили им огнем и разрушением.

Слова Барда, гордые и суровые, были справедливы, и Бильбо решил, что Торин немедля со всем согласится. (Между прочим, спорщики могли бы и вспомнить, кто отыскал уязвимое местечко на груди дракона; да нет, вряд ли, им явно не до того.) Однако неведомо было хоббиту, какой властью над сердцами обладает золото, до которого хотя бы дотронулся дракон, — ведь такое золото становится зачарованным и подчиняет себе всякого, кто его коснется; а уж если к такому золоту прикоснулся гном, совсем плохо дело: ни за что на свете не расстанется он со своей добычей. Торина сокровища заворожили, он перебирал их часы напролет, и не только потому, что искал среди них Завет-камень, — нет, все они были ему одинаково дороги, ибо напоминали о великой и печальной истории племени гномов.

— Худший довод ты привел последним, да еще и упираешь на него, — ответил король гномов. — У тебя выходит, что мы в ответе за все лиходейства Смога и должны расплачиваться за дракона. С какой стати? Мы готовы заплатить за помощь, которую нам оказали, и заплатим в свой срок. Но ни угрозами, ни оружием от нас

ничего не добьешься. Ты сказал — мы покуда еще не враги. Но разве друзья приводят с собой целое войско? И, коли уж на то пошло, признайся: когда бы мы и вправду погибли, а вы завладели бы Горой — досталось бы нашим родичам хоть что-нибудь из этих сокровищ?

— Не знаю, — честно признался Бард. — Но вы-то, по счастью, живы, и мы не хотим с вами враждовать. Люди просят лишь об одном — помогите тем, кто прежде помог вам. Откажешь ли ты им в этой милости? Или ты предпочитаешь, чтобы весь мир говорил: «Король Торин — бессердечный скряга»?

— Пока у вас в руках оружие, с вами я ни о чем говорить не буду. А уж тем более с королем эльфов, который столь радушно приютил меня в своей темнице! И он еще смеет чего-то требовать! Ступайте прочь, коли не хотите отведать наших стрел! Пусть эльфы вернутся в свою чащобу, а там поглядим. И в следующий раз приходи без оружия.

— Король эльфов — мой друг, и он поспешил на выручку Эсгароту, бескорыстно, из одной только дружбы. Одумайся, Торин. Как бы тебе не пришлось пожалеть о своих словах! Мы скоро вернемся. Думай! — Бард повернулся и зашагал

к лагерю.

Минуло несколько часов. Знаменосцы возвратились вместе с трубачами, которые выстроились у стены и протрубили вызов.

— Торин Дубовый Щит, сын Траина, именующий себя королем Подгорного королевства! — воззвал глашатай. — Внемли голосам Эсгарота и Леса! Вот наши условия: одну двенадцатую долю сокровищ ты должен передать Барду, победителю дракона и наследнику Гириона. Бард готов помочь Эсгароту из своей доли, но если ты хочешь, чтобы впредь тебя любили и уважали, как твоих предков, то и сам поможешь восстановить Эсгарот. Принимаешь ли ты наши условия?

Торин схватил лежавший поблизости лук и выпустил стрелу. Она вонзилась в щит глашатая и так и осталась в нем торчать.

— Если таков твой ответ, — воскликнул глашатай, — мы объявляем тебе войну! Никто из вас не покинет Гору без нашего ведома, покуда вы сами не запросите мира. Мы не будем на вас нападать. Сидите на своем золоте. Хоть ешьте его, коли оно полезет вам в глотки!

Глашатай удалился вместе с охраной. Гномы стали держать совет, решая, как им быть. На Торина было боязно даже смотреть, не то что

заговаривать с ним. Впрочем, большинство было заодно с королем и ничуть его не осуждало. Иного мнения придерживался разве что толстяк Бомбур да Фили с Кили. И, конечно, Бильбо. Хоббиту Гора и без того уже надоела до смерти, и тут на тебе пожалуйста — осада! В общем, сплошное невезение.

— Вонища ужасная, — пробормотал Бильбо себе под нос. — Драконом смердит так, что хоть топор вешай. А эти сытники того и гляди встанут поперек горла!

Глава XVI
Дела ночные

* * *

Томительно тянулись дни. Гномы с утра до вечера копались в сокровищах. Только теперь Торин заговорил о Завет-камне и просил всех помочь в розысках этого самоцвета.

— Завет-камень моего отца, — сказал он, — стоит дороже реки золота, а для меня вообще не имеет цены. Из всех сокровищ только его я

возьму себе. И горе тому, кто покусится на него!

Бильбо перепугался — страшно даже представить, что сделает Торин с хоббитом, если найдет самоцвет, который, между прочим, был спрятан в узле тряпья, служившем Бильбо подушкой. Однако он продолжал хранить свою тайну; вдобавок мало-помалу у него начал складываться план.

Вороны принесли известие: Даин и с ним более пятисот гномов поспешают от Железного Взгорья, приближаются к Горе с северо-востока и уже находятся всего в двух днях пути от Дола.

— Но незамеченными им не пробраться, — сказал Роэк. — Придется сражаться. Это не мудрое решение. Пусть они отважные, закаленные в боях воины, им не одолеть войско, осаждающее Гору. И даже если они одержат победу, вам нечему будет радоваться. Зима на носу, морозы и снег — вам одним, без помощи извне, ее не пережить. Сдается мне, Смог вас не сумел погубить, а сокровища погубят.

Но Торин стоял на своем.

— Людям с эльфами от морозов тоже не поздоровится, — сказал он. — У нас есть где укрыться, а они в своих палатках замерзнут заживо. А снег, может быть, хоть немного их образумит.

Той ночью Бильбо наконец решился. Когда

стемнело, он прокрался к стене у ворот, вытащил из котомки веревку с крюком и завернутый в тряпье Завет-камень. Потом он взобрался на стену по приставной лестнице. По верху стены прохаживался дозором Бомбур — опасаясь внезапного нападения, гномы каждую ночь выставляли часового.

— Ну и холод! — пожаловался Бомбур. — Им-то небось тепло! Вон сколько костров!

— В пещере тоже теплее, чем здесь, — с намеком проговорил Бильбо.

— Я думаю! А мне тут торчать до полуночи, — проворчал Бомбур. — Ну что за невезение! Конечно, с Торином — да удлинится его борода! — я спорить не стану, но уж больно тверд у него лоб!

— Не тверже моих ног, — возразил Бильбо. — А они устали от камней. Я бы отдал почти все на свете, лишь бы побегать по травке!

— А я бы с удовольствием перекусил да на боковую, в теплую постельку.

— Вот снимут осаду, тогда и поспишь на перине. Если хочешь, я могу тебя подменить. Моя очередь была давно, да и вообще спать что-то не хочется.

— Договорились! Если что, разбуди первым меня, ладно? Я лягу в палате слева от прохода. Ты, Торбинс, отличный малый!

— Иди, иди, — отмахнулся Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь.

Едва Бомбур скрылся в пещере, Бильбо надел кольцо, закрепил веревку и соскользнул со стены. В запасе у него было около пяти часов. Бомбур наверняка уже храпит (толстяк и прежде мог заснуть когда и где угодно, а после того, как искупался в лесной речке, все норовил увидеть вновь те чудесные сны); остальные же во главе с Торином копаются в сокровищах. Вряд ли кто-нибудь, даже Фили или Кили, заберется на стену прежде, чем настанет его черед нести караул.

Ночь выдалась безлунной, выручало лишь то, что Бильбо шел по дороге, которую сам же помогал прокладывать. Но вскоре эта дорога закончилась, впереди были не очень-то знакомые места. В конце концов хоббит добрался до поворота, у которого, если он хочет попасть в лагерь, надо было перебраться через реку. Переходить вброд широкую, хоть и мелкую воду — серьезное испытание для того, кто мал ростом; все же Бильбо справился — точнее, почти справился. У самого берега нога хоббита соскользнула с камня, и он с громким плеском плюхнулся в воду. А когда встал и выбрался на сушу, по берегу уже бегали с зажженными фонарями эльфы, гадав-

шие, что случилось.

— Это не рыба! — воскликнул один. — Наверняка вражеский лазутчик. Притушите-ка фонари. Они нам все равно не помогут, если это тот самый малыш, который прислуживает гномам.

Прислуживает? Бильбо насмешливо фыркнул и вдруг почувствовал, что сейчас чихнет. Миг — и хоббит оглушительно чихнул. Эльфы бросились на звук.

— Привет! — сказал Бильбо. — Если вы ищете меня, то я здесь. — С этими словами он снял кольцо и шагнул им навстречу.

Эльфы изумились, но быстро оправились от изумления и окружили хоббита.

— Ты кто такой? Гномов хоббит? Что ты тут делаешь? Как ты пробрался мимо часовых? — Вопросы сыпались один за другим.

— Господин Бильбо Торбинс, к вашим услугам, — степенно ответил Бильбо. — Товарищ короля Торина. Вашего короля я тоже видел, хотя он, верно, при встрече меня не признает. Но Бард меня вспомнит, и к нему-то мне и нужно.

— Неужели? И по какому же делу?

— Дело это, добрые эльфы, наше с ним, и больше ничье. Но коли вы хотите вернуться домой, в свое Лихолесье, — проговорил хоббит, стуча зубами

от холода, — позвольте мне обогреться у вашего костра, а потом отведите к Барду. И давайте поспешим, а то у меня осталось от силы два часа.

* * *

Вот так и получилось, что вскоре после того, как Бильбо бежал из-под Горы, он очутился у костра перед королевским шатром. У огня рядком, с любопытством поглядывая на ночного гостя, сидели король лесных эльфов и лучник Бард. Им еще не доводилось видеть хоббита в эльфийских доспехах под рваным плащом.

— Вы, конечно, знаете, что дела обстоят неважно, — начал Бильбо самым деловым тоном, на какой был способен. — Я всем этим уже сыт по горло и с радостью вернулся бы восвояси — там куда как спокойнее и уютнее. Загвоздка только в сокровищах. Мне кое-что из них причитается — если быть точным, одна четырнадцатая от общей доли. Хорошо, что я сохранил эту бумажку. — Он достал из кармана куртки, которую носил под кольчугой, мятую записку, оставленную, как вы помните, когда-то на каминной полке Торином. — Взгляните. Тут ясно сказано — доля в добыче. Лично я ничуть не возражаю против того, чтобы сперва рассчитаться с вами, а потом

уже делить остаток. Но вы не знаете Торина. Пока вы здесь, он скорее умрет с голоду, чем поделится хотя бы крупинкой золота.

— Туда и дорога! — процедил Бард. — Своим упрямством он ничего другого не заслуживает.

— Может быть, — согласился Бильбо. — Но не забывайте, что зима на подходе. Скоро выпадет снег, и голодать будут не только гномы, но и люди, и эльфы. И потом, известно ли вам о войске Даина с Железного Взгорья?

— Разумеется, — откликнулся король эльфов, — но это нас не пугает.

— Понимаю. Но вы не знаете всего. Даин уже в двух днях пути отсюда. С ним по меньшей мере пять сотен гномов, отважных бойцов — многие из них сражались в ужасных битвах во время гоблиновых войн. Когда они подойдут, вам может не поздоровиться.

— К чему ты клонишь? — угрюмо спросил Бард. — Что-то я не разберу, ты продаешь своих друзей или угрожаешь нам?

— Мой дорогой Бард! — пискнул Бильбо. — Не надо торопиться. Ну что вы за человек, вечно всех во всем подозреваете! Я хочу вам кое-что предложить.

— Предлагай, — согласились Бард с королем.

— Вот, взгляните! — Бильбо вытащил из кармана Завет-камень и сорвал с него тряпье.

Даже король эльфов, в чьем дворце было немало драгоценностей, вскочил в изумлении. Бард, потрясенный, молчал. Казалось, шар наполнен лунным светом и висит в паутине, сотканной из холодного мерцания звезд.

— Это Завет-камень Траина, — сказал Бильбо. — Сердце Горы — и сердце Торина. Гному он дороже реки золота. Я отдаю его вам. Быть может, так будет проще договориться. — Бильбо без всякого сожаления вручил камень Барду, который, похоже, никак не мог оправиться от изумления.

— Но как он к тебе попал? — проговорил лучник, немного придя в себя.

— Ну, это долгая история! — откликнулся хоббит. — Понимаете… В общем, пускай камень будет залогом. Гномы считают меня добытчиком; быть может, так оно и есть, но если я и добытчик, то добытчик честный… Вот и все. А мне пора возвращаться, пускай там делают со мной что хотят. Надеюсь, камешек вам пригодится.

Король эльфов с уважением поглядел на хоббита и промолвил:

— Бильбо Торбинс, ты и вправду достоин носить эльфийские доспехи. И не важно, что они

тебе не по росту! Но вот одобрит ли тебя Торин Дубовый Щит? О гномах мне известно побольше твоего. Оставайся с нами, здесь ты будешь в безопасности.

— Спасибо на добром слове, государь. — Бильбо поклонился. — И за приглашение спасибо. Но я не вправе бросать друзей — мы столько всего испытали вместе. И потом, я обещал разбудить Бомбура. Простите, мне пора.

Возразить было нечего. Бильбо выделили охрану, король эльфов вместе с Бардом собрались его проводить. И тут им навстречу поднялся старик в черном плаще, гревшийся у одного из костров.

— Отличная работа, господин Торбинс, — похвалил он, обнимая хоббита и хлопая по спине. — Ты не перестаешь меня удивлять.

Это был Гэндальф!

В первый раз за много-много дней Бильбо по-настоящему обрадовался. Но для вопросов, которые ему немедленно захотелось задать магу, времени уже не оставалось.

— Потерпи, — сказал тот. — Если я не ошибаюсь, скоро все кончится. Конечно, тебя ждут крупные неприятности, но не вешай нос. Ты справишься. И знай, на подходе вести, которых не слышали и вороны. Может, так тебе станет

спокойнее. Спокойной ночи!

Озадаченный, но повеселевший Бильбо поспешил дальше. Его проводили до брода. Он перешел реку, ни разу не оступившись, попрощался с эльфами и двинулся к воротам. Усталые ноги слушались плохо, но незадолго до полуночи Бильбо уже поднялся на стену по веревке, которая так и свисала сверху. Хоббит отвязал ее, спрятал в котомку и уселся на стене, размышляя о том, что его ждет.

В полночь, как и обещал, он разбудил Бомбура и, отмахнувшись от гнома, благодарности которого, как сам он полагал, нисколько не заслуживал, завалился спать. И стоило ему только лечь, он тут же крепко заснул. Кстати сказать, снилась хоббиту сочная грудинка с яичницей.

Глава XVII
Гроза разразилась

* * *

На следующее утро спозаранок в лагере запели трубы. Вскоре гномы увидели, что к стене по узкому гребню кто-то идет. На некотором отдалении от стены посланец остановился и окликнул гномов: мол, согласится ли Торин вновь выслушать

Барда — ибо поступили кое-какие важные вести, да и обстоятельства изменились.

— Верно, из-за Даина они так всполошились, — сказал Торин. — Ветер донес слух о его приближении. Я согласен! — крикнул он. — Но пускай приходят без оружия.

Около полудня у стены вновь зареяли стяги Леса и Эсгарота. Два десятка воинов сложили у начала гребня свои мечи и копья и лишь потом двинулись дальше. Среди них были Бард и король эльфов, а еще — какой-то старик, закутанный в плащ с капюшоном. Он держал в руках большую обитую железными обручами корзину.

— Привет тебе, Торин! — сказал Бард. — Ты не передумал?

— По-твоему, на закате у меня на уме одно, а на восходе — другое? — надменно бросил Торин. — Ты пришел задавать глупые вопросы? Я настаивал на том, чтобы эльфы ушли, а они по-прежнему здесь. И пока они тут, мне с тобой говорить не о чем.

— И ты ни за что не поделишься золотом?

— А что ты или твои дружки могут мне предложить взамен?

— Как насчет Завет-камня Траина? — поинтересовался Бард.

При этих словах старик открыл корзину и достал ослепительно сверкающий алмаз.

Торин онемел от изумления. Долгое время все молчали. Наконец Торин нарушил тишину; его голос срывался от ярости.

— Этот камень принадлежал моему отцу, а теперь он мой по праву! — воскликнул гном. — С какой стати мне выкупать свою собственность. — Удивление, однако, взяло верх, и Торин не удержался от вопроса: — Но как он к вам попал? Впрочем, не отвечай — и так все ясно, воры и есть воры.

— Мы не воры, — возразил Бард. — И готовы вернуть твою собственность — в обмен на нашу.

— Но как он к вам попал? — гневно вскричал Торин.

— Это я его отдал, — испуганно пискнул Бильбо, высунув голову из-за стены.

— Ты? Ты! — возопил Торин, хватая хоббита за шкирку обеими руками. — Ах ты, хоббит недобитый! Добытчик недорезанный! — Слов ему не хватило, и он стал трясти беднягу Бильбо, как кролика. — Клянусь бородой Дарина! Был бы тут Гэндальф, уж я бы ему все сказал! Подсунул, понимаешь, спутника! Да отвалится борода у этого мага! А тебя я просто о стенку размажу! — гарк-

нул гном, поднимая Бильбо в воздух.

— Стой! — прозвучал суровый голос. — Твое желание исполнилось. — Старик, пришедший с Бардом, поставил наземь корзину и сбросил с плеч плащ. — Вот тебе Гэндальф! Кажется, я весьма кстати. Будь добр, не покалечь моего добытчика. Лучше выслушай его.

— Все вы заодно, — прорычал Торин, швырнув Бильбо наземь. — Чтоб я еще когда-нибудь связался с магом и его дружками — да ни в жизнь! Ну, говори, крысеныш!

— Охо-хо-хо, — сказал Бильбо. — Извини, что так получилось, ладно? Помнишь, ты говорил, что я сам могу выбрать свою долю? Может, я понял тебя буквально — но мне рассказывали, что гномы на словах вежливее, чем на деле. Ведь было время, когда я верил, что на что-то гожусь. А теперь я, значит, крысеныш? А кто обещал мне свою признательность до конца моих дней, кто говорил, что он всегда к моим услугам? В общем, я забрал свою долю и потратил ее по собственному разумению.

— Да будет так, — угрюмо отозвался Торин. — Надеюсь, мы с тобой больше не увидимся. — Он обернулся к Барду. — Меня предали. Вы все верно рассчитали — я не могу отказаться от Завет-кам-

ня, главного сокровища моего рода. За него я отдаю одну четырнадцатую долю клада — золотом и серебром, но не самоцветами. Это доля вон того изменника, и пускай он вместе с ней катится куда подальше. Думаю, вы сумеете поделить сокровища. И этого негодяя забирайте, глаза бы мои на него не глядели! Пошел прочь, не то я сам тебя сброшу! Надеюсь, тебе достанется шиш без масла. Давай проваливай.

— А как насчет золота с серебром? — справился Бильбо.

— Потом, потом. Все в свой черед. Убирайся.

— Но до тех пор Завет-камень останется у нас, — заявил Бильбо, слезая со стены.

— Не слишком ты хороший король, — заметил Гэндальф, обращаясь к Торину. — Впрочем, все еще может перемениться.

— Очень даже может быть, — согласился Торин. Он уже — столь велика была над ним власть сокровищ — размышлял, сумеет ли с помощью Даина отвоевать Завет-камень и сохранить в целости клад.

Вот так Бильбо покинул Гору, без всякой награды за труды, если не считать эльфийских доспехов. И кое у кого из гномов, глядевших ему вслед, шевельнулись в сердце сожаление и стыд.

— Прощайте! — крикнул хоббит. — Может, еще когда свидимся!

— Проваливай! — рявкнул Торин. — И радуйся, что на тебе кольчуга, выкованная моими предками. Стрелы ее не пробивают, но если ты не поторопишься, я пришпилю к земле твои кривые лапы!

— Не горячись! — осадил его Бард. — Мы подождем до завтра. В полдень мы вернемся за той долей сокровищ, которую ты отдаешь за камень. Если все будет по-честному, эльфы уйдут в свой лес, а люди возвратятся к озеру. Прощай, Торин!

Они ушли, а Торин через Роэка отправил весточку Даину, извещая того обо всем случившемся и умоляя поспешить.

* * *

Минул день, минула ночь. Наутро с запада подул холодный ветер, нагнал тучи. Спозаранок в лагере послышались крики. Это прибежали дозорные с донесением, что у восточного отрога Горы показались отряды гномов.

Даин пришел! Его войско шло всю ночь, без отдыха, и поэтому появилось намного раньше, чем его ждали. Вся рать гномов была в длинных, до колен, кольчугах; ноги обтягивали «чулки» — ме-

таллическая сетка в мелкую ячейку, такую умели ковать лишь подданные Даина. Воины выглядели весьма внушительно, у каждого была при себе двуручная секира, на поясе висел короткий меч с широким лезвием, а на спинах гномы несли тарчи — круглые щиты. Пышные бороды были заправлены под поясные ремни, над угрюмыми лицами нависали налобники железных шлемов.

Запели трубы, призывая людей и эльфов к оружию. Между тем гномы широким шагом поднимались по долине. Основная часть войска вскоре остановилась между восточным отрогом и рекой, лишь небольшой отряд пересек реку и двинулся к лагерю. Вот остановились и они, сложили наземь оружие и подняли руки в знак мирных намерений. Бард выступил им навстречу, прихватив с собой Бильбо.

— Мы — посланники Даина, сына Наина, — возгласили гномы. — Мы возвращаемся в наше древнее исконное королевство, поспешаем на помощь родичам. Посему отвечайте: кто вы такие и зачем, как нам кажется, осаждаете Гору? — Вопрос был задан на старомодный лад, вежливо и витиевато, а по-простому означал: «Вам тут делать нечего. Дайте нам пройти, не то мы пробьемся силой».

Прорываться они собирались, по-видимому, между отрогом и излучиной реки, там, где заслон был не слишком сильный.

Разумеется, Бард наотрез отказался пропустить гномов. Он хотел сначала получить обещанный выкуп за камень Траина, поскольку не верил, что Торин сдержит слово, коль скоро гарнизон его пополнится столь многочисленным войском. Гномы принесли с собой провизию — почти каждый воин Даина нес на плечах огромный мешок (гномы ведь способны таскать очень и очень тяжелые грузы). Если они прорвутся к Горе, осада растянется на недели, а то и на месяцы, а тем временем, весьма вероятно, подойдут и другие гномы, ибо родственников у Торина не счесть. К тому же гномы вполне способны пробить Гору потайным ходом в любом месте, и придется всю ее окружить войском, а на это никак не хватит сил.

Именно таковы и были планы гномов (вороны-посланцы без устали сновали от Торина к Даину и обратно), но Бард их нарушил; после долгих препирательств гномы удалились, бормоча что-то не слишком любезное себе в бороды. Бард немедля послал отряд к воротам, но там людей ожидал совсем не радушный прием: едва они

приблизились на расстояние выстрела, со стены полетели стрелы. Люди торопливо отступили. Лагерь зашевелился, готовясь к бою, а гномы Даина меж тем двинулись по восточному берегу реки.

— Глупцы! — усмехнулся Бард. — Я был о них лучшего мнения. Они, быть может, и умеют сражаться под землей, однако ничего не смыслят в войне на земле. В скалах на правом фланге сидят в засаде наши лучники и копейщики. У гномов крепкие кольчуги, но скоро им придется несладко. Ударим-ка по ним с двух сторон, пока они не успели отдохнуть после перехода!

— На твоем месте я бы не спешил, — возразил король эльфов. — Все равно им нас не миновать, если только они не прорюют подземный ход. Будем надеяться, что мы сумеем договориться миром. А коли дойдет до сражения, за нами численное превосходство.

Однако он не принял в расчет, что у гномов могут быть другие планы. Обозленные тем, что Завет-камень Траина в руках врагов, они решили нанести удар, пока люди с эльфами мешкают и спорят.

Без сигнала, молча, они ринулись вперед. Запели луки, зазвенели стрелы; еще немного — и завязалась бы рукопашная.

Но тут на землю пала тьма. Над Горой распростерлась неведомо откуда примчавшаяся черная туча, прогрохотал гром, из тучи ударила молния и вонзилась в вершину. А с севера надвигалась другая туча — громадная стая птиц, летевших столь плотно, что ни единого просвета не было между их крыльями.

— Стойте! — крикнул Гэндальф. Он появился откуда ни возьмись и встал между ратью гномов и воинством Барда. — Стойте! — воззвал маг громовым голосом, и с его посоха сорвалась ослепительная вспышка. — Вон идут ваши настоящие враги! Увы, они пришли скорее, чем я думал. Гоблины наступают! Их ведет Болг, сын Азога, сраженного в копях Мории рукой Даина! Глядите! Нетопыри вьются над ними, точно облако саранчи. Гоблины скачут на волках, а следом бегут варги!

Обе рати пришли в смятение, все были ошеломлены. Гэндальф говорил, а мрак сгущался. Гномы замерли, уставившись в небо. По рядам эльфийских воинов прокатился громкий крик.

— Слушайте! — воскликнул маг. — Мы еще успеем созвать совет. Да прибудет на него и Даин, сын Наина.

* * *

Так началось сражение, которого никто не ждал и которое впоследствии прозвали Битвой Пяти Воинств. Сеча была жестокой и кровопролитной. Ордам гоблинов и диких волков противостояли отряды людей, эльфов и гномов.

С тех пор как в Мглистых горах Торин и компания убили Верховного Гоблина, ненависть его соплеменников к гномам стала поистине безудержной. Между поселениями, городами и крепостями гоблинов беспрестанно сновали гонцы, ибо гоблины твердо вознамерились уничтожить гномов и подчинить себе весь север. Долго они следили за происходящим, собирая все вести и слухи, а сами тем временем ковали в пещерах оружие. Потом стали сходиться к огромной горе Гандабад, где находился их главный город, и вскоре там уже стояло многочисленное и хорошо вооруженное войско, готовое к походу на юг. Тогда-то гоблины и узнали о гибели Смога, ими овладело нетерпение, и они поспешили выступить. Шли ночами, не делая привалов, и поспели к Горе с севера, наступая на пятки рати Даина. Даже вороны не замечали их, пока отряды гоблинов не вступили в заброшенные земли,

отделявшие Одинокую Гору от северных хребтов. Сколь многое известно было Гэндальфу, сказать сложно, но маг сам признался, что появление гоблинов застало его врасплох.

На совете с королем эльфов, Бардом и Даином — гном не замедлил откликнуться на призыв, ибо гоблины были всеобщими врагами и с их появлением все распри были забыты — маг предложил такой план. Единственной надеждой было заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим оседлать южный и восточный отроги. Это могло обернуться неприятностями, если гоблинов окажется столько, что они сумеют окружить Гору и нападут с тыла, но выбора не было: ведь времени оставалось в обрез — даже если послать за подмогой, никакая подмога все равно не поспеет.

Гроза миновала, ушла на юго-восток, зато налетели нетопыри. Они промчались над отрогами Горы и закружились над головами союзников, вселяя ужас в сердца.

— К Горе! — крикнул Бард. — К Горе! Займем отроги, пока нас не смяли!

На южном отроге, на нижних склонах и на осыпях у его подножия расположились эльфы; гномы с людьми заняли восточный отрог, а Бард и с ним самые ловкие из людей и эльфов взобрались на вершину восточного отрога, чтобы лучше разглядеть врагов. Окрестности Горы на

севере словно затопило вышедшее из берегов озеро. Куда ни посмотри, всюду гоблины и волки. Вскоре передовые отряды врага обогнули кряж и с воплями ринулись в Дол. Они истребили немногочисленный заслон и всем скопом устремились дальше. Как и надеялся Гэндальф, гоблины кинулись в долину меж отрогами. Над войском развевались бесчисленные знамена — черные и алые; гоблины наступали, точно морской прилив, беспощадный и не ведающий страха.

Это была ужасная битва. В памяти Бильбо она осталась самым жутким, самым отталкивающим воспоминанием — хотя на словах хоббит весьма гордился тем, что участвовал в ней, и частенько принимался рассказывать, как там все происходило. Но вам я могу сказать по секрету, что в самом начале сражения он надел свое кольцо и пропал с глаз долой; впрочем, опасность все равно оставалась — ведь от случайной стрелы или от копья, пущенного наугад, кольцо не убережет. Зато оно поможет вовремя убраться с дороги и не позволит какому-нибудь гоблину снести вам голову ударом меча.

Эльфы приняли натиск первыми. Они ненавидели гоблинов холодной, смертельной ненавистью. Их клинки и копья светились во мраке

ледяным пламенем. Едва вражеское войско очутилось в долине, в воздух роем взмыли стрелы, и каждая стрела мерцала на лету. Потом вперед двинулись копейщики. Раздались истошные вопли, камни покраснели от гоблиновой крови.

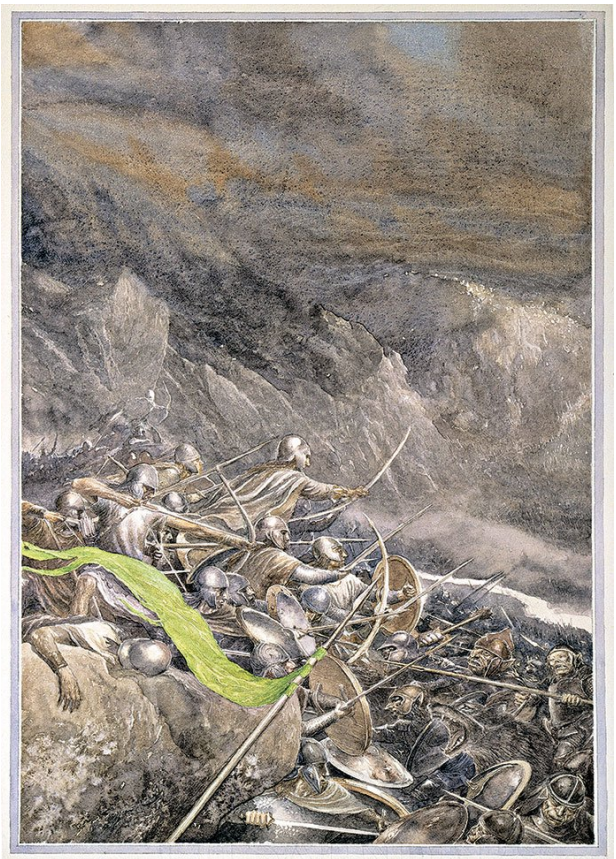
Гоблины быстро оправились, атака эльфов захлебнулась, и тут по долине разнесся воинственный клич. С криками «Мория!» и «Даин, Даин!» гномы с Железного Взгорья ринулись на врага, размахивая своими секирами, а бок о бок с ними шли люди, вооруженные длинными мечами.

Среди гоблинов вспыхнула паника, а когда они опомнились и сомкнули ряды навстречу новой атаке, эльфы ударили снова. Многие гоблины, спасая свои шкуры, кинулись обратно к реке, а волки набрасывались на недавних друзей, загрызая их до смерти. Желанная победа над пришельцами казалась такой близкой, но вдруг откуда-то сверху прогремел клич.

Это гоблины, обойдя Гору, взобрались на карниз над воротами. Огромный отряд безрассудно кинулся вниз, на отроги, не обращая внимания на то, что многие из них, вопя от ужаса, низвергались с утесов и обрывов. На отрогах осталось слишком мало защитников, чтобы отразить на-

тиск. Надежда сменилась отчаянием. Оказалось, то была лишь первая волна черного воинства!

День медленно клонился к вечеру. Гоблины снова скопились в долине. Туда же примчалась стая прожорливых варгов, а с ними — дружина Болга, гоблины громадного роста, все как один со стальными ятаганами. Мало-помалу начали сгущаться сумерки; а нетопыри все кружили над головами эльфов и людей, жадно впивались в поверженных, высасывали кровь. Бард, оборонявший восточный отрог, медленно отступал, а военачальники эльфов столпились возле своего короля на южном отроге близ сторожки Вранього Пика.



Вдруг раздались крики, у ворот пропела труба. Это был Торин, о котором все забыли. Часть стены, сдвинутая рычагами, с грохотом обрушилась в озеро. Из образовавшегося проема выскочил Горный король, а за ним его товарищи. Плащи и колпаки исчезли — на гномах были сверкающие доспехи, во взорах пылало пламя. Торин светился во мраке, точно слиток золота в свете догорающего костра.

По склону покатились пущенные гоблинами камни, но гномы легко увернулись, подбежали к обрыву, с которого река низвергалась в Дол, и ринулись в бой. Волки и всадники падали под их топорами. Торин своей секирой наносил чудовищные удары; казалось, никто и ничто не может пред ним устоять.

— Ко мне! Ко мне! Эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — кричал он, и голос его сотрясал землю, точно пение рога.

Воины Даина откликнулись на призыв первыми. Следом за ними устремились люди, не слушая криков Барда, умолявшего остановиться, а с другой стороны двинулись эльфы-копейщики. Гоблинов смяли, их трупы усеяли Дол, варги разбежались. Торин пробился к дружине Болга, однако до предводителя гоблинов добраться не

сумел. За его спиной, вперемежку с гоблинами, лежали и гномы, и люди, и веселые эльфы, которым еще жить бы да жить. Наступление захлебнулось. Отряд Торина был слишком уж малочисленным, и некому оказалось прикрыть его с флангов. Вскоре Торина окружили со всех сторон; куда ни глянь, всюду виднелись лишь морды гоблинов да оскаленные пасти вернувшихся за добычей волков. Дружина Болга с воплями обрушилась на гномов, будто морской прибой — на песчаный берег. Помочь им никто не мог, ибо сеча закипела с новой силой, и с обоих отрогов людей и эльфов потихоньку оттесняли вниз.

Бильбо глядел на все это, и сердце ему щемила тоска. Он находился на Враньем Пике вместе с эльфами — в основном из-за того, что оттуда было легче удрать, а еще потому, что в нем проснулся-таки дух Старого Тука и он твердо решил, буде случится такое, до конца защищать короля эльфов. Гэндальф тоже находился там — сидел, глубоко задумавшись, словно готовясь в последний раз сотворить что-нибудь магическое.

Гибель казалась неизбежной. «Гоблины захватят ворота, — думал Бильбо, — а нас всех перебьют или возьмут в плен. Ну как тут не заплакать! А я-то радовался, что все кончилось! Уж

лучше бы старина Смог остался жив — тогда никто не посмел бы покуситься на его сокровища. Бедный Бомбур, бедные Фили с Кили, и Балин, и все остальные! Бедный Бард, бедные люди, бедные эльфы! Бедный, бедный я! Сколько песен сложено о всяких битвах, и в них даже поражения описаны так красиво. А тут — брр! И во что я только ввязался?»

Ветер на миг разорвал облака, и на западе мелькнул алый проблеск заката. Бильбо глянул в ту сторону и вдруг увидел такое, от чего сердце едва не выпрыгнуло у него из груди. С запада приближались птицы!

— Орлы! — закричал хоббит. — Орлы летят!

Зрение редко подводило Бильбо. То и вправду были орлы, мерно, величаво взмахивавшие крыльями. Они слетались к Горе со всех гнездовий севера.

— Орлы! Орлы! — вопил хоббит, пританцовывая от возбуждения и размахивая руками.

Эльфы не могли видеть Бильбо, но услышать услышали. Они тоже закричали, их крик эхом раскатился по долине. Воины замерли и уставились на небо, хотя пока разглядеть орлов можно было только с южного отрога Горы.

— Орлы! — еще раз крикнул Бильбо. Тут ему

на голову свалился камень, он со стоном упал навзничь и потерял сознание.

Глава XVIII
Возвращение

* * *

Бильбо очнулся и увидел, что вокруг никого нет, а он лежит один-одинешенек у подножия Враньего Пика. Над ним раскинулось стылое безоблачное небо. Холод пробирал до костей, однако лоб хоббита пылал жаром.

— Что со мной стряслось? — пробормотал Биль-

бо. — Ладно, потом разберемся. По крайней мере, к павшим героям меня уже не припишешь. Ничего, с этим можно и не спешить.

Он сел и скривился от боли. Потом посмотрел на долину. Там громоздились горы трупов, среди которых, как показалось Бильбо, бродили эльфы. Он протер слезящиеся глаза. Так и есть. Вон и лагерь, в долине, цел и невредим. А кто там суетится у ворот? Похоже, гномы восстанавливают стену. Но почему тихо? Где радостные клики, где песни? И тишина какая-то неприятная — печальная, горестная.

— И все-таки мы победили, — проговорил Бильбо, ощупывая голову. — Вот только какой ценой?

И тут он увидел человека, который поднимался вверх по склону.

— Эй! — закричал хоббит срывающимся голосом. — Эй! Какие вести?

— Что за писк среди камней? — сказал человек, останавливаясь рядом с Бильбо, но явно его не замечая.

Бильбо вспомнил о кольце.

— Да уж, — пробормотал он. — У всего есть свои недостатки. Если бы не колечко, я бы спал уже в теплой постельке! Это я, Бильбо Торбинс, товарищ Торина! — воскликнул хоббит, торопливо

сдергивая кольцо с пальца.

— Вот хорошо, что ты нашелся. Тебя уже обыскались. Решили было, что ты погиб, но Гэндальф, маг, сказал, что в последний раз слышал твой голос на Враньем Пике. И меня послали проверить, для очистки совести. Ты сильно ранен?

— Кажется, меня шмякнуло по голове, — признался Бильбо. — Но на мне был шлем, да и голова у меня крепкая. В общем, ничего, только ноги не идут.

— Я отнесу тебя в лагерь. — Человек подхватил хоббита на руки.

Он шагал быстро и уверенно. Вскоре Бильбо очутился в Доле. У шатра его встретил Гэндальф с перевязанной рукой. Даже маг не сумел избежать ранения; что уж говорить о тех, кто был в гуще битвы.

При виде Бильбо лицо Гэндальфа просветлело.

— Торбинс! — воскликнул он. — Провалиться мне на этом месте. Жив, курилка! А я уж гадал, не кончилось ли твое везение. Без тебя же тут столько всего случилось! Ну это потом, новости потерпят. Пошли, тебя тут очень ждут. — Маг взял хоббита за руку и ввел в шатер. — Слышишь, Торин! Я его привел.

В шатре и вправду лежал Торин Дубовый Щит,

весь израненный; на земле валялись его продырявленные доспехи и зазубренная секира. Когда Бильбо приблизился, гном поднял голову.

— Прощай, добытчик! — промолвил он. — Я ухожу в палаты ожидания, к своим предкам, и не вернусь, покуда мир не возродится. А коль скоро я оставляю здесь все свое богатство — там оно ни к чему, сам понимаешь, — я хотел бы расстаться с тобой по-дружески, взять обратно свои слова и извиниться.

Опечаленный Бильбо опустился на одно колено.

— Прощай, Горный король, — ответил он. — Горестный конец у нашего похода, и даже гора золота не возместит такой утраты. Но я рад, что делил с тобой тяготы и опасности, — это великая честь, которой не заслуживает никто из Торбинсов.

— Не говори ерунды, — проворчал Торин. — Ты не знаешь себя, дитя светлого запада. В тебе отвага сочетается с мудростью, и сочетается дивно. Когда бы все мы ценили не только золото, а еду, веселье и песни, этот мир был бы гораздо приятнее. Но мне уже все равно, я покидаю его таким, каков он есть. Прощай!

Бильбо вышел из шатра, отыскал свое одеяло и

лег, завернувшись в одеяло с головой. Поверите вы или нет, но он горько плакал, плакал, пока глаза не покраснели от слез, а в горле не пересохло. Маленький господин Торбинс был существом добрым и привязчивым. Прошло много времени, прежде чем хоббит успокоился и даже начал шутить.

«Одно хорошо, — сказал он себе. — Не приди я вовремя в себя, не успел бы проститься с Торином... Его уже не вернешь, но я рад, что мы расстались друзьями. Какой же ты болван, Бильбо Торбинс! Как ты ни тщился, битва произошла. Так что камень можно было не воровать. Ах, если бы знать загодя!»

* * *

Но когда Бильбо узнал обо всем, что произошло после того, как его оглушило, тут уж стало совсем не до радости — он опечалился пуще прежнего, и ему отчаянно захотелось домой. Ноги так и рвались в сторону Лихолесья и Мглистых гор, за которыми лежала Хоббитания. Но и с этим пришлось повременить.

Пока хоббит готовится к возвращению домой, я расскажу вам, чем завершилась битва. Орлы пристально следили за гоблинами, от птиц не

укрылось, что те подозрительно оживились. И поэтому, собравшись все вместе, под водительством Повелителя орлов полетели они на северо-восток. И подоспели в самое время. Огромные птицы сбросили вопящих от ужаса гоблинов со склонов Горы, согнали вниз, прямо на копья эльфов и на мечи людей. Склоны очистились, и эльфы с людьми смогли наконец прийти на выручку своим товарищам в долине.

Однако даже орлы не смогли бы справиться со всеми вражьими полчищами. Хорошо, что вовремя и неизвестно откуда явился Беорн в своем медвежьем обличье.

С яростным ревом, подобным грому тысячи барабанов, он обрушился на гоблинов и на волков, раскидывая их в разные стороны, точно снопы соломы или кучи тряпья. Напав на врагов с тыла, Беорн с оглушительным рыком разметал их ряды и прорвал кольцо, в котором очутились гномы. Он поднял утыканного стрелами Торина, вынес того из гущи сражения, осторожно положил на траву и вновь, с удвоенной яростью, ринулся в бой. Дружина Болга — и та не устояла перед ним; сам Болг погиб, расплющенный медвежьими лапами. Гоблины в панике бросились наутек. А эльфы, люди и гномы преследовали их до реки

и даже дальше. Кого загнали в реку, кого в болота на западе и на юге; немногим удалось удрать, но их всех отловили и перебили на опушках Лихолесья. В песнях поется, что в тот день у Одинокой Горы пали три четверти войска северных гоблинов. В горах на много лет установился мир.

Победа стала явью уже вечером, но когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня еще продолжалась, а потому в лагере народу было мало — в основном тяжелораненые.

— Где орлы? — спросил хоббит у Гэндальфа, забравшись под груду теплых одеял.

— Одни помчались в погоню, — ответил маг, — другие уже вернулись в свои гнезда. Они улетели с первыми лучами солнца. Даин вручил их вожаку золотой венец и поклялся в вечной дружбе.

— Вот жалость. Я бы хотел повидаться с ними, — сонно проговорил хоббит. — Ну ничего, загляну к ним на обратном пути. А кстати, скоро ли я смогу отправиться назад, домой?

— Когда пожелаешь, — отозвался Гэндальф.

Прошло несколько дней, прежде чем заветное желание Бильбо осуществилось. Торина похоронили в пещере под Горой. Бард положил на грудь гному Завет-камень.

— Да покоится он тут, покуда стоит Гора! — ска-

зал лучник. — Да принесет удачу всем гномам, которые здесь поселятся!

Король эльфов положил на могилу Оркрист, эльфийский клинок, которого Торин лишился, когда попал в плен. В песнях поется, что лезвие Оркриста светится при приближении врагов; с этим клинком врасплох гномов было уже не застать. Править гномами теперь стал Даин, сын Наина, провозглашенный Горным королем, и многие собрались к его трону в древних чертогах. Из тех двенадцати, что сопровождали Торина, в живых осталось десять. Фили и Кили погибли, защищая своего предводителя и родича — ведь Торин был старшим братом их матери. Все десятеро присоединились к Даину.

Новый Горный король разделил сокровища по справедливости. Разумеется, о прежних договоренностях — по доле каждому гному и долю Бильбо — никто не вспоминал. Четырнадцатую часть сокровищ — золотом и серебром — отдали Барду.

— Мы выполним обещание покойного. Тем более что он получил свой Завет-камень.

Эта четырнадцатая часть представляла собой баснословное богатство, какое и не снилось никому из прежних королей. Бард отправил золото

градоправителю Эсгарота, щедро наградил своих друзей и соратников, а королю эльфов, зная, как тот любит драгоценные каменья, преподнес самоцветы Гириона, возвращенные ему Даином.

Бильбо же Бард сказал:

— О прежних уговорах можно забыть, ибо слишком многое с тех пор переменилось, но вот эти сокровища твои по праву. Ты отказался от своей доли, однако я не хочу, чтобы слова Торина, те, о которых он и сам сожалел, сбылись. Помнишь? Насчет того, что тебе достанется шиш без масла? Я вознагражу тебя щедрее, чем кого бы то ни было, и это будет справедливо.

— Премного благодарен, конечно, — ответил Бильбо. — Но я, по правде говоря, не знаю. Пока я его довезу, мне придется день и ночь отбиваться от охотников поживиться за мой счет. И что делать с сокровищами, когда я попаду домой, я тоже не представляю. Пускай уж оно останется у тебя.

Но в конце концов он согласился взять два сундука, один с серебром, другой с золотом. Сундуки были тяжелые, но ровно настолько, чтобы их мог увезти крепкий пони.

— Этого мне вполне хватит, — сказал Бильбо.

И вот наступило время прощания.

— Прощай, Балин! — проговорил хоббит. —

Прощай, Двалин! Прощайте, Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Да не выпадут вовек ваши бороды! — Потом повернулся лицом к Горе и прибавил: — Прощай, Торин Дубовый Щит. И вы, Фили и Кили. Да не изгладится память о вас!

Гномы низко поклонились, но слов ни у кого не нашлось — настолько они были опечалены.

— Счастливого пути, — после долгого молчания произнес наконец Балин. — Куда бы ни пролегла твоя дорога, да сопутствует тебе удача! Навести нас как-нибудь, когда мы отстроимся и приведем все в порядок. Такой закатим пир — мало не покажется!

— А коли вы будете в наших краях, заходите без предупреждения, — отозвался Бильбо. — Чай я обычно пью в четыре, но вам буду рад в любое время.

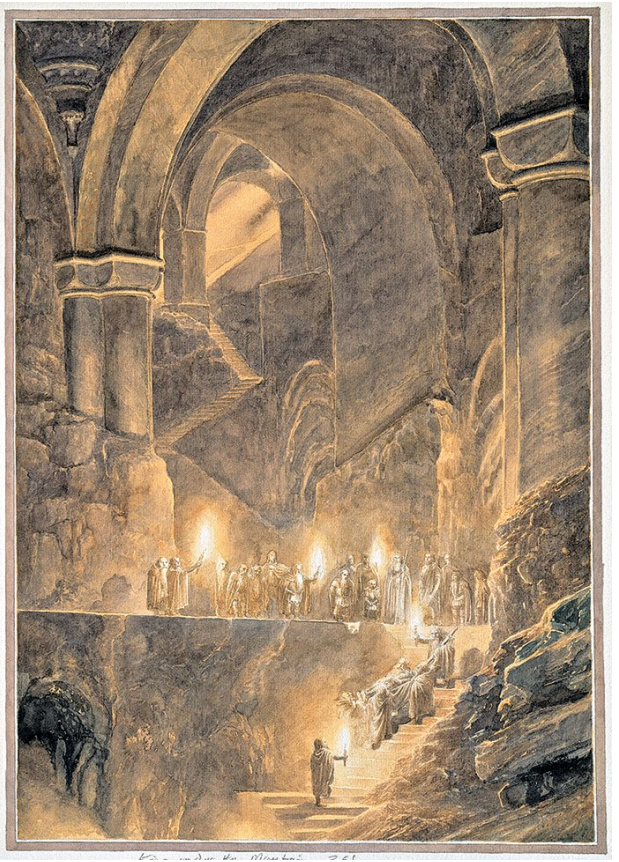
После этих слов он поспешно отвернулся.

* * *

И вот войско эльфов двинулось в обратный путь. Его ряды поредели, но ликования все же было больше, чем печали: ведь на многие годы в северные земли вернулась радость. Дракон погиб, гоблинов разбили в пух и прах, — сердца

эльфов рвались навстречу весне и веселью.

Гэндальф и Бильбо ехали в передовом отряде, позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн, вновь принявший человеческий облик. Он смеялся и горланил песни. Так добрались до опушки Лихолесья, севернее того места, где вырывалась на простор лесная река. Там задержались, ибо маг с хоббитом не собирались входить в лес и вежливо отказались от приглашения погостить в королевском дворце. Они намеревались обогнуть чащобы с севера, проехать по пустыне, что пролегла между Лихолесьем и хребтами Серых гор. Путь предстоял долгий и не слишком веселый, но все же он казался лучше ужасной тропы через лес — тем более что гоблинов в Серых горах почти не осталось. Беорн тоже выбрал этот путь.



— Прощай, о король, — сказал Гэндальф. — Да будет весел зеленый лес, пока мир еще молод, да будет весел твой народ!

— Прощай, о Гэндальф! — отозвался король. — Не бросай своего обыкновения — появляйся, когда ты больше всего нужен и когда тебя меньше всего ожидают. Чем чаще я буду видеть тебя в своих чертогах, тем сильнее будет моя радость.

— Прошу тебя, государь, — проговорил с запинкой Бильбо, поджав в смущении одну ногу, — прими от меня это. — Хоббит протянул эльфу жемчужное с серебром ожерелье, подарок Даина.

— Чем же я заслужил столь щедрый дар? — удивился король.

— Ну… Ты вряд ли знаешь… — Бильбо польстило изумление короля. — В общем, это… плата за гостеприимство, что ли. Я хочу сказать… Грабители — народ порядочный. А я съел много твоего хлеба и выпил много вина.

— Я принимаю твой дар, Бильбо Великолепный, — промолвил король. — И нарекаю тебя отныне другом эльфов! Да не станет короче твоя тень, да будет прибыльным твое ремесло! Прощай.

Эльфы двинулись к лесу, а Бильбо поворотил

пони на север.

* * *

По дороге домой ему выпало немало трудностей и опасных приключений. Дикий Край оставался все таким же диким, и в те дни там хватало опасностей и без гоблинов. Но Бильбо хорошо охраняли и заботливо опекали — ведь с ним были маг и Беорн, так что по-настоящему он больше ни разу не испугался. К середине зимы, обогнув лес, Бильбо с Гэндальфом подъехали к дому Беорна. Хозяин закатил пир, на который собрались многочисленные гости. Гоблинов в Мглистых горах осталось раз-два и обчелся, да и те настолько перепугались, что не казали носа из своих подземелий, варги тоже куда-то пропали — посему от приглашения никто не отказался.

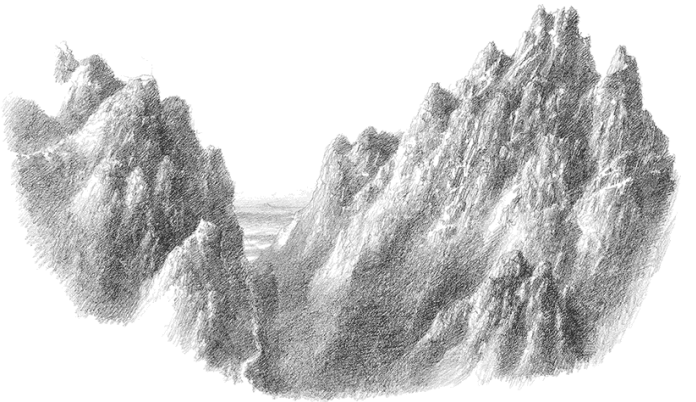
Впоследствии Беорн стал великим вождем и правил всеми землями от гор до Лихолесья; говорят, что его потомки на протяжении многих поколений обладали способностью превращаться в медведей. Некоторые из них были угрюмыми и даже злыми, но большинство походили на Беорна — хотя бы добрым сердцем, если не размерами и силой. Именно они изгнали последних гоблинов из Мглистых гор, и по всей границе

Дикого Края воцарился мир.

В чудесный весенний денек, когда уже вовсю пригревало солнце, Бильбо с Гэндальфом покинули дом Беорна. Бильбо рвался домой, но от человека-медведя уезжал с сожалением, ибо весной цветы в садах Беорна были не менее прекрасны, чем летом.

Долгий и утомительный путь по горам привел к тому самому проходу, где на путников когда-то напали гоблины. Добрались туда утром и, когда оглянулись, увидели в небе ослепительное солнце. Вдалеке синело Лихолесье; его ближняя опушка была темно-зеленой, даже по весне. За лесом возвышалась Одинокая Гора. На ее вершине до сих пор лежал искрившийся на солнце снег.

— Где полыхало пламя, выпал снег, и даже драконы погибают! — сказал Бильбо, поворачиваясь спиной к местам своих похождений. Беспокойный дух Старого Тука слабел с каждым днем, зато вторая часть его натуры заявляла о себе все настойчивее. — Эх, очутиться бы сейчас в моем креслице! — прибавил он со вздохом.



Глава XIX
Последний шаг

* * *

Первого мая путники достигли ущелья, в котором стояла Последняя (теперь получалось, что первая) Приветная Обитель. Сгущались сумерки, пони заметно устали — особенно тот, который

вез сундуки с золотом и серебром. Всем хотелось отдохнуть. Дорога нырнула вниз, и послышалась песня. Бильбо подумалось, что эльфы Раздола не переставали петь с тех самых пор, как он с гномами здесь побывал. Как только въехали на лужайку, эльфы запели новую песню, удивительно похожую на ту давнишнюю. Звучала она приблизительно так:

Ах, змей, – ах, он что же?
Распался на части!
Ни кости, ни кожи,
Ни чести, ни власти!
Ах, меч, он заржавлен,
Престол пошатнулся,
Но будет исправлен –
Король-то вернулся!
Ах, люди в надежде,
Ах, гномы с их кладом,
Все будет как прежде,
Все будет как надо –
Тра-ли-ли-лине! –
Как в нашей долине!

Алмазы на своде,

Ах, кажутся близки,
А месяц, он вроде
Серебряной миски!
И золота краше,
И ярче, и чище
Сокровище наше –
Лесное огнище!
Тра-ля-ля-ля-лину!
Спешите в долину!

Откуда, куда вы?
И что же так поздно?
Затихли дубравы,
И ночь уже звездна.
Отбросьте унынье –
С добычей вы ныне
Вернулись к долине!
И ныне в долине
Танцуют эльфини!
Тра-ля-ля-ля-лину –
Спускайтесь в долину!
Тра-ля-ля!
Тра-ля-ля!

Тра-ля!

Эльфы приветствовали путников, помогли переправиться через реку и проводили к Элронду. Владыка Раздола радушно встретил гостей. Эльфам не терпелось послушать, что произошло у Горы. Гэндальф принялся рассказывать, а Бильбо сидел и подремывал. Поначалу маг пересказывал то, что узнал от хоббита по дороге и в доме Беорна; но потом речь зашла о том, что Бильбо не было известно; хоббит встрепенулся, приоткрыл один глаз и прислушался.

Из разговора Гэндальфа с Элрондом наконец-то выяснилось, где маг пропадал. Оказывается, после расставания с гномами Гэндальф направился прямиком на большой совет белых магов, хранителей мудрости и доброй магии. Всем вместе магам удалось изгнать Некроманта из его черной твердыни на юге Лихолесья.

— Скоро лес изменится, — сказал Гэндальф. — Надеюсь, мы прогнали его надолго. Как жаль, что не навсегда!

— И вправду жаль, — согласился Элронд. — Увы, ни в эту эпоху, ни в последующие, боюсь, окончательно его победить не удастся.

Когда Гэндальф кончил рассказ, эльфы принялись вспоминать древние сказания, петь новые

песни и пересказывать неподвластные времени предания. Бильбо забился в уголок, свесил голову на грудь и крепко заснул, похрапывая во сне.

Проснулся он в постели, на белоснежной простыне, а в распахнутое окно светила луна. От реки громко и отчетливо доносились звонкие голоса эльфов:

Пойте все вместе, пойте все хором!
Ветер над вереском, ветер над бором!
Звезды в цвету, и луна расцвела –
Лунная башня бела и светла.

Пляшите все разом, пляшите все вместе!
Ноги, танцуйте, не стойте на месте!
Река под луною полна серебра.
Будем сегодня гулять до утра.
Тише вы, тише! Как в колыбели –
Баюшки-баю! – на мягкой постели
Спит наш скиталец. Сны навевай –
Баюшки-баю! – ласковый май.

Тише вы, Ясени, Ивы, Ольшины,
Сосны, Дубы! Не шумите, вершины!

Скройся, луна! Смолкни, ручей!
Баюшки-баю – до первых лучей!

— Эгей, добрый народ! — окликнул Бильбо эльфов, высовываясь из окна. — Вы хоть знаете, который час? Да ваша песенка разбудит и пьяного гоблина! Но все равно — спасибо вам.

— А от твоего храпа проснется и каменный дракон, — со смехом отозвались эльфы. — Но и тебе спасибо. Дело к рассвету, а ты почиваешь с самого вечера. Пожалуй, отоспишься за всю дорогу!

— В доме Элронда и сон — лекарство, — сказал хоббит, — будем лечиться, покуда есть возможность. Еще раз доброй ночи, друзья. — С этими словами он нырнул в постель и проспал до самого утра.

Усталость как рукой сняло, он много шутил, пел и танцевал с эльфами. Но даже чудесный Раздол не мог его удержать — он не переставал думать о доме. Через неделю хоббит попрощался с Элрондом, вручил ему на прощание маленький подарок, который тот благосклонно принял, и они с Гэндальфом вновь тронулись в путь.

Едва выехали из долины, небо на западе потемнело, в лицо ударил ветер с дождем.

— Вот тебе и весенний ветерок! — пробормотал

Бильбо. — Ну да ладно, мы едем домой. Будем считать, это — привет из дома.

— Впереди еще долгий путь, — возразил Гэндальф.

— Зато последний, — отозвался Бильбо.

Добрались до реки, обозначавшей границу Дикого Края, переправились бродом — вы, должно быть, его помните. В горах таял снег, каждый день шли дожди, поэтому вода в реке поднялась, но перебрались без приключений и поскакали дальше — к Хоббитании.

Все было как прежде, лишь компания уменьшилась и стала тише, да троллей на сей раз не встретилось. Бильбо припоминал прошлый год — что было, о чем говорили (казалось, минул добрый десяток лет), — а потому сразу приметил то место, где свалился в реку и где свернули с тропы после встречи с Томом, Бертом и Биллом.

Неподалеку от дороги нашлось и золото троллей — в целости и сохранности.

— Мне и так хватит до конца дней, — сказал Бильбо, когда они с Гэндальфом выкопали золото. — Бери его себе. Вдруг пригодится?

— Безусловно пригодится, — ответил маг. — Но, знаешь ли, от тюрьмы да от сумы… По-моему, оно тебе скоро понадобится.

Наполнили золотом переметные сумы, навесили их на пони, которые оказались далеко не в восторге от прибавившейся поклажи, а сами пошли пешком. Кругом зеленела листва, трава вымахала уже в рост хоббита, солнце припекало.

Бильбо частенько останавливался отдохнуть и вытирал лицо красным носовым платком — этот платок он одолжил у Элронда.

Все на свете имеет конец, и наша история — не исключение. Одним июньским днем перед путниками раскинулся край, где Бильбо родился и вырос, где все пригорки и деревья были ему знакомы не хуже собственных пяти пальцев. Поднявшись на взгорок, он увидел вдалеке свою Кручу, остановился и вдруг нараспев произнес:

Дорога – это значит путь
По чащам, по горам
И под горой, где тьма и жуть,
И по речным волнам,
Зимой – в мороз, а летом – в зной,
Ведь путь всегда таков –
Всегда под солнцем, под луной,
Коль нету облаков!
Дорога – это надо знать –
Всегда на край земли!
А ноги сами тянут вспять
Туда, откуда шли;
Пускай огонь и тьма кругом,

Пускай враги вокруг, –
Всегда я вижу милый дом,
Любимый сад и луг!

— Мой милый Бильбо! — проговорил Гэндальф. — Что с тобой случилось? Ты ли это?

Вот пересекли мост, миновали мельницу и подошли к норке господина Торбинса.

— Хо! — вскричал Бильбо. — Что тут такое?

У дверей толпился народ, хватало всяких — и почтенного вида, и не слишком, а многие сновали в дверь и выбегали обратно. Мало того, при этом они даже не вытирали ноги!

Если господин Торбинс удивился, то все прочие изумились, если не сказать больше! Ведь Бильбо появился в разгар аукциона. На воротах висело большое объявление, где красным и черным было написано: «Июня двадцать первого числа господа Грабл, Грабл и Копанец будут продавать с аукциона вещи господина Бильбо Торбинса. Аукцион состоится в Торбе-на-Круче, Хоббитания. Начало в десять ноль-ноль». Так как близился полдень, многие вещи уже успели продать по сходной цене — как поется в старых песнях (и как обычно бывает на аукционах), распродали ни за грош. Родичи Бильбо, Лякошель-Торбинсы,

старательно измеряли комнаты, прикидывая, поместится ли там их мебель. Короче говоря, Бильбо объявили пропавшим без вести, и отнюдь не все в Хоббитании обрадовались, когда он нежданно возвратился.

Вообще возвращение господина Торбинса наделало много шума. Добрых десять дней на Круче и в Приречье не утихали разговоры. А на то, чтобы власти официально признали Бильбо живым, потребовалось несколько лет. С вещами дело обстояло проще: убедившись, что от уговоров толку мало, Бильбо просто-напросто взял да и выкупил свою собственную мебель и прочую хозяйственную утварь. К сожалению, серебряные чайные ложки так и не нашлись; Бильбо подозревал, что они осели у Лякошель-Торбинсов. А те никак не хотели признавать в нем господина Торбинса и даже отворачивались, когда встречали его на улице. (Понимаете, им очень уж хотелось переселиться в чудесную норку Бильбо.)

Вскоре выяснилось, что Бильбо расстался не только с чайными ложками, но и со своей репутацией. Он был другом эльфов, его уважали гномы, маги и тому подобные личности, заглядывавшие порой к нему на огонек, а вот в Хоббитании к Бильбо относились иначе. Соседи держали гос-

подина Торбинса за сумасброда; дружили с ним разве что племянники и племянницы по линии Туков, и то тайком от родителей, которые вовсе не поощряли дружбы с «этим Торбинсом».

Мне неловко это говорить, но мнение соседей нисколько не тревожило Бильбо. Он наслаждался спокойной, размеренной жизнью; и даже котелок на огне, казалось, посвистывал теперь куда мелодичнее, нежели в те дни, что предшествовали Нежданному Угощению. Свой меч Бильбо повесил над каминной полкой, а кольчуга висела в гостиной, пока он не сдал ее в музей. Золото и серебро господин Торбинс расходовал в основном на подарки, полезные и роскошные, — хотя бы по этому можно судить, как он относился к своим племянникам. А кольцо никому не показывал и надевал, лишь когда надо было спрятаться от незваных гостей.

Соседи качали головами, приговаривали: «Совсем Торбинс спятил», — и стучали себя по лбу; мало кто верил его россказням. А Бильбо писал стихи, порой навещал эльфов и был счастлив до конца своих дней (а прожил он долго-долго).

* * *

Осенним вечером несколько лет спустя Бильбо сидел в кабинете и писал воспоминания, которые собирался назвать «Туда и обратно, или Прогулка хоббита». И тут в дверь позвонили. Это оказался Гэндальф, и не один, а с Балином!

— Входите, входите! — засуетился Бильбо. Вскоре все расселись у огня. Балин, наверное, заметил, что жилет господина Торбинса раздался вширь и пуговицы на нем из чистого золота; а Бильбо бросились в глаза удлинившаяся борода гнома и роскошный, отделанный самоцветами пояс. Стали вспоминать былые дни; Бильбо не терпелось узнать, как обстоят дела в окрестностях Горы. Там все было в порядке. Бард построил в Доле новый город, куда переселились многие жители Эсгарота, а также люди с юга и с запада; Дол вновь стал плодороден и богат, а в заброшенных землях пели птицы и цвели цветы, осенью там собирали плоды и пировали. Озерный город тоже восстановили, и он сделался краше и богаче прежнего. Вверх и вниз по реке ходили корабли с товарами, а эльфы, гномы и люди жили в мире и согласии. Но прежний градоправитель кончил плохо. Он не устоял перед соблазном (ведь драконьи чары

продолжали действовать) — похитил золото, которое Бард отдал ему на восстановление Эсгарота, бежал и умер с голоду в пустыне, брошенный даже своими слугами.

— Новый градоправитель вроде поумнее, — сказал Балин. — Его все любят, и он немало потрудился на благо Эсгарота. Горожане складывают песни, в которых поется, что реки ныне стали золотыми.

— Значит, пророчество все-таки сбылось, — задумчиво проговорил Бильбо.

— Разумеется! — подтвердил Гэндальф. — А почему бы ему не сбыться? Или ты не веришь пророчествам с тех пор, как сам помог осуществиться этому? Знаешь, мой милый, это уж слишком. Ты еще скажи, что всем своим богатством обязан одной удаче, опекавшей тебя всю дорогу! Господин Торбинс, вы, конечно, достойная личность, и я не могу на вас налюбоваться, но не забывайте, что на самом деле вы — мелкая сошка в этом огромном мире!

— Вот и славно, — засмеялся Бильбо и протянул магу табакерку.

